

охота

и охотничье хозяйство

11

2012

2012, № 11

Автоагрессия

Г. АГАПИТОВ, егерь, г. Октябрьский, Республика Башкортостан

Все мы помним открытое письмо ведущих специалистов охотничьего хозяйства России к руководителям государства с отчаянным предостережением от последствий ныне действующего закона «Об охоте...».

Все мы знаем, что власть игнорировала мнение учёных.

Все мы видим, что худшие варианты развития событий, предсказанные охотоведами, сбывались.

«Мы» — это все охотники и рыболовы, как единая группа гражданского общества, объединённая «Росохотрыболовсоюзом», реально заинтересованная в охране природы. Только организовано можно добиться от власти принятия полезных для охраны природы законов.

Одним из аспектов, предложенных охотоведами к рассмотрению, было отсутствие в законе «Об охоте...» каких-либо постулатов, регулирующих использование гражданами, как для охоты, так и для передвижения по охотхозяйствам, автотранспортных средств.

Мои детские и юношеские воспоминания о походах в лес или на реку навсегда связаны с некоторыми, на мой взгляд, показательными картинками:

— Сынок, — бабушка мне говорит. — Айда, на минутку в лес сбегает, груздочков нацарапаем, — она произносила «насарпаем», груздь называла «грусъ», а её определение «на минутку» — и «быстро», и «ненадолго», надо понимать чуть ли не буквально. Дело в том, что и до опушки леса, где тогда в изобилии произрастали грузди, чуть больше километра, а уж до луговых опять и вовсе вдвое меньше, и бабушка могла в течение дня покинуть дом ненадолго дважды, между утренним, дневным и вечерним кормлением домашнего скота. Так вот, пешочком частенько «бегали» и неизменно «насарпывали». По выходным дням вместе с другими членами семьи, с соседями мы ходили уже в дальние походы в лес или на реку. Однако, как бы далеко мы не уходили, везде встречали людей с ведрами или лукошками, с удочками или ружьями. Любопытно, летом в лесу в основном встречались женщины ягодницы-гриб-

ницы, очень часто с детьми, на реке мужчины-рыболовы и ягодники. Зимой мужчины, охотники и рыболовы. Но все, всегда, пешком. И никто, никогда не полагал себя ущемленным в правах на свободу передвижения!

Еще одна примечательная «картинка» проявляется при просмотре кинофильмов. В глаза бросается несоответствие внешнего вида дорог изображаемому времени. В действительности, в 60-е — 70-е гг. 20 в. все лесные грунтовые дороги у нас были... трехколейными. Две колеи, оставленные, «как и положено», колесами (в основном тележными, не автомобильными), а третья, посередине, пробитая копытами запряженной в телегу лошади. Еще и в начале 80-х такая «трехколейность» повсеместно просматривалась. Не было тогда у людей личных автомобилей, а казенными в личных целях не пользовались.

Но вот вопрос, откуда же столько автотехники в собственности граждан в наши дни вдруг взялось? Неужто благосостояние так стремительно выросло? А, может, секрет в том, что однажды произведенная здесь или завезенная из-за «бугра» техника уже никогда никуда с наших дорог не исчезает? Более обеспеченные товарищи, «поамортизовав», продают свои авто менее обеспеченным, те, в свою очередь, тем же порядком, еще менее обеспеченным... Заканчивается отдаванием развалюхи за то, что согласился забрать. Видимо, таким вот макаром мы сегодня имеем то, что имеем как касательно автопарка, так и охотхозяйства.

И те «мои» заветные «грусъдевые» местечки, и вообще вся лесная опушка вокруг нашего (и всех других) города, также и на километр — два вглубь леса, сегодня всплошную завалены кучами бытового мусора. Люди добрые, не так давно здесь токовали глухари, от тетеревиного «бормотанья» в мае гул стоял, рябчики вспархивали не реже сизарей в городе. Не бывало такого дня, в который не увидишь здесь хотя бы одного лося или косулю. Сегодня здесь только вороны. Помойка. Сортир... Молодежь? Нувориши? Коррупционеры? Не-ет, всю эту гадость понаволокли сюда со своих подворий, гаражей, квартир, сараев на своих автомобилях взрослые, хозяйственные, с виду вполне приличные и разумные, дяденьки и тетеньки. Граждане.

Сегодня в любом уголке леса, по берегам водоемов помимо хлама, оставленного на местах пикников, обедов и перекусов, в течение дня не один раз обнаружатся пакеты с откровенным кухонным и туалетным мусором. Как минимум, эти пакеты в рюкзаке или в охап-

ке никто сюда не нес. Их тоже привезли в личном автомобиле из дома... «по пути». Сегодня повсюду в лесу, где только можно протиснуть легковой автомобиль, зияющие колеи и ... масляные, воздушные, топливные фильтры, разноцветные пластиковые емкости изпод автотехнических жидкостей. А что? Пока семья любит природу...

Берега водоемов «вытоптаны» автомобилями до самого уреза воды. Какое там «водоохранные» 50 м?! Здесь в разы чаще, чем в лесу, «техобслуживают» личные машины, а уж моют все, кому не лень.

Автоагрессоры. Иначе не назовешь.

С выпадением первых порош среду обитания диких животных оккупируют снегоходами. Для снегохода «дорога» везде. Кусты, молодые посадки — не препятствие. Был бы достаточный просвет между деревьями. В считанные дни снежный покров в угодьях покрывается густой сетью затвердевших снегоходных следов, которые в течение зимы регулярно возобновляются после каждого снегопада, в иной конфигурации.

С появлением первых проталин снегоходчики (до следующей зимы) пересаживаются «просто кататься» на квадроциклы и кроссовые мотоциклы. Я эти три вида АТС выделяю только потому, что для них вообще никакая дорога не нужна. Ну объясните, почему по газонам ездить нельзя, а в лесу можно везде? На газонах в основном бурьян, а на любой лесной полянке, между прочим, может оказаться последняя в округе особь редкого растения. Что, вероятно? А что произойдет, если хотя бы раз — два вспугнуть с кладки глухарку или тетерку? А что случится с детенышами любых видов зверей или птиц, если их днем принудить покинуть укрытия? Механизм причинения вреда популяциям просто гуляющим по лесу человеком хорошо известен. Фактор беспокойства. «Моторизованные войска» причиняют беспокойство несравнимо интенсивней пешеходов и на больших площадях (более протяженных маршрутах).

Интересно проследить, кто и зачем сегодня бывает в лесу или на водоеме? Рыболовов, которые действительно удят рыбу, но не тех, кто пьет пиво и держит при себе удочку, больше не стало. Другое дело, что среди них не осталось пешеходов. Охотников, не браконьеров, именно на охоте и 10, и 20, и 30 лет назад было столько же, сколько и сегодня. Легко проверить по корешкам сезонных путевок. Но все сейчас на технике. Ягодники, как и различных ягод, стало значительно меньше. Оставшиеся энтузиасты на любимые полянки ездят на машинах.

охота

и охотничье хозяйство 11 2012

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

* Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Грибников, за счет использования транспорта, в целом стало больше. Количество их колеблется по годам и сезонам, в зависимости от урожайности тех или иных грибов. После того, как «пройдет слух», на угоды обрушивается «бронетанковая» армада.

Количество людей в природных ландшафтах, по сравнению с моими «картинами» сорокалетней давности, в разы выросло за счет моторизованных ПИКНИКистов, всякого рода «просто катающихся», «любующихся» и т.п. Таким образом, в вышеизложенных негативных процессах охотники и рыболовы от остальных групп граждан никак не отличаются. Что касается конкретно рыбной ловли и охоты, это отдельная тема.

Одно дело — за несколько километров притащить сети, лодку и т.п. на «горбу», другое — доставить к водоему на машине. Так и действуют: привозят вечером на берег человека с запрещенными снастями, дожидаются в сторонке, пока он поставит сети, увозят (как вариант, охранять заночуют — «жулье кругом, как бы не обокрали»), утром кучей вырывают сети с уловом, за минуты грузят в багажник авто. Все! Привет! Личный автомобиль, вот основная причина нынешнего массового рыболовного браконьерства, не только уровень охраны.

Как сообщили редактору журнала «Рыбалка на Руси» В. Баловнев Смоленские госрыбнспекторы (газета «Рыбак Рыбака №5, 2012 г.), «...Мы не в состоянии даже снимать браконьерские сети...» В Башкирии охрана рыболовных угодий ухудшилась только в части лишения полномочий егерей местных ООиР и ликвидации общественного рыбнадзора при этих организациях. Государственных рыбнспекторов как было 30 лет назад полтора человека на республику, так и сейчас остается. То есть в этом компоненте не ухудшилась. В бассейнах, где правилами рыболовства запрещен лов сетными орудиями, следует запретить не только их сбыт гражданам, но и порядок их транспортировки установить надо. Ответьте мне, кто сих пор умудрился не встретить на берегу «мудреца», у которого полный багажник сетей — «просто так», или, который их — «только что нашел, вон там на помойке».

Первое, что мы сегодня слышим в сообщении о выявленных браконьерах: «была остановлена машина, в ней было обнаружено...» ГИБДД сейчас самый эффективный «охотнадзор». Так-то. (Это уже потом, все эти случайные выявления громко объявляются «рейдами»). Иногда, правда, егеря или охотоведы, по автомобильным же следам, добираются прямо до дома браконьера.) Парадокс? Вряд ли. В нынешнее время уже ни одно, кажется, значительное браконьерство в сфере охоты не совершается иначе, как с применением автотранспорта. Оно и понятно: чтобы застрелить зверя из окна машины или «с седла» квадроцикла, затянуть лебедкой тушу лося в салон «буханки» или на прицеп любой легковушки, пе-

рекантовать лося, а тем более кабаничку или косулю, на сани снегохода и «улететь», требуются считанные минуты. Но и с разрешением, когда тушу в лесу разделяют, всегда находятся «умники», где один сидит в машине, держит в руках разрешение, авторучку и ждет. И когда мясо (неразделанную тушу) домой везут, сидит, держит и ждет (поставить два крестика в разрешении — одна секунда). А если не «дождутся» никого, на следующий день с чистым разрешением (и совестью?) вновь на охоту.

Лет 30 назад все лицензии на копытных в нашем охотхозяйстве были заготовительными. Поэтому тушу рубили на 4 части. Из леса выносили на себе. Никто от этого не помер. Мне, как егерю, доводилось «горящие» лицензии в одиночку «закрывать».

Ограничения, предусмотренные (для охотников же только) п.53.1. приказа МПР РФ №512 от 16.11.10 г. «Об утверждении правил охоты...» полагаю недостаточными (уже в СМИ «торговля» по поводу лукавых «доездов до места охоты», «обрезании кварталов», «расстановок номеров», «забросов загонок» и т.п.) и, в существующей обстановке, невыполнимыми. Нарушители правил охоты (и рыболовства) выгодно «растворяются» в большей, по числу, массе «автофигурантов» темы, не охотников (и не рыболовов). Председатель Октябрьского ГООиР Ф.М. Хабибов, в мае 2011 г., «перехватил» в лесу гражданина на кроссовом мотоцикле, который гонялся за лосихой с лосенком (в мае!), чтобы сфотографировать (!?) — «Ну и че? Нельзя что ли? Я же их не убиваю». Сколько же надо егерских и охотоведческих ног и рук, чтобы каждое «колесо» догнать и «пощупать»?

Правила пишутся для законопослушных. Как же «обозоружить» браконьеров? Мы живем в самой большой по площади стране. Какого-то единого правила в ФЗ «Об охоте...» вполне логично может и не быть. В законе должна быть предусмотрена ОБЯЗАННОСТЬ региональных властей разработать соответствующие принципы. Продвинуть эту идею до логического завершения — святая обязанность «Росохотрыболовсоюза». Все остальное — задача региональных обществ, в моем случае «Башохотрыболовсоюза», в том числе и побудить к действию «Росохотрыболовсоюз».

Никто, как городские (районные) ООиР (другие охотпользователи тоже) в полной мере знают, кто, как, куда, на чем и зачем ездят по их охотхозяйству. Поэтому именно местное общество должно иметь право подготовить своеобразный ПРОЕКТ урегулирования «транспортного потока» в своем хозяйстве. Правительство или глава региона своим постановлением (Указом), в установленном специальной процедуре, узаконивает данный документ («Регламент»? «Порядок»? «Правила»?). Таким образом, он становится обязательным к исполнению всеми гражданами и организациями. Следовательно, долж-

на возникать и ответственность за нарушение изложенных требований. То есть, в региональный адмкодекс необходимо внести дополнение на предмет, ну скажем, «умышленного негативного воздействия на биотопы и биоценоз посредством автотранспорта».

В частности, на территории нашего Октябрьского охотхозяйства расположено значительное число объектов нефтедобычи, ряд транзитных продуктопроводов и ЛЭП. Эти объекты постоянно месторасположения и обслуживаются соответствующими предприятиями при помощи авто- и автотракторной техники. Следует законодательно обязать подобные промышленные предприятия: 1. — Иметь карту-схему с указанием своих объектов с относящейся к ним сетью дорог; 2. — Предоставлять свою карту-схему местному охотпользователю для согласования вышеупомянутого «проекта». Ограничением для этой категории правообладателей должен быть запрет на выезд за пределы своих объектов и дорог. Все это в полной мере применимо и к сельхозпредприятиям.

Лица, осуществляющие хозяйственную деятельность индивидуально (пчеловоды, заготовители сена или дровесины и т.п.), действуют на основании разового, либо краткого или долгосрочного разрешения. Следует законодательно обязать структуру, уполномоченную выдавать подобные разрешения, одновременно определять путь подъезда к объекту деятельности, в виде схемы, от ближайшего населенного пункта или дороги общего пользования. Ограничением для этой категории правообладателей должен быть запрет на выезд за пределы своей дороги и объекта, а также обязательный учет сезонности деятельности.

Особая категория — лесники. На площади в 41,2 тыс. га Октябрьского охотхозяйства, к примеру, располагается, частично или полностью, 4 лесничества, где едва ли 15 человек наберется. Штатные работники в лесохозяйственных целях передвигаются в пределах своих лесничеств без ограничений (безусловно, лесники должны обладать полномочиями по охране природы в самом широком спектре). Это полностью относится к штатным работникам охотобщества (охотхозяйств). В моем случае — 5 человек.

Действуя по такой схеме, возможно предельно минимизировать автоагрессию на угоды. Однако никто не должен быть обязан вводить в своем хозяйстве подобные ограничения. Вполне вероятно, что где-то это может привести к неравномерному, нерациональному, чрезмерному пользованию. Поэтому это может быть только безусловным, неотклонимым правом местного охотобщества.

Гусеничные УАЗы, Нивы, другие легковушки (еще более агрессивная, чем колесная, техника), сегодняшняя реальность. Завтра они уже массово станут терзать нашу землю. ЗЕМЛЯ — категория нравственная, над ней нельзя глумиться.

Александр Иванович Кошелев и его сын Иван

Здравствуйтесь, уважаемая редакция. Живем мы в п. Ленинском Ростовской области. Нашему папе в декабре исполнилось 60 лет. Он у нас охотник с большим стажем, поэтому со страниц вашего журнала хотелось бы поздравить его. Наш папа уже много лет выписывает «Охоту и охотничье хозяйство», а первую подписку он оформил в 1974 году. Он очень внимательно читает и изучает каждый номер.

Чаще всего на охоту папа ходит один, так как, по словам его друзей-охотников, они просто не могут выдерживать его быстрый темп ходьбы. А на охоту он начал ходить с 12-ти лет вместе со своим отцом. Папа всегда вел здоровый образ жизни, занимался спортом, отрицательно относился к курению и алкоголю. Благодаря хорошей спортивной форме, он во время охоты может преодолевать большие расстояния.

Иногда папа охотиться со своими сыновьями — моими братьями Сашей и Ваней.

Они также с раннего детства начали проявлять интерес к охоте. Сейчас они оба охотники, правда, с небольшим стажем.

Папа очень хороший, добрый человек, и если это возможно, помогите поздравить его со страниц журнала и опубликуйте, пожалуйста, фото.

Здравствуйтесь, Уважаемая редакция журнала «Охота и Охотничье хозяйство», пишет Вам Наливайко Андрей Михайлович, пишу, надеясь получить от Вас информационную помощь. Надеюсь, отнесетесь с пониманием и сможете, так как привык искать многие ответы на страницах любимого журнала.

Я очень прошу Вас объяснить, как можно стать экспертом по породам и испытаниям лаек, только ли районное общество охотников и рыболовов может продвигать на это звание, и нужны ли дополнительные курсы по собаководству, если имеется высшее образование, по специальности биолог охотовед. Заранее очень благодарен Вам, и желаю как можно дольше радовать нас новыми интересными выпусками нашего любимого журнала об охоте.

**С Уважением,
НАЛИВАЙКО А.М.**

Ответ редакции.

В журнал «Охота и охотничье хозяйство» пришито письмо от А.М. Наливайко из г. Томска, в котором он просит объяснить как можно стать экспертом по породам и испытаниям лаек. Возможно, подобные вопросы нередко возникают и у читателей журнала, которые охотятся с другими охотничьими собаками.

Прежде всего, человек должен заниматься охотой с собакой и интересоваться собаководством — посещать выставки и испытания и в какой-то степени проявлять себя в своем охотничьем обществе, которое в дальнейшем будет давать ему рекомендацию.

Обязательно следует закончить курсы кинологов (если таковые существуют) и получить положительную оценку на экзамене или заниматься самостоятельно по программе, которую следует получить в своем или областном обществе охотников. В крайнем случае запросить программу в отделе собаководства РОРС и там же выяснить, где возможно сдать экзамен по кинологии экспертом.

Биологи-охотоведы несомненно проходят курс кинологии. Конечно, он очень много в себя не включает из того, чему обучают на курсах кинологов, и соискателю придется самостоятельно изучать вопросы экспертизы на выставках и испытаниях, но при получении категории эксперта-кинолога диплом охотоведа может быть учтен.

Соискателям категорий экспертов-кинологов присваивают звания в соответствии с принятой классификацией

пород охотничьих собак: борзые, лайки, гончие, норные, легавые, спаниели, ретриверы. В пределах каждой группы эксперт имеет право и должен проводить экспертизу всех пород, входящих в группу. Например, в группе «лайки» — русско-европейскую, западносибирскую, восточносибирскую и карельскую. В охотничьем собаководстве существует четыре категории экспертов-кинологов: первичная — 3-я, затем 2-я, 1-я и высшая — Всероссийская.

Для присвоения первичного звания эксперта III-й категории необходимо:

— рекомендация общества охотников, в котором состоит соискатель;

— наличие образования не ниже среднего;

— опыт работы в собаководстве (наличие собак, участие в работе общества охотников, охотничьем клубе);

— окончание курсов по подготовке экспертов-кинологов (очных или заочных), либо сдача экзамена экспертом;

— стажировка не менее двух лет на выставках, выводах или испытаниях одной группы пород;

Положительные отзывы — рекомендации экспертов, при которых проходила стажировка соискателя.

Для присвоения звания эксперта III-й категории документы направляют в региональную квалификационную комиссию или (в виде исключения) в Центральную квалификационную комиссию (г. Москва, Росохотрыболовсоюз):

— заявление соискателя;

— рекомендация, ходатай-

ство организации, в которой состоит соискатель;

— справку об образовании (копией);

— анкету (листок по учету кадров);

— автобиографию с рассказом об участии в киноленте кинематографической работе;

— две фотографии размером 3x4 см;

— справку об окончании курсов по подготовке экспертов-кинологов;

— справку о пройденной стажировке;

— отчет с описанием 30 собак одной группы пород на выставке;

— отчет с описанием работы 15 собак на испытаниях или состязаниях. Для лаек в основном по пушным видам (белка, куница, соболь, норка, хорь) и вольному зверю (кабан, лось);

— на каждый отчет должна быть рецензия — рекомендация от эксперта, у которого соискатель проходил стажировку.

В заключение следует отметить, что каждый охотник, который интересуется собаководством и имеет намерение стать экспертом-кинологом, с первых дней своей стажировки на выставках или испытаниях должен завести небольшую записную книжку, куда записывать сведения о стажировке: дата, место, выставка или испытания, порода собак, количество собак, фамилия, имя, отчество эксперта, при котором проходила стажировка, его категория.

Подобные записи надо продолжать и став экспертом III-й категории. Они пригодятся для повышения квалификации в дальнейшем.

**Л. ГИБЕТ, эксперт-кинолог
Всесоюзной категории**

**Производим и реализуем
ГУМАННЫЙ КАПКАН КА-2**
для отлова соболя, куницы,
белки, хоря, колонка.

**ЗАО «СКВИРЭЛ»
610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru**

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

На реке Онега

Здравствуйте, уважаемая редакция! Высылаю Вам фотографии после поездки на Север, в Архангельскую область. Остановился я у родственников в п. Савинский Плесецкого района. Три дня провели с приятелем на р. Онеге. Половину пути, примерно 20 км, добирались пешком, так как дорога не проезжая, и примерно 12 км ходили вдоль реки Онеги.

Так сложились обстоятельства, что в лесу довелось побыть немного — то дожди, то еще что-нибудь... А там отпуск закончился.

П. ТРАПЕЗНИКОВ,
Волгодонск Ростовской обл.
Фото автора

1. Река Онега
2. Эта избушка — место нашего ночлега
3. Мой приятель Виктор на привале
4. Случайная встреча на р. Онега

1

2

3

4

4

Оз. Сямозеро

Река Шелекса

Охота на тетеревов с чучелами

Виктор ГУРОВ

Как летит время! Вот уже и октябрь на исходе. Он приносит с собой и окончание охоты с подружейной собакой. В это время года бывает и так — легавая или спаниель, прихватив запах бегущих тетеревов, ведут за ними. Легавая так и не успевает стать на стойку, а от напористого спаниеля осторожные птицы поднимаются на значительном расстоянии, как правило, все разом и за пределами разумного выстрела. Молодые тетерева окончательно вылиняли и по размерам сравнялись со старыми птицами. Выводки распаляются, тетерева сбиваются в стаи и выбирают на опушки лесов, ближе к болотам и убраным хлебным полям. Довольно часто можно наблюдать их, рассеявшихся на берёзах. Попытки подобраться к ним на выстрел почти всегда безрезультатны, то охотника заметят, то четвероногий помощник не вовремя выскочил на чистое место. С сожалением приходишь к выводу — собака уже не помощник и волей-неволей приходится переключаться на другие способы охоты на тетеревов.

Во времена Аксакова и Сабанеева с приходом глубокой осени начиналась охота с подъезда на лошадях, запряженных в колёсный ход, а с выпадением снега и в невысокие сани. С появлением вездеходного автотранспорта и разрешением применения нарезного оружия этот способ охоты стал настолько истребительным, что он утратил какое-либо эстетическое наслаждение и привлекательность. В настоя-

щее время из былых охот (где она разрешается) остались охота с чучелами осенью и из ямок (лунок) по глубокому снегу. Хотя охота с чучелами и сохранилась, но она претерпела существенные изменения. Если раньше она проводилась всегда с использованием загонщиков как пеших, так и конных, то сегодня такие охоты ушли в прошлое. Нет таких многочисленных стай тетеревов, да и в охотничьих хозяйствах, особенно в коммерческих, в этот период ведутся охоты на копытных и их руководители вряд ли позволят такую охоту.

Охота с чучелами основывается на привязанности сбившихся в стаи тетеревов к избранной местности своего постоянного или временного прожвания. Эти места включают в себя болотистые чащи, густые приречные и приозёрные урёмы, которые служат птицам местом ночлега, а березняки, перемежающиеся полянами, выходящими к хлебным полям, болотам с клюквой и брусничкой, местами для кормёжки. С восходом солнца тетерева вылетают на кормёжку, после утренней жировки они обратно возвращаются в крепи на отдых. Отдохнув там, они снова отправляются на жировку.

В конце октября и начале ноября нередки случаи, когда стая остаётся подневать на берёзах. Пощипав берёзовых почек, угревшись на солнышке и отдохнув, тетерева снова летят на кормёжку. Свои перелёты птицы осуществляют примерно по одним и тем

же маршрутам. Понаблюдав за ними, охотник непременно определит их. Он заметит, что у тетеревов есть и ещё одна интересная особенность: куда улетел один (скорее всего это вожак стаи), туда же последует и другой, а за ними небольшими группками и вся стая, где присел один, там будут присаживаться и все подлетающие тетерева.

Следует учитывать — эти перелёты осуществляются не вдруг, и не всей стайей сразу (если птиц не напугали). Наблюдая за тетеревами во время их вылета с ночёвки на кормёжку и возвращения после неё назад, можно заметить, что они предпочитают присаживаться на высокие сухие деревья с обломанными сучьями. Осматривая такие сушины, замечал, что их нижние сучки «обляпаны» белыми пятнами птичьего помёта. Это верный признак того, что передо мною любимое тетеревами дерево-присада. С учётом этой привычки я выставлял чучела и выбирал места для постройки укрытия. Шалаш соорудил с открытым верхом, так как иногда приходилось стрелять влёт или по убегающему подранку.

Охота бывала намного интереснее и добычливее, если в лес уходил с товарищем. Каждый находился в своём шалаше на удалении один от другого в 150—200 м. Случалось и так — тетерева рассаживались где-то в стороне и не испытывали ни малейшего желания на подлет, а я аккуратно страгивал их в направлении шалаша товарища. Не-

редки ситуации, когда по несколько часов тетерева не появлялись поблизости. Тут уж ничего не поделаешь. Приходилось по очереди отправляться в ближайшие урочища на их поиски. Отыскав птиц, мы их ненавязчиво толкали в нужную сторону. Как радостно становилось на душе, услышав выстрел товарища, сознавая, что его успеху способствовали и твои умелые действия.

Для выставления чучел нужны лёгкие жердочки длиной 4—5 м, называемые охотниками подчучельниками. Их можно вырубить непосредственно на охоте, но в этом случае они будут сырые и тяжёлые. Мы подчучельники заготавливали летом из орешника или берёзы. За лето они хорошо высыхали и становились лёгкими. Ниже вершинок подчучельников (40—45 см) приделывали крючки, чтобы их можно было повесить на прочные ветки, не забываясь высоко на дерево. Комель подчучельника на 30—40 см снизу раскалывали и в расщеп вставляли клин. Это позволяло подчучельник насадить прочно на крепкий сук. Дело осталось за чучелами. Сегодня эта проблема решается просто — пошёл в охотничий магазин и купил нужное количество косачей и тетёрок. Ну, а во времена наших дедов и отцов их шили. Многие охотники и сегодня предпочитают охотиться с самодельными чучелами. С приобретением опыта, я шил «наволочки» чучел, а набивал их сухой травой перед выставлением.

Мы ознакомились с образом жизни и привычками тетеревов осенью, определились с районом охоты, построили укрытие, подготовили подчучельники и чучела. Завтра на охоту. Численность тетеревов сегодня не идёт ни в какое сравнение со временами, в которых жили и охотились Аксаков, Сабанеев, да и ваш покорный слуга. Поэтому не следует рассчитывать на богатые трофеи. Ведя разговор об охоте на тетеревов с чучелами, не могу не рассказать о своём первом опыте такой охоты и других памятных охотах на тетеревов осенью. Прикрыв глаза, как будто всё было вчера (прошло 63 года), слышу сочувствующие слова деда Степана: «Ну что, внучек, опять весь продрог и впустую? И помолчав, сползая с печки, добавлял, — и-и-х, если бы не хворь, я бы с тобой сходил. Я, чуть не плача от неудачи, обжигая губы о края кружки с горячим молоком и утирая нос, выдыхал: «Опять, дед». Мои неудачи были связаны с попытками добыть тетеревов, подбиравших недалеко от опушки леса на поле потерянное при уборке зерно. А было это в 1949 г. в оренбургских степях.

К октябрьским праздникам деду полегчало, и он попросил моего отца: «Ты бы, Федька, свёз десяток снопов на нашу полосу, где до войны шатрами крыли тетерей и устроил бы нам с Витькой схрон. Надо мальцу показать, как брать «Терентия». Федька, мой отец, до войны сам был заядлым охотником. Но с фронта вернулся с покалеченны-

ми руками, и ружьё держал с трудом. Я принял самое активное участие в погрузке, перевозке снопов и устройстве шалаша под копешку. По совету деда срубил 5—6-ти метровую берёзку и вкопал её в шагах двадцати перед шалашом. На мой вопрос, зачем, он пояснил: «Тетерева, вылетая на поле, воспользуются ею как присадой». В чём я потом не раз убеждался, снимая с неё тетерева.

Мне дед велел пройтись по задворкам и собрать все чёрные головки от старых валенок, которые мужики выбрасывают за ненадобностью, отрезав голенища для ремонта менее изношенных. На них мы дратвой пришили вырезанные из войлока, как мне казалось, уродливые головы и хвосты, а по бокам и под хвостами нашли белые лоскутки и покрасили брови. Получились «изделия», отдалённо чем-то напоминавшие тетеревов. Я пребывал в глубоком сомнении, что на этих «уродов» можно подманить хитрющих птиц.

Мне вменялось в обязанность каждое утро бегать в поле посмотреть, как осваивают нашу прикормку тетерева, но без ружья, чтобы не соблазнился пальнуть по ним. К моей великой радости тетерева добросовестно «обмочивали» наши снопы. По подсказке деда, когда тетерева улетали, я иногда приносил в карманах гречки или пшеницы и рассыпал около шалаша. После октябрьских праздников, в одну из тёмных и холодных зорь, взвалив мешок с обманками на плечи, верную берданку 28 калибра, в сопровождении деда отправился на охоту. Дед шёл без ружья, да оно ему, наверное, уже было и ни к чему. Под его руководством развесил чучела на двух высоких берёзах, несколько чучел усадил на разбросанные снопы и одно на шалаш. Сегодня кажется смешным — головки от старых валенок и осторожные тетерева. Но это было, было! Хотя самому, за давностью лет, уже с трудом верится в то, как тетерева, словно грачи осенью, перелетали с берёз на снопы, ходили по земле, подбирая зерно. Сердце моё готово было выскочить из груди. Стрелять мне разрешалось только петухов, упаси Бог убить тетёрку! Подумать только, за какие-то, как мне казалось, считанные минуты добыли пять тетеревов! Я даже замёрзнуть не успел. С той памятной охоты в мою душу на всю жизнь запали простые слова дедовой науки: «Чтобы на охоте фартило, надо понимать птицу и зверя».

Или вот другая охота. В начале 60-х годов я служил под Выборгом. Часто бывая на стрельбах, я тщательно изучил, на каких болотах тетерева кормятся и в каких направлениях совершают перелёты на ночлег. Однажды вечером, снимая оцепление после стрельб, обнаружил стаю в 150—200 тетеревов, готовившихся к ночёвке. Рассказал своему товарищу, и мы отправились в лес. Зная повадки тетеревов, мы решили согнать их с ночлега, будучи уверенными, что утром они начнут слетаться в стаю. Чтобы утром не шуметь при

постройке шалашей и выставлении чучел (иногда тетерева заставляли нас за этим занятием), мы проделали всю эту работу в потёмках и отправились в лагерь. Развели костёр, поужинали и улеглись спать.

Мне не спалось, я уселся у костра и, согреваясь чаем, неотрывно смотрел на костёр, пламя которого ежесекундно менялось и завораживало. В мыслях я себе представлял, как миллионы лет тому назад вот так у костра мог сидеть и наш далёкий пращур и смотреть на загадочный огонь. О чём он думал? Темнота за границей света была настолько плотной, что, казалось, её можно потрогать руками. Могучие ели, выступавшие из неё и окружавшие наш лагерь, тянули свои озябшие лапы, как руки, к теплу костра. Поглощая очередную охапку дров, костёр вспыхивал ярким пламенем, темнота отступала, и тени от протянутых ветвей становились короче.

Как ни длинна осенняя ночь, но и она сдалась серенькому рассвету, заставшему нас уже в шалашах. Смотришь, крутишь головой, стараешься вовремя заметить подлетающих тетеревов, но нет. Вот они, хлопая крыльями, уже усаживаются на ветки берёзы, раскачиваясь на них. Какая-то неведомая сила гнёт меня к земле. Два петуха и тетёрка заслонили весь мир. Осторожно просовываю ружьё между ветками, стреляю нижнего косача, он, задев сучья, с шумом падает, остальные птицы удивлённо смотрят на свалившегося сородича и срываются с дерева. Быстро разгибаюсь, выстрел в улетающего косача и, о, радость! Птица чёрной тряпчочкой падает в кусты. Меня охватывает дрожь. Не то от холода, не то от свалившейся удачи. Со стороны товарища тоже гремит выстрел.

Знаю ведь, что до окончания охоты выходить из укрытия не рекомендуется, но не выдерживаю и отправляюсь подбирать трофеи. Возвращаясь назад, вижу, как к чучелам подлетают штук шесть тетеревов. Падаю в кусты. Птицы усаживаются за моей спиной. Лечь неудобно и не видно тетеревов. Решаю вскочить и с разворота стрелять птиц. И снова удача! Вторым выстрелом сбиваю отлетавшего петуха. Подобрал черныша, ныряю в шалаш и только там перевожу дыхание. На сердце радостно и легко.

Удача рассеивает внимание. Краем глаза замечаю, как между деревьями мелькнула серая тень. Ястреб-тетеревятник ударил верхнее чучело. Спружинивший подчучельник отбросил хищника. Ястреб от неожиданности уселся на соседнее дерево. Это была его роковая ошибка. В те времена ястреб-тетеревятник был вне закона и подлежал отстрелу как вредная птица. Ещё дважды подсаживались к чучелам тетерева, и я ни разу не упустил своего форта. Душа пела от свалившейся удачи, а окружающий мир виделся таким прекрасным, и верилось, что всё незыблемо и эти огромные стаи тетеревов неистребимы. И так будет вечно!

Заяц-беляк Таймыра

А. МУХАЧЕВ, кандидат биологических наук. Фото автора

Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район Красноярского края расположен на севере Средней Сибири, занимает площадь в 820,2 тыс. кв. км. Заяц — беляк широко распространен на территории района: от берегов Карского и Лаптевых морей Северного Ледовитого океана, включая отдельные северные острова (отсутствует в северной части полуострова Челюскина) до южных границ. В северной части тундры беляк обитает по яристым берегам рек и озер, каменистым россыпям отрогов гор Бырранга. Его распределение здесь обуславливается наличием кормовых и защитных условий. Более равномерно беляк распространен в кустарниковой тундре и лесотундре. В горах Путорана встречается как в долинах рек и озер, так и на верхних террасах, выше границы леса.

Морфометрические показатели взрослых зайцев-беляков Таймыра: вес колеблется от 3,7 кг до 5,2 кг (в среднем — 4,2 кг). Средние размеры (см): длина тела — 64, длина уха — 11, длина хвоста — 8, длина задней ступни — 17 см, обхват груди — 37, длина черепа — 100 мм. Вес внутренних органов (г): сердца — 10,4; печени — 25,5; легких — 14,3; почек — 6,3; селезенки — 0,12 (О.П. Кацарский, 1981). Достоверных различий между взрослыми самцами и самками по морфометрическим показателям не установлено.

Заяц-беляк, обитающий на Таймыре, наиболее крупный подвид в России. Он превосходит другие подвиды по весу и размерам тела, по краниологическим показателям. Беляк шагом не ходит, рысью не бегает, не стоит на четырех конечностях. Он передвигается прыжками, именуемыми галопом. Наиболее короткие прыжки совершает во время кормежки. В этом случае его конечности располагаются вплотную друг к другу. Во время еды беляк часто встает «столбиком»: сгибает задние конечности и присаживается на них. В таком положении заяц внимательно прислушивается, определяет, нет ли подозрительных звуков.

Во время переходов он заносит задние конечности за передние и ставит их параллельно, а одну переднюю конечность выносит несколько вперед, это придает зайцу большую устойчивость. При быстром беге беляк ставит задние лапы одну несколько впереди другой, то есть след приобретает вытянутый вид. Кроме того, у задних конечностей отпечатки оставляют только пальцы, то есть при таком темпе движения заяц бежит как бы на носках. Следовательно, по характеру следа можно судить о темпе его движения.

У беляка мощные длинные задние конечности. Передние — короткие и

слабые. Задние лапы, отталкиваясь от поверхности, с легкостью поднимают тело зайца в высоту и переносят его на значительное расстояние. После полета заяц приземляется то на одну, то на другую переднюю лапу, то есть при перемещении, беге роль передних лап сводится к амортизации толчков при приземлении. Почему же беляк способен так лихо прыгать и мчаться? В этом процессе важное место отводится спине. У беляка мышцы спины развиты великолепно: мышца-разгибатель позвоночного столба весит более 30 % всех мышц задних и передних конечностей. Сгибание спины после приземления позволяет зайцу успешно совершить следующий прыжок. Не случайно зоологи говорят: «Заяц — это живая пружина».

Уши зайца служат хорошими локаторами. Они в меру пригнуты вперед и достаточно длинные: своими концами они равняются с носом, иногда слегка выдаются за него. Уши позволяют зайцу улавливать неизвестное движение, предупреждают о приближении врага. Они спасают зайца от перегрева в жаркую погоду: лишнее тепло уходит через горячие тонкие ушные раковины, где интенсивно пульсирует кровь, то есть в жару уши зайца сбрасывают в окружающую среду треть так называемого метаболического тепла, образующегося в его организме при обмене веществ.

Для беляка Таймыра характерна особенность: он ведет колониальный образ жизни. Численность зверьков в колониях заметно варьирует. Так, на Центральном и Западном Таймыре их колонии достигают 20 особей, а на Восточном Таймыре величина колоний возрастает до 80 зверьков. По мнению биологов-охотоведов, подобная особенность связана с мозаичностью распределения пригодных для обитания мест.

В отличие от кроликов, зайцы не роют нор. Однако, проработав на Таймыре больше 40 лет, я убедился не раз, что здесь они устраивают себе норы. В летнее время, когда в тундре свирепствуют миллиарды кровососущих двукрылых насекомых, чтобы оградить себя от этих «вампилов», беляки вынуждены в склонах сопок вырывать норы и скрываться в них: там они недоступны гнусу. Норы, при необходимости, беляк использует в качестве спасательного укрытия при нападении хищных птиц. Многие годы на Таймыре мне довелось работать с известным биологом-охотоведом, кандидатом биологических наук Борисом Михайловичем Павловым. Он утверждал, что ему известно два случая рождения зайчат в норе. Норы, подземные укрытия

Вот такой наш, таймырский, заяц-беляк

беляков, не имеют отнокров, особых расширений и гнездовых камер.

Зима на Таймыре — суровое время. Продолжительно стоят очень низкие температуры и дуют сильные резкие ветры, свирепствуют метели. Заяц подобную погодную круговерть переживает в снежных норах, которые они вырывают под надувными козырьками. Глубина логова достигает 1 м.

О начале свадебного времени самки оповещают беляков самцов: оставляют на снегу синие отметки; производят свистящие призывные звуки; производят звуки и ударами задних лап. Это будоражит самцов и они бегут «со всех ног» к месту нахождения самок. На Таймыре эта пора приходится на вторую половину апреля — май. Обычно около самки оказывается группа ухажеров, которые в силу своих возможностей демонстрируют перед ней свою ловкость и силу: исполняют разнообразные кульбиты. Напрыгавшись, устраивают отдых, а затем снова продолжают демонстрировать прыжки. Если эти действия не производят на самку должного впечатления, то самцы переходят к приемам боевого искусства. Самка отдает должное внимание окружающим ее молодцам: некоторым из них предоставляется возможность испытать счастье. В период сва-

дебной поры беляки собираются в одном районе в большом количестве. Мне приходилось наблюдать группы в 70—100 голов. Биолог-охотовед, кандидат биологических наук Василий Дмитриевич Скробов встречал группы беляков по 200 зверьков и более. Академик Евгений Евгеньевич Сыроечковский в книге «Животный мир Красноярского края» (1980) приводит более внушительную цифру для Таймыра — до 400 особей.

Беременность зайчих длится 50—51 день. Зайчата появляются в конце июня — начале июля. Зайчицы Таймыра приносят один помет. В нем чаще 4—5 зайчат. Новорожденные прекрасно развиты, хорошо опушены, зрячие, каждый весит 90—100 г. После рождения мать кормит их досыта весьма питательным молоком, содержащим 15% жира, более 13% белка, 3% молочного сахара, 2,5% минеральных веществ, высокое количество витаминов. Такое высококалорийное молоко позволяет молодняку, затаившись, ожидать мамашу весь день и даже дольше. На 9—10 день у зайчат появляются зубы и они начинают пощипывать травку. Однако материнское молоко им, как минимум, требуется в течение двух недель. Не беда, если малышей покормит другая зайчиха, а такое случается. Растут зайчата активно: в месячном возрасте они весят 1,2 кг, в 2—2,5 месяца имеют вес 3,1 кг. К концу октября достигают веса взрослых особей, а весной принимают участие в продлении рода. Соотношение полов у молодняка 1:1, во взрослой части популяции самки преобладают в соотношении 2:1, то есть среди самцов выше смертность, гибель.

Летом беляк рыжевато-бурого цвета; зимой имеет снежно-белый цвет, лишь кончики ушей остаются черными. Хвостик у беляка маленький, на конце округлый, зимой белоснежный. Охотники хвостик зайца называют «цветком».

Линяет беляк в году 2 раза: в мае — июне он меняет зимний мех на летний, а в конце августа — сентябре заменяет летний мех на зимний. Осенью линька начинается с задних лап и крупа, затем переходит на передние лапы и бока, позднее — на спину и вокруг глаз. Весной смена шерсти идет в обратной последовательности. Зимний мех у беляка хорошо развит. На брюшке у него длинные, плотные волосы с густым подшерстком. Вокруг носа торчат плотные длинные волосы. На нижней стороне кисти и ступней — густые волосяные щетки. Пальцы лап беляка способны сильно раздвигаться, и по снегу он может передвигаться, подобно лыжнику. В зимний период нагрузка на квадратный сантиметр поверхности у беляка составляет 10 г. Это в 10 раз меньше, чем у волка.

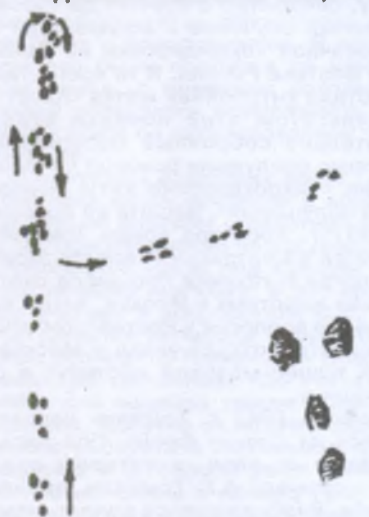
Беляк активен с ночи до раннего утра. В период полярных дней проявляет большую активность. Он вегетарианец. Весной, летом, ранней осенью поедает разнообразные виды травяной растительности и листву кустарников. В его рационе присутствуют различные виды пушицы, мытников, горцев, хвощей, астрогогалов, листья ив (извилистой, пушистой, бородавчатой, каменной, мохнатой, красивой, сизой, копьевидной), берез (карликовой, тощей, Миддендорфа). Поздней осенью беляк придерживается берегов болот, озер, речек. Здесь он поедает осоки (прямостоячую, стройную, блестящую), кустарнички — голубику, чернику, водянику. Постепенно переходит на веточный корм. Заяц легко расправляется с веточным кормом, в чем помогают ему две пары резцов в верхней челюсти, расположенных одна за другой так, что непосредственно позади крупных передних резцов находится вторая пара, мелких и коротких; в нижней челюсти — всего одна пара резцов. Клыков нет, а коренные зубы имеют открытые корни, и, следовательно, постоянно растут.

На период сурового зимнего времени основная масса беляков откочевывает в пойму Енисея, в лесотундру, к северной подзоне тайги, где придерживается берегов рек, речек, поросших тальниковыми зарослями, кустарниковым ольховником. Питается веточным кормом, подростом лиственницы, сухими травами. С потеплением беляки мигрируют в тундру.

В конце апреля — мае идет отел у домашних северных оленей. Я часто дежурил в эту пору в стаде. И в бинокль наблюдал, как беляки из оленьих копачей добывали себе корм. Порой в районе выпаса стада зверьков наблюдалось до десятка особей. Здесь они обнаруживали опавшие рога оленьей и начинали их с усердием грызть. Такое их поведение объясняется недостатком в зимнем рационе минеральных веществ.

В горах Путорана заяц-беляк, в зависимости от состояния снежного покрова и доступности кормов, совершает определенные перемещения. Так, в начале снежного периода (октябрь — ноябрь) большая часть зайцев концентрируется по берегам рек и озер. Кормятся они на прибрежных заливных галечниках с глубиной снега 4—6 см, площадь кормовых лунок 0,5—1,0 кв.м. В декабре — феврале зверьки начинают активно использовать береговые яры и склоны нижних надпойменных террас, отдельные особи проникают в подгольцовый пояс. Как кормовые станции в этот период чаще всего используются по краям лайд и редкокося с глубиной снежного покрова 15—16 см. В отдельных случаях беляки откапывают подснежную зелень осок и пушицы даже с глубины 40—50 см. Площадь кормовых лунок составляет 0,1—0,3 кв.м. С середины февраля до конца апреля зверьки концентрируются в распадах ручьев — на границах лесного и подгольцовых поясов, отдельные особи встречаются в гольцовом по-

«Двойка» и «сметка» зайца

Следы беляка

Типы следов зайца
1 — ходовой; 2 — жировой; 3 — гонный

Рисунки Н. Руковского

В. Кирпиченко с добытым зайцем-беляком

ясе. К этому времени в пойменных лесах с глубоким снегом видны следы одиночных зайцев. В конце апреля, с появлением первых проталин, беляки начинают спускаться на пойменные ляды.

В горах Путорана заяц-беляк употребляет свыше 40 видов сосудистых растений; поедает кустарники (карликовую березку, мохнатую, черничную и красивую ивы, кустарниковую ольху); из кустарничков — болотный багульник, голубику, шикшу, восьмилепестную дриаду и др. Из трав поедает хвощи, осоки, пушицы, арктический щавель, горец, иван-чай и др., грызет листовницу Гмелина (О.Р. Крашевский, 1987).

В народе зайца называют косым. Это совершенно неверно: заяц не страдает косоглазием. Еще в народе зайца считают трусишкой. Нет, он не трус. Беляк очень осторожный зверек и в меру своих возможностей достаточно сообразительный. Об этом свидетельствует его поведение при преследовании и перед отдыхом. Спугнутый с лежки беляк может развивать скорость до 45—50 км в час и в таком темпе преодолевать значительные расстояния. Уходит от преследования зверек кругами. Конечности беляка позволяют ему «взлетать» на гору. Прodelать это вниз с горы невозможно. Поэтому, если необходимо с крутого склона быстро спуститься, он вынужден катиться «кубарем». Беляк не просто улепетывает от преследования, он демонстрирует приемы хитрости: пробегает вперед — назад. Такой ход зайца охотники называют «вздвойка», после этого он совершает от следа огромные прыжки за куст, за кочку. Такой прыжок охотники называют «скидкой».

После кормежки («жировки») беляк спокойно направляется на отдых. И

даже в этом случае на последнем отрезке пути перед лежкой он совершает «вздвойку» и делает 2—3 «скидки» и лишь после этого залегает: лежит головой к следу. На лежке заяц никогда не мочится и не испражняется. Что касается его самого, то шкурка у него почти не имеет запаха, так как в ней нет потовых желез. Напротив, на подошвах зайца много потовых и сальных желез, оставляющих сильный запах на следу при беге зайца, что облегчает хищнику его преследование (П.А. Мантейфель, 1948). Прежде чем хищник его схватит, он иногда успевает повернуться на спину и отчаянно бьет противника задними конечностями. Подобный прием позволяет беляку избежать смерти.

О находчивости беляка свидетельствует следующий случай. Восточносибирская лайка Шарик случайно наткнулась на молодого зайца. Берег был обрывистым, и заяц дал деру вдоль реки. Расстояние между собакой и зайцем сокращалось. Вдруг заяц исчез. Собака заметалась вперед, назад, к обрыву и, успокоившись, побежала дальше вперед. Меня заинтересовало таинственное исчезновение зайца. Долго я всматривался в прибрежную растительность. Заяц сидел в воде! Видна была только его голова, при этом он соблюдал полную неподвижность. Заяц-беляк неплохой пловец. Я неоднократно наблюдал, как он переплывал протоки, широкие ручьи, неширокие речки.

Беляк редко демонстрирует свои вокальные возможности: в свадебную пору, по выражению охотников, самки «клохчат», а самцы часто издают неприятный звук, который можно определить как «гуканье»; схваченный хищником он воспроизводит крик, напоминающий плач младенца.

Численность беляка подвержена резким колебаниям по годам: годы массового размножения сменяются депрессией. Это вызывается различными эпизоотиями, неблагоприятными погодными условиями, особенно в затяжные холодные весны, ведущие к массовой гибели народившегося молодняка. На беляка нападают крупные хищные звери и птицы. При этом они используют различные способы. Например, волки чаще охотятся загоном, лисицы, росомахи — скрадом, хищные птицы преследуют беляка с воздуха. Жизнь зверька в экстремальных северных условиях весьма опасная, поэтому она у них непродолжительная: редкие из них доживают до 8—9 лет.

Численность зайца-беляка на Таймыре оценивают в 90—95 тыс. голов. промысловый запас составляет 40—45 тыс. особей. Добывают 10—15 % промыслового запаса троплением, петлями, капканами. До экономических преобразований в заготовку поступало от 3 до 8 тыс. шкурок зайца-беляка. В настоящее время вся добываемая продукция от промысла беляка оседает у населения.

М. ПЕРОВСКИЙ, профессор

Коротко сказать об этом замечательном человеке можно двумя словами, столь типичными для России: талант из глубин. Авенир Григорьевич Томилин родился в маленьком городке Кудымкар 15 ноября 1912 г. в семье сельского учителя. Его отец, Григорий Кириллович, энергичный общественный деятель, имел заслуги и известность в своих краях. Мать, Ольга Логвиновна Березина, происходила из небогатой помещицкой семьи, умерла после родов третьего сына. Братьев воспитывала добрая и религиозная бабушка — мать их отца. Большое влияние на ребят оказал школьный учитель Н.И. Ярков, заразив их любовью к природе и животному миру. В 1929 г. Авенир закончил школу-десятилетку и отец, чтобы продолжить дальнейшее обучение сына, продал ружье и отправил юношу в Москву, где тот поступил на биологический факультет Московского университета.

После окончания первого курса юный студент попал в северную экспедицию, которая изучала фауну Новой Земли и Чёской губы. Более двух недель студент в полном одиночестве на берегу пролива Маточкин Шар вел наблюдения и учитывал численность белух. Громадные стада этих зверей проплывали перед глазами зарождающегося учёного. Его спутником была лишь собака, да бродящий поблизости беляк-медведь.

В 1933 г. Авенир Томилин успешно закончил биофак МГУ. Дипломной работой для него послужили материалы по млекопитающим, собранные в Коми-Пермяцком округе. Необычайно старательный студент был замечен профессором С.И. Огнёвым, оставившим перспективного выпускника на кафедре зоологии позвоночных. Молодой учёный избрал тему, связанную с изучением китов. Он начал обучение в аспирантуре с 8-месячной командировки на Дальнем Востоке России. В то время там работала китобойная матка «Алеут». Результатом этой поездки стали тщательно собранные материалы, которые послужили основой диссертации «Тихоокеанские киты Северного полушария». Защита её прошла в 1937 г. Короткое время Томилин работал в Центральной лаборатории биологии и техники промысла охотничьих животных в Москве, затем на кафедре зоологии в Ростовском университете, откуда уехал в Московский пушно-меховой институт в г. Балашиху.

Осенью 1941 г. Томилин направляется на южный фронт. Под Харьковом в эшелон, в котором ехал красноармеец А.Г. Томилин, попала бомба. Разбегавшихся солдат немцы захватили в плен. Сорок один день красноармеец находился в плену.

Авенир Григорьевич ТОМИЛИН

К 100-летию со дня рождения

Авенир Григорьевич Томилин
(1912–2000)

ну, а потом, сговорившись с товарищем по несчастью, бежал из лагеря и добрался до села Богатая Чернечина. Немцев там не было и местные колхозники определили Томили-на в помощь ветфельдшеру. Вскоре он связался с партизанами и занялся со столяром-краснодеревщиком «оформлять» документы для партизан и подпольщиков. В основном это были пропуска на немецком языке, с помощью которых у людей появлялась возможность передвигаться по оккупированной территории.

С приходом советских войск А.Г. Томили-на вновь призвали в армию. Служил он поваром в пехотной бригаде. При переправе через Днепр, в непролазной грязи под Кривым Рогом, потерял винтовку. В это время его учитель и покровитель С.И. Огнёв добился перевода своего бывшего аспиранта Томили-на в Новоигреевский питомник, где готовили собак для подрыва танков и вывоза раненых. Попутно он получил разрешение работать в московских библиотеках и с головой ушёл в науку. Кончилась война и Авенир Григорьевич вернулся в Балашиху. Здесь он преподавал студентам экологию, зоогеографию и морской зверобой-

ный промысел. Его лекции были уникальны, к подготовке которых он относился исключительно добросовестно. Записывать лекции Авенира Григорьевича было легко. В них всегда излагались суть темы, её главные понятия и постулаты.

Основное время Авенира Григорьевича поглощала наука. В 1947 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «Проблемы экологии китообразных» в стенах Московского пушно-мехового института (МПМИ). Проф. С.И. Огнёв высоко оценил работу соискателя и попросил его написать монографию «Китообразные» для его серии «Звери СССР и прилежащих стран». Томили-на блестяще выполнил просьбу своего учителя. Эта крупнейшая монография вышла в свет в 1957 г. IX томом огнёвской серии. Монография получила мировое признание и была переведена на английский, немецкий, японский и другие языки.

Один из лучших учеников Томили-на С.А. Корытин (2006) писал, что не часто преподавателю высшей школы удаётся вести полноценную научную работу — учебные и общественные нагрузки съедают время и силы. А вот Томили-на был способен на это. Вот его основные правила жизни: жесткая экономия времени — ни единой праздной проведенной минуты; строгое соблюдение правил эффективного труда; отлаженная система сбора научного материала и переплавка его в публикации; самодисциплина. И всё-таки Томили-на выкраивал время, чтобы потренировать в «пении» домашнюю кошку Муску, изредка посетить оперу и театр (он боготворил актрису Бабанову). Любил сладкое, подшучивал над знакомыми, давая им веселые прозвища.

После разгрома Московского пушно-мехового института А.Г. Томили-на перешел на работу во ВСХИЗО. Теперь во все годовые отчеты ВСХИЗО начальство с удовольствием вписывало сведения о наличии в институте изобретений профессора Томили-на. Их было два. Первое (№95 от 23 декабря 1968 г.) касалось неизвестного ранее явления саморегулирования упругости плавников китообразных. Второе (№265 от 04 ноября 1982 г.) касалось свойств кожи китов активно менять своё гидродинамическое сопротивление плава-

нию. Перу Томили-на принадлежат более трехсот статей, а также интереснейшие научно-популярные книги: «История слепого кашалота» (1965), «Дельфины служат человеку» (1969), «В мире китов и дельфинов» (1974,

1980) и «Снова в воду» (1977, 1984). Эти труды были переведены в Англии, Германии, Франции, Чехии, Польше, Румынии, Эстонии, Японии. Несмотря на свою занятость, Томили-на сотрудничал с реферативным журналом «Зоология позвоночных», для которого переводил и реферировал тысячи статей со всего мира. Помимо всего прочего Авенир Григорьевич не оставлял преподавания и ровно 60 лет блестяще читал лекции студентам. Он подготовил 14 кандидатов наук, один из которых впоследствии стал академиком (В.Е. Соколов).

Кипучая и плодотворная научная и преподавательская деятельность А.Г. Томили-на не осталась незамеченной. Он стал почетным членом Королевского британского общества по изучению морских млекопитающих и Териологического общества при Российской Академии наук. Его имя занесено в книгу Почёта ВСХИЗО, он заслуженный работник охотничьего хозяйства Российской Федерации.

В 1993 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В 1994 г. за «выдающийся вклад в мировую науку и научное образование» А.Г. Томили-на присудили диплом «Заслуженный профессор программы Дж. Сороса». Вручал этот диплом Томили-ну лично Джордж Сорос, фонд которого назначил ему пожизненную пенсию.

В 85 лет Томили-на ушел на пенсию и прекратил активную деятельность. Не дожив три недели до 88-летия, Авенир Григорьевич скончался.

Вечная слава и память дорогому учителю и ученому. Эти слова произнесут за мной десятки и сотни достойных его учеников, с благодарностью вспоминая имя Авенира Григорьевича Томили-на.

Студент Томили-на с белой китовой костью

Праздник калужских охотников

Фото А. ДИГИЛЕВИЧА

В феврале 2012 г. на охотничье-рыболовной базе «Рождественские пруды» состоялась 10-ая Спартакиада охотников и рыболовов Калужской областной общественной организации охотников и рыболовов.

В программе Спартакиады были проведены соревнования на первенство КООООиР по охотничьему биатлону, в которых приняло участие 16 команд. Первое место заняло Людиновское РООиР, второе Куйбышевское РООиР, третье Бабынинское РООиР. В личном зачете первое место получил Комаров А.В. (Бабынинское РООиР), второе — Копачев Е.М. (Стрельнинское охотхозяйство) и третье — Буркин С.В. (Людиновское РООиР).

Спортсменам-биатлонистам за призовые места были вручены годовые сертификаты бесплатного страхования от несчастных случаев и болезни на сумму 100 тыс. рублей каждый, предоставленные компанией РОСНО.

Состоялась выставка охотничьих собак, зарегистрировано 92 собаки, в т.ч. 72 лайки. Были представлены собаки Калужской, Тульской, Московской и Смоленской областей. Чемпионом выставки стал каюр ЛЗС, класса «Элита», заводчик В. Новиков, г. Медынь.

В Спартакиаде приняли участие не только команды структурных подразделений КООООиР, но и некоторые соседние охотничьи хозяйства, не входящие в систему Росохотрыболовсоюза, в частности охотхозяйство Стрельнинское.

Все команды-призеры награждены кубками и дипломами, а участники в личном зачете — медалями, грамотами и ценными подарками.

М. ВИШНЕВСКИЙ
Председатель правления КООООиР

Волки Западной Сибири: изменения в рационе

Волк тяготеет к пространствам, где мало снега или он достаточно плотный и не затрудняет передвижения
Фото С. Тишкевича

А. БОНДАРЕВ,
кандидат биологических наук.
Алтайский государственный
аграрный университет

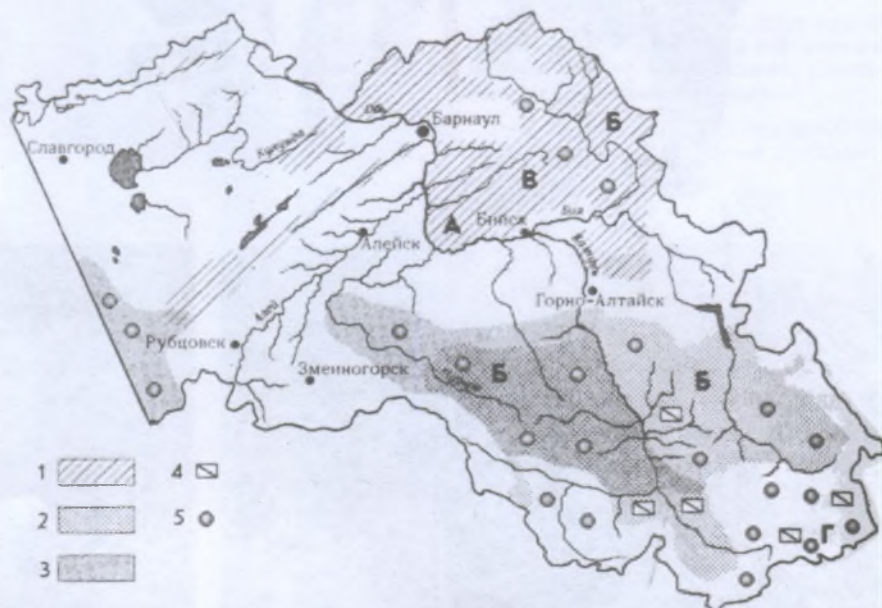
Копытные животные повсеместно составляют основу рациона серого волка. В зонах отгонного животноводства этот хищник ежегодно убивает тысячи домашних животных. Например, в Республике Алтай потери скота от волка в 2000 г. составили 7240 голов и продолжают увеличиваться одновременно с ростом численности хищника. Взаимоотношения волка и его прокормителей непрерывно трансформируются вслед за изменениями количества, видового состава, условий содержания домашних животных, ареалов и численности диких копытных и хищника. На адаптацию упомянутых животных все большее воздействие оказывают антропогенные факторы. Исследования проблемы хищник — жертва на примере волка — домашние копытные имеют теоретическое и практическое значение, позволяют оценить избирательность и размеры хищничества, уточнить причины ущерба. Эти результаты могут использоваться для снижения вредоносной деятельности волка, так как проблеме «и волки сыты и овцы целы» невозможно решать только истреблением волка.

Материал собирали опросным методом, который широко применяется во многих странах. В 1981—1983 гг. сведения о размещении волка, его прокормителей и взаимоотношений между этим хищником и копытными были получены по каждому району Кемеров-

ской, Новосибирской, Омской, Тюменской областей, а также по Алтайскому краю и Горно-Алтайской автономной области. Рацион размножавшихся волков изучали 12 лет при поисках и обследовании логовищ, а также по 512 анкетам. В Республике Алтай и Алтайском крае наши исследования продолжают и в настоящее время.

Изменения численности волка, его основных прокормителей (копытных животных) и размеров ущерба скоту отслежены по различным публикациям и статистическим сведениям о соотношении и численности видов скота по России и Западной Сибири, ведомственным материалам Главохоты РСФСР, по информации, любезно предоставленной В.И. Азаровым и С.А. Шелковниковым (Тюменская область), В.Я. Кайминым, А.Х. Шемонаевым и С.Н. Часовских (Республика Алтай), Т.А. Недосейкиной и А.К. Алибаевым (Кемеровская область), С.В. Швецовым (Новосибирская область). Автор сердечно благодарит всех помощников.

Животноводство в Западной Сибири развито в южной части. На север оно распространено примерно до северной окраины южно-таежных лесов (59—60° с.ш.). Этот район включает Алтайский край, Республику Алтай, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, собственно Тюменскую области и часть Томской — на север до рек Васюган и Кеть. Раньше к Западной Сибири относили Курганскую область. Поэтому Курганская область включена в названный регион. Его площадь в указанных границах составляет 113 млн. га, то есть 6,6% всей территории России. Около 85% площади расположено в пределах Западно-Сибирской равнины. На юго-востоке равнина переходит в горы юга Сибири.

Ландшафтные особенности преобладания копытных животных в рационе волка: 1 — лось, 2 — марал, 3 — косуля, 4 — сибирский горный козел, 5 — домашние копытные. Ландшафты: А — лесные равнины, Б — лесные горные, В — лесостепные, Г — тундрово-степные высокогорные

Юг Западной Сибири — одна из древних зон развития животноводства, появившегося здесь около 4 тыс. лет назад. Вплоть до 17 века скот разводили преимущественно в малоснежных регионах, где зимой имелся подножный корм. Этот фактор в решающей степени определял сезонные кочевки животноводов со стадами и табунами скота. Волки также тяготели к пространствам, где мало снега или он достаточно плотный и не затрудняет передвижения. Сибирь до присоединения к России имела крайне малочисленное население, обширные ее районы вообще оставались незаселенными. Здесь было много диких животных. П.С. Паллас и А.Ф. Миддендорф застали на юге нынешней Курганской области лосей и оленей, у Омска — сайгаков и кабанов, и повсюду в степи и лесостепи косуль.

В Западную Сибирь русские вселялись по таежной зоне. Лишь позднее переселенцы распространились на юг. Обширные вырубки лесов, распашка земель, а также пожары привели к изменению ландшафта. Охота на диких животных усиливалась, и к 19 веку в степи и лесостепи переселенцы истребили лося, марала, косулю, кабана, сайгака, кулана, дзерена, а в таежных и горных угодьях диких копытных зверей стало очень мало. В это же время неуклонно увеличивалось количество домашних животных, и к началу 20 века их роль в питании волка, очевидно, стала максимальной. В советский период удалось восстановить численность и ареал лося, марала и косули. Дальнейшее развитие земледелия и, прежде всего, распашка целины в середине 1950-х гг. сократили жизненное пространство волка в сельскохозяйственной зоне, и он стал более доступным технически обеспеченным охотникам. Улучшение содержания скота, концентрация его в современных животноводческих комплексах, ликвидация многих сел и деревень ограничили доступность домашних животных для волка и побуждали его охотиться на диких зверей.

Обилие копытных в лесах привлекло туда волков и привело к восстановлению утраченных трофических связей хищника с лосем, маралом и косулей. Поэтому волк вселился в ряд лесных регионов, где раньше не обитал. В начале 21 века лосей в регионе было около 70 тыс. Численность косули с 1990 по 2000 гг. увеличилась со 115 до 180 тыс. Марал, сибирский горный козел и кабарга обитают в основном на Алтае. Среди диких копытных животных наиболее многочисленные лось и косуля. Численность волка была минимальной в конце 1960-х-начале 1970-х гг. — примерно 1500—1600 особей. Затем начался рост их численности, и к началу века в регионе насчитывали около 2500 волков. В среднем на одного волка приходится 28 лосей и более 70 косуль, то есть обеспеченность естественным кормом сравнительно высокая.

По остаткам добычи у логовищ волков определяли состав их кормов. Все-

го обнаружены остатки 420 животных (у логовищ — 311, в их окрестностях — 109), в том числе 393 млекопитающих (214 диких и 179 домашних), и 27 птиц. Домашние млекопитающие обнаружены 179, в том числе лошадей — 13, жеребят — 14, коров — 15, телят — 32, овец, коз — 99, свиней и собак — по 3. Соотношение дикие/домашние копытные — 130:176. В равнинных борах левобережий Оби у границы с Казахстаном соотношение дикие/домашние млекопитающие и птицы — 103:55:9, в том числе копытных — 66:52. Наиболее часто у логова находили остатки косуль, лосей, овец и зайцев — 36:30:36:31, затем телят крупного рогатого скота — 10, реже лошадей, жеребят и коров — по 2, свиней — 3, барсуков — 5 находок. Правобережья Оби и Салаирского края отличаются мозаичным лесистым ландшафтом с пересеченным рельефом и здесь выпадает много осадков. Соответственно и дичи здесь больше. В весенней добыче волка соотношение дикие/домашние млекопитающие и птицы — 42:9:11, то есть возрастает доля диких зверей, больше половины среди которых — лоси и зайцы. Относительно чаще в добыче встречаются барсуки, появляются суслики и сурки. И, наоборот, косули только изредка становятся добычей волка.

В рационе волка в предгорьях Алтая соотношение дикие/домашние млекопитающие меняется в пользу домашних — 22:33. Среди диких доминирует косуля — 36%, лосей — лишь 14%, что прямо связано с соотношением количества этих копытных в предгорьях. В добыче примерно поровну барсуков, зайцев (14—18%), несколько меньше сурков и сусликов, изредка волк поедает собак. Домашние копытные представлены взрослыми и молодым

крупного рогатого скота, лошадей, но доминирует молодой. Овцы попадают в пищу волка реже, так как их здесь относительно мало, а основу стада составляет крупный рогатый скот — 80—95% и более. В Республике Алтай, как и в предгорьях, в остатках волчьей трапезы преобладают домашние копытные животные, их соотношение с дикими копытными — 82:45. Республика Алтай — зона развитого отгонного животноводства. В большинстве районов скот выпасают круглый год, что способствует частому его попаданию в пищу волку (непосредственная добыча, поедание падали).

Таким образом, на западе Алтайского края волк поедает диких и домашних животных, а на правобережье Оби и на Салаире он живет главным образом за счет лосей. В предгорьях Алтая в рационе волка доминируют домашние копытные, а на Алтае их в пищу хищника в 2 раза больше, чем диких. При нападениях волка на домашних копытных животных в весенний период его добычей чаще становятся молодые, еще не опытные и беспомощные, животные. В стаде телята и жеребята составляют четвертую часть, а в добыче волка их в 3 раза больше — 40%. Примечательно, что овцы и козы — наиболее легкая для волка добыча — становятся жертвой хищника не так часто, как ожидалось. Они занимают в общем поголовье скота 56,5% и столько же в добыче — 56,3%.

В журнале «Природа и охота» за сентябрь 1901 г. помещены сведения о вреде, причиненном хищными животными. По Томской и Тобольской губерниям было уничтожено только мелких животных (свиньи, овцы, козы, собаки) соответственно 29612 и 5809 голов. В соседних, почти безлесных, Семипалатинской и Акмолинской областях Казах-

На западе Алтайского края волк поедает диких и домашних животных, а на правобережье Оби и на Салаире он живет, главным образом, за счет лосей
Фото А. Севастьянова

Количественное соотношение разных видов животных-жертв в весенне-летнем рационе волка в Алтайском крае (по остаткам добычи у логовищ)

стана погибло 64834 и 6674 голов. В тот период в Томской и Тобольской губерниях было 1 млн. 970 тыс. овец, коз и свиней, то есть волками уничтожено приблизительно 1,8% скота. Организованной борьбы с волком тогда не велось, и численность его, очевидно, была высокой. В «Материалах по исследованию крестьянского и инороднического хозяйства в Томском округе» сказано: «Никаких сколько-нибудь серьезных мер для борьбы с хищными животными население не принимает, чувствуя себя перед ними... бессильными». В 1925 г. хищные звери в Сибири добыли 1,6% от общего количества скота, в том числе 225,5 тыс. по Западной Сибири. В 1933 г. в Западно-Сибирском крае от волка только по социалистическому сектору погибло 100 тыс. голов скота, а от болезней в 1934 г. — 43,2 тыс. или в 2 раза меньше.

В 70-80-е годы 20 века наибольшие потери скота от волка в Горно-Алтайской автономной области (ныне это Республика Алтай), ежегодно по

1,5 тыс. голов, в Алтайском крае — по 460 голов, в остальных областях Западной Сибири — в среднем по 100 голов (см. табл.). Следовательно, в сравнении с 20—30-ми гг. и послевоенным периодом ущерб от волка животноводству сократился многократно. Очевидно, что размеры ущерба домашним животным зависят от количества волков, а также от изменений ресурсов диких копытных, являющихся естественными прокормителями хищника.

Размеры ущерба животным зависят также от избирательности хищничества волка. Волк добывает животных непропорционально их количественному соотношению в общем стаде. В структуре стада животных за 80 лет прошлого века произошли существенные изменения. Поголовье лошадей уменьшилось многократно. Увеличилось количество свиней и крупного рогатого скота. Коренным образом изменились условия содержания скота, и особенно свиней, а также и территориальное их размещение. Меньшие изменения про-

изошли в овцеводстве и коневодстве.

Значительно возросла численность и расширились ареалы диких копытных животных. Все это отразилось на соотношении величин ущерба от хищника различным животным. За период с 1925 по 1978—1982 гг. в России ущерб сократился с 0,5% до 0,02% с северными оленями, и до 0,01 без северных оленей, или в 50 раз, в том числе лошадям в 11,6 раза, крупному рогатому скоту — в 63, овцам, козам — в 29,4, свиньям — в 133 раза. Различия в уязвимости и её изменениях для разных видов скота очевидны.

В конце 20 века домашние копытные повсеместно, за исключением, пожалуй, Республики Алтай, составляли незначительную часть в годовом рационе хищника. Это видно из сопоставления количества волков и добываемых ими животных (см. табл.).

За 60-летний период ущерб от волка домашним животным сократился приблизительно в 70 раз. В добыче доминировали овцы — 78—88%. Каждый волк добывал за год в среднем менее одного (0,8) животного. Очевидно, что прокормиться таким количеством добычи волк не сможет. В зоопарках, например, волку ежесуточно дают 2—3 кг мяса, что составляет 750—1095 кг в год. Тем более, следует учитывать, что при добыче крупных животных, туши которых волки утащить не в состоянии, хищники питаются ими обычно один раз. Это позволяет сделать вывод о доминировании в питании волка юга Западной Сибири в конце 20 века диких животных, главным образом копытных. Только в Республике Алтай значительную часть рациона волков составляли и составляют домашние животные.

Анализ хищничества волка за 80-летний период показал, что ущерб от этого зверя животноводству снизился многократно, но не одинаково для разных видов. Условия содержания домашних животных предопределяют их гибель от хищника. Наибольшие потери несут стада при отгонном животноводстве, с круглогодичным выпасом скота. В большинстве мест Западной Сибири в снежный период скот находится на стойловом содержании и почти не доступен волку. В этих местах хищники обычно добывают домашних копытных в пастбищный период. Уязвимость различных видов животных зависит от частоты их встреч с хищником. Поэтому лошади гибнут от волков относительно чаще, чем менее обороноспособные парнокопытные. Изменения условий содержания, в том числе выпаса скота, могут затруднять или облегчать хищничество волка. Трофическая специализация у волка формируется постепенно, в течение многих лет. Это позволяет заблаговременно внедрять меры противодействия хищнику. Ущерб от волка домашним животным зависит от его численности и численности естественных прокормителей — диких копытных.

Таблица
ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЛКА И ВЕЛИЧИНА УЩЕРБА ОТ НЕГО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(80-е годы 20 века)

Наименование административного региона (край, область)	Число волков, особей	Добыто волками домашних животных за год, голов	Добыто волков, голов
Алтайская	475	463	0,97
Кемеровская	300	98	0,33
Омская	195	134	0,69
Новосибирская	150	126	0,84
Курганская	35	89	2,54
Итого	1155	910	0,79
Республика Алтай	200—300	1712	5,7—8,5

Юридическая консультация

Ношение, транспортировка охотничьего огнестрельного, пневматического оружия и патронов

Слова, вынесенные в заголовок, безусловно, всем понятны и ясны, но с точки зрения закона, регламентирующего правоотношения, связанные с охотничьим оружием, возникает ряд вопросов и при применении правовых норм встречаются трудности.

Во-первых, эти правовые нормы содержатся в различных правовых актах и это уже представляет определённые затруднения в их применении. Кроме того, помимо судебной практики по их применению, отвечающей нормам закона, нередко встречается ошибочное их толкование и применение недостаточно подготовленными должностными лицами, наделёнными полномочиями по контролю и надзору за исполнением этих правовых норм. В конечном итоге крайним может оказаться законопослушный владелец охотничьего оружия. Чтобы не оказаться нарушителем этих правовых норм, грамотно защищать свои права надо эти нормы знать и соблюдать, хотя некоторые из них могут вызывать критическое отношение.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона "Об оружии" при регистрации охотничьего огнестрельного оружия гражданину органами внутренних дел выдаётся разрешение на его хранение и ношение сроком на 5 лет. Закон перечисляет случаи, когда запрещено носить оружие: во время участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетировании, религиозных обрядах и церемониях, культурно-развлекательных, спортивных и иных публичных мероприятиях. Закон называет и исключения для определённой категории лиц, например, спортсменов во время спортивных мероприятий. Запрещается носить гражданам в целях самообороны огнестрельное длинноствольное оружие, за исключением случаев транспортирования и перевозки. Кстати, следует заметить, что запрещается также ношение и перевозка в границах населённых пунктов пневматического оружия в заряженном или снаряжённом состоянии.

Правила ношения, транспортирования и перевозки огнестрельного оружия и патронов определяются Правительством РФ. Его постановлением от 21 июля 1998 г. № 814 утверждены Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (далее Правила) с последующими изменениями.

В Правилах записано, что гражданам на основании выданных разрешений на право хранения и ношения огнестрельного оружия разрешается носить его во время охоты, проведения спортивных мероприятий, тренировочных и учебных стрельб. В указанных случаях разрешается носить оружие в расчехлённом состоянии, со снаряжённым

магазином или барабаном и поставленным на предохранитель. Во время проведения охоты или спортивных мероприятий заряжать оружие можно в порядке, определённом соответствующими правилами.

При ношении оружия на охоте надо иметь при себе охотничий билет, разрешение органов внутренних дел на право его хранения и ношения и другие документы, указанные в Федеральном законе "Об охоте..." и в Правилах охоты.

Это исчерпывающие случаи, когда разрешается носить охотничье оружие в собранном виде.

От ношения оружия отличается его транспортирование и перевозка.

В соответствии с Правилами граждане РФ, имеющие на законных основаниях охотничье оружие на основании разрешения органов внутренних дел на право его хранения и ношения, имеют право его транспортировать для участия в охоте и спортивных мероприятиях независимо от места их проведения. В Правилах не говорится конкретно о транспортировке оружия к месту тренировочных стрельб, но разрешается его ношение в этих местах. Естественно, к этому месту оно может быть транспортировано.

Граждане РФ, имеющие на законных основаниях огнестрельное гладкоствольное оружие, приобретённое в целях самообороны, имеют право его транспортировать на основании разрешения на хранение, выданное органами внутренних дел.

Граждане РФ имеют право транспортировать не более 5 ед. оружия и патронов не более 400 шт. на основании разрешений ОВД на хранение или хранение и ношение соответствующих видов, типов и моделей оружия либо лицензии на их приобретение, коллекционирование или экспонирование.

Транспортировать принадлежащее гражданам оружие надо в чехлах или специальных футлярах.

Встаёт вопрос, а как быть, если возникла необходимость перевезти большее количество оружия и патронов? В этом случае граждане РФ транспортировать его должны по правилам транспортирования, которое осуществляют юридические лица (ст. 69 Правил). В связи с тем, что такое количество оружия и патронов гражданами РФ приходится транспортировать очень редко, они в настоящей статье не приводятся.

Перевозку оружия и патронов осуществляют только юридические лица, уставами которых предусмотрено оказание таких услуг. Перевозчик оружия и патронов должен соблюдать правила транспортирования для юридических лиц.

В Инструкции по организации работы ОВД по контролю за оборотом гражд-

данского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ, утверждённой приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288 (далее Инструкция) с последующими изменениями по вопросу транспортирования и перевозки оружия, содержатся правовые нормы, регулирующие транспортирование гражданами оружия более 5 единиц и более 400 штук патронов (ст. 62—66).

При перевозке оружия и патронов ручной кладью или багажом служб авиационной безопасности авиапредприятий совместно с линейными органами внутренних дел проводят досмотр пассажиров и принимают на ответственное хранение от владельца на период полёта находящееся у него оружие и патроны (ст. 198 Инструкции).

В Федеральном законе "Об охоте..." в ст. 57 содержится правовая норма, в соответствии с которой к охоте приравнивается нахождение в охотничьих угодьях физических лиц с орудиями охоты. К таким орудиям, конечно, относятся и охотничье огнестрельное оружие. Сложилась судебная практика, отвечающая требованиям закона, в соответствии с которой даже нахождение в охотугодьях с ружьём в чехле приравнивается к охоте. В подобных случаях важное значение имеет выяснение цели нахождения гражданина с ружьём в охотничьих угодьях. Если гражданин на законном основании имеет ружьё и следует на автомашине, в которой лежит в чехле ружьё, по просёлочной дороге, проходящей через охотничьи угодья, к специально отведённому месту с целью потренироваться в стрельбе или на соревнования по стрельбе, в этом случае обвинить его в производстве охоты никак нельзя.

В Правилах охоты, утверждённых приказом Минприроды РФ от 16 ноября 2010 г. № 512 с изменениями, внесёнными приказом Минприроды РФ от 10 апреля 2012 г. № 98 и вступившими в силу 15 июня 2012 г. в ст. 49, говорится: в случае, когда собака охотничьей породы ушла за охотничьим животным за пределы охотничьих угодий, на территорию которых у охотника имеется соответствующее разрешение на добычу охотничьих ресурсов, охотник при поиске и отзыве собаки охотничьей породы на другой территории обязан иметь патроны (снаряды) отдельно от зачехлённого и заряженного охотничьего огнестрельного (пневматического) оружия, за исключением осуществления добора раненого охотничьего животного.

Вот таковы правовые нормы, регламентирующие ношение, транспортирование и перевозку охотничьего огнестрельного и пневматического оружия, которые охотникам надо знать.

Н. АСТФЬЕВ,
Почётный работник Прокуратуры
РФ, старший советник юстиции

Командорский заповедник

Н. МАРАКОВА, методист отдела экологического просвещения
Командорского заповедника. Фото С.Фомина и В. Арамилева

На самой восточной окраине нашей Родины, посреди Тихого океана расположен архипелаг — Командорские острова. Эти маленькие участки суши завершают Алеутскую островную гряду. 270 лет назад человек впервые вступил на землю самого крупного острова, названного впоследствии именем Беринга. Измученные тяжёлым плаванием, 4 ноября 1741 г. моряки пакетбота «Св. Пётр» и его капитан Витус Беринг увидели незнакомую землю. Здесь экипаж корабля провёл долгих 9 мес., и отсюда же оставшиеся в живых благополучно вернулись на Камчатку. 14 человек, включая самого капитана-командора, остались навечно в бухте, получившей название — бухта Командора. Георг Стеллер — натуралист, составил первое описание природного комплекса новых земель, подробно охарактеризовав морскую корову, морских котиков, сивучей, каланов и прочих обитателей необитаемого острова. Возвратившиеся мореплаватели привезли пушнину и сведения о богатстве открытых островов. Более полувека Беринговы острова, так их первоначально называли, испытывали колоссальный пресс со стороны нахлынувших промысловых экспедиций торговцев пушнины. В 1768 г. была убита последняя морская корова. Резко снизилась численность морских бобров — каланов. Дошла очередь и до миллионных стад морских котиков. К 1911 г. от них остались жалкие 15 тыс.

Обеспокоенность состоянием удивительного природного комплекса Коман-

дорских островов проявляли разные исследователи, бывавшие здесь и в 19 и в 20 вв. И лишь в 20 столетии, после принятия серьёзных мер по охране природы архипелага, первой из которых стала знаменитая Вашингтонская конвенция 1911 г. о запрете морского китового промысла, постепенно стали восстанавливаться популяции котиков, сивучей, антуров (островных тюленей), каланов. К 1957 г. стало ясно, что необходимо запретить рыболовный промысел в акватории вокруг островов для сохранения кормовой базы морских млекопитающих — что и было сделано. Следующим шагом стал запрет китобойного промысла. Ещё в 1946 г. была подписана Международная Конвенция по регулированию китобойного промысла, согласно которой запрещалась охота на гладких, серых, горбчатых, синих китов. Тем не менее, в 50-е гг. прошлого столетия в районе Командорских островов работала китобойная флотилия «Алеут». С 1976 г. была запрещена охота на финвалов. Сегодня Россия входит в число большинства стран, отказавшихся от добычи китообразных.

В 1993 г. был организован наземно-морской природный заповедник «Командорский» общей площадью 3 648 679 га. В 2002 г. он получил статус биосферного и вошёл в число всемирных природных резерватов. В фауне островов много эндемичных подвидов и видов, из них 11 составляют птицы, 5 — рыбы, 1 — китообразные. 27 видов командорских птиц и 16 видов млекопитающих внесены в Красную Книгу Рос-

Парочка каланов

сии. В последнее десятилетие в командорских водах стало увеличиваться число китообразных: косаток, горбачей, кашалотов, полосатиков, кловорылов. Здесь встречается эндемик островов — командорский ремнезуб, редчайший кит планеты. На небольшой береговой полосе архипелага сосредоточено около 300 тыс. морских зверей и более миллиона морских колониальных птиц. Территория заповедника разделена на зоны: буферная и заповедное ядро. Фактически северная часть о. Беринга не входит в заповедник, но при подписании постановления о создании заповедника, частицу «не» потеряли. Между населением, администрацией района, с одной стороны, и заповедником — с другой, возникла конфликтная ситуация, неразрешимая и по сей день. Село Никольское, находящееся в северной части, оказывается формально тоже на заповедной территории, как и котиковые лежбища: Северо-Западное и Северное, на котором ведётся промысел. Ещё два лежбища — Юго-Восточное и Урилье и одна холостяковая залёжка на Бобровых Камнях находятся на о. Медном. Северное лежбище — старое, его можно видеть на фотографиях Леонарда Стейнегера конца 19 в. А вот Южные, или Полуденновские, лежбища, полностью исчезнувшие к началу 20 в., уже тогда угасали (именно их наблюдал Георг Стеллер в 1742 г.). Северо-Западное лежбище — молодое. Оно начало формироваться в конце 50-х гг. прошлого столетия. Сегодня — это самое доступное для тури-

Командоры летом

На подлете

тов лежбище. Сюда можно проехать на машине повышенной проходимости. Лежбище интересно видовым разнообразием: здесь можно наблюдать котиков и сивучей, каланов и антуров — весь цвет морских млекопитающих Командор. Численность северных морских котиков на всех четырёх репродуктивных лежбищах составляет 220—240 тыс. особей.

В последние два десятилетия прошлого века каланы полностью заселили о. Беринга, преодолев пролив между двумя островами. На о. Медном они держались постоянно, а на о. Беринга уже к середине 19 в. их практически не оставалось — всех повыбили. В настоящее время на всём архипелаге учёные насчитывают около 6 тыс. морских выдр. Стабильна численность антуров — островных тюленей — 4,5 тыс. особей. А вот состояние популяции сивуча вызывает серьёзную озабоченность. В 80—90 гг. 20 в. количество северных морских львов стало заметно снижаться по всему ареалу. В настоящее время на Командорах учёные насчитывают около 900—1000 этих ластоногих. В год здесь рождается 200—215 щенков сивуча. Береговая смертность незначительна. Сивуч занесён в Красную Книгу России и Красную Книгу МСОП (Международный Союз Охраны Природы). Свыше десяти лет учёные США и России (программа кандидата биологических наук В.Н. Бурканова) проводят ежегодные наблюдения за сивучами, метят детёнышей, чтобы потом отслеживать пути их перемещений. А почти 45 лет назад в зимний период 1967—1968 гг. на о. Беринга было учтено 10850 голов сивучей, и почти столько же их было на о. Медном. Только на м. Монати В. Пинигин, В. Прянишников, Е. Томатов — инспекторы Камчатрыбвода, в марте 1968 г. насчитали 7200 голов. Это была самая крупная залёжка сивучей на Командорах в 20 в. В летний период

количество зверей заметно снижалось. Так, в результате учётных работ в августе — сентябре 1968 г., на обоих островах было насчитано 3672 сивуча.

Вот уже более полувека 30-мильная акватория вокруг Командор закрыта для рыбалки. Одним из важнейших результатов этого стало увеличение китообразных, в частности — горбачей.

Научная группа молодых исследователей МГУ (О. Филатова, И. Федутин и др.) под руководством А.М. Бурдина ведет постоянный мониторинг касаток и прочих китообразных в бухте Полуценной. С помощью метода фотоидентификации летом 2010 г. было отмечено около 600 горбатых китов. Аналогичные работы уже 13 лет осуществляет кандидат биологических наук Е.Г. Мамаев на о. Медном и также констатирует рост числа исполинов моря в командорских водах.

210 видов птиц отмечено на терри-

тории заповедника — 26,6 % от общего видового состава орнитофауны России и 72,4 % от видового состава Камчатского региона, из них 53 — гнездящиеся. Крупнейшие птичьи базары расположены на Арьем Камне и о. Топорков. Командорская популяция глупыша (почти 200 тыс. пар) — одна из самых больших в Северной Пацифике. На Командорах находятся единственные в России гнездящиеся колонии красной горюхи и серокрылой чайки.

Командоры — это одна из красивейших жемчужин в ожерелье красот Дальнего Востока России. Необыкновенно живописен о. Медный. Как огромная скала поднимается он из океанских глубин. Многочисленные кекуры, скалы, покрытые лишайниками, необычайные контрасты: зелёные склоны, покрытые цветущей ветреницей, ярко-синее море, голубая галька, и мгновенно наползающий на вершины сопков туман. Птичий валт, шум прибоя, рёв сивучей, бляения и рычание котиков — всё это сливается в необыкновенную симфонию, автор которой — природа. О. Беринга в южной своей части чем-то напоминает о. Медный: такие же неприступные высокие скалистые берега, обилие птичьих базаров, базальтовые плиты, уходящие в море, осторожные антуры, лежащие на камнях, и водопады, водопады: каждый со своим характером — один красивее другого. Северная часть совершенно иная: невысокие береговые террасы, равнинные участки, среди которых возвышенности с выраженной округлой формой: горы Наковальня, Гаванская, Столовые, Свиные. На севере о. Беринга находится крупнейшее озеро лагунного типа — оз. Саранное — основное нерестилище нерки.

Командорские острова — удивительная природная лаборатория. Каждое лето на полевые сезоны спешат сюда научные работники России и зарубежья. Со многими из них работают в тесном контакте сотрудники заповедника. Более 10 научных программ реа-

Лежбище котиков и моржей

Мать и дитя

лизуется на территории заповедника, некоторые из них насчитывают свыше 10—15 лет — такие, как программы В.Н. Бурканова, М.Е. Гольцмана и др. Практически с первых лет организации заповедника трудится в нём заместитель директора по науке, кандидат биологических наук С.В. Загребельный. Свою судьбу связали с островами биологи разных лет и поколений, начиная с Георга Стеллера. Среди них Леонард Стейнегер, Е.К. Суворов, Г.Х. Иогансен, Е.Д. Ильина, И.И. Барабаш-Никифоров, С.В. Мараков, Ю.Б. Артюхин, А.М. Бурдин, В.Н. Бурканов, М.Е. Гольцман, Е.П. Крученкова, Л. Фирсова, Е.Г. Мамаев и многие, многие другие, продолжающие исследования своих предшественников. Сюда приезжают на полевые практики студенты Москвы и Санкт-Петербурга, Петропавловска-Камчатского, Кирова, Иркутска и Владивостока.

1 ноября 2010 г. Командорскому заповеднику было присвоено имя Сергея Маракова. Когда-то по его инициативе на островах был организован орнитологический заказник. Мараков очень любил Командоры и всегда ратовал за сохранение их уникальной природы, с уважением относился к маленькому островному народу — алеутам. И в то же время всегда говорил о возможности развития экологического туризма, о том, что вполне реально показывать здешние красоты людям. Но делать это надо разумно, не нанося вреда природе.

Всё меньше остаётся на Земле нетронутых цивилизацией мест. Командорские острова, к счастью, сохранили ту первозданную дикую красоту, что видели мореплаватели и путешественники 18 в., впервые оказавшиеся здесь в ноябре 1741 г. А потому — главная задача сотрудников Командорского заповедника состоит в том, чтобы этот прекрасный мир смогли увидеть в таком же первозданном виде и наши потомки.

Сегодня в заповеднике реализуется

проект ПРООН/ГЭФ «Укрепление морских и прибрежных ООПТ Российской Федерации». Приобретаются снаряжение, технические и транспортные средства. Информацию о нашем природном резервате можно получить на сайте: <http://komandorsky.ru/>. Но проблем в заповеднике хватает и, пожалуй, самая главная — кадровая. Нет единого коллектива, постоянная текучка работников. Квартирный вопрос затрудняет привлечение квалифицированных специалистов. Да и зарплата у большинства работающих в заповеднике чуть выше прожиточного минимума, а цены на продукты в два, а то и в три раза, выше, чем в Петропавловске-Камчатском. К тому же жить на острове достаточно непросто: сложные метеоусловия, не-

регулярное снабжение и редкое авиасообщение. Два раза в неделю летает самолёт летом и один раз зимой. Но совсем уж глухим углом назвать Командоры нельзя: в селе Никольском — единственном населённом пункте о. Беринга, есть сотовая связь и интернет, спутниковое телевидение, хорошая средняя школа. Её выпускники успешно поступают и учатся в самых престижных вузах страны. Большинство островитян любит свой край и бережно относится к его природе. Но, как и везде, найдутся такие «личности», для которых нет ничего святого, живут одним днём, не думая, что останется их детям. И здесь заповедник является той структурой, что стоит на пути у таких «любителей природы». Особенно не даёт покоя рыбобпромышленникам тридцатимильная запретная акватория — уж очень хочется запустить туда тралы. Используют всевозможные пути и способы, в том числе и через Государственную Думу и Правительство РФ, чтобы ликвидировать заповедник, или уж на худой конец понизить его статус до национального парка. Верим, что здравомыслие стоящих у власти руководителей возобладает — сохранится и в будущем чудесный уголок первозданной природы в безбрежных просторах Великого океана. Командоры, Алеутский район Камчатского края действительно станут «парадными воротами» страны, и приезжающие со всего света туристы, как и сейчас, будут любоваться изумительными командорскими пейзажами и ландшафтами, удивительным многоголосым миром птиц и морских зверей, будут восхищаться при виде захватывающих дух прыжков китов-горбачей. В этом и есть главное предназначение Командорского заповедника — сберечь природу архипелага для наших потомков.

Командорский заповедник зимой

Еще о волко-собачьих гибридах

Н. КОСТРОМИН, Восточный Казахстан

О волко-собачьих гибридах писалось много, много есть и сведений о связи собаки с волком. Случай, который я хочу рассказать, по-своему уникален и позволяет взглянуть на эти отношения еще с одной стороны. Речь пойдет не просто о связи, а о чем-то, чему трудно дать определение.

Сокол — борзой кобель, вернее, выборзок с глубокой грудью и мощными лапами и классической для борзой окраской. Несмотря на недостатки в экстерьере, он имеет все признаки породы: длинная псовина, приличная высота в холке, сухая голова. В помете он был самым крупным и уже тогда выделялся особенностью: свою порцию корма съедал в один миг, и если братья и сестры успевали сделать то же самое, добирался до матери, мог выхватить корм из рук, прихватывая и пальцы. Почти до года он бегал неуклюже и тяжело, и создавалось впечатление неполноценности и только отменный аппетит и здоровый блеск глаз говорили, что со здоровьем у него все в порядке. Волею случая Сокол остался у меня в паре с братом, резвым, но трусливым Малышом.

Работать они начали поздно, когда им было по два с половиной года, взяв поднятого зайца в сложных условиях. С этого дня в их охотничьей биографии помарок не было. Несмотря на кажущуюся тяжеловатость, бегал Сокол быстро и зверя брал мертво за шею, не в пример Малышу который настаивал добычу первым и, если это была лиса, неизменно получал укус и заходился в плаче. Работали дружно, дружны были и против уличных собак, которые их почему-то недолюбливали.

Сезон охоты подходил к концу, февральский снег был глубоким, настолько, что во многих местах не держал собак, и в степь я выехал, чтобы промять их. Зверя не было, день уже подходил к концу, когда поднявшись на очередную сопку, увидел уходящего логом волка, до которого было метров триста. Собак не нужно было травить, они уже неслись к цели. Малыш, добывав до следа, будто споткнулся, а Сокол быстро приближался к волку. С тревогой я ждал развязки, хотя Сокол и мощный крупный кобель, волк остается волком.

Зверь и собака оскалились друг на друга, замерли, затем обнюхались и пошли трусцой, волк впереди, собака сзади. На свист и крики пес не реагировал. Домой пришлось возвращаться без Сокола. Не пришел он и на следу-

ющий день, очевидно это была волчица, к тому же в период гона.

Прошла неделя. Два раза я выезжал в степь, надеялся найти остатки собаки, но безрезультатно. Сокол пришел сам, исхудавший с опухшей от укусов мордой. Поел и сутки лежал не двигаясь, к вечеру на ближайшей сопке завывала волчица. Сокол встал и ушел на вой.

Встречи эти длились с февраля по май. Неоднократно их видели пастухи, несколько раз волк и собака лежали на скирде сена рядом с селом, после чего доярки стали бояться утром ходить на работу. Наблюдали и такое: Сокол тащил со скотомогильника часть тельника за сопку, где его ждала она. В руки Сокол в это время не давался, а деревенские собаки шарахались, едва гуляка направлялся в их сторону. Несмотря на то, что пех неделями был степи и были сильные морозы, тела он не потерял, был упитан, на морде периодически были следы укусов, это говорило о стычках с волками. Как ему удавалось уцелеть в стае остается загадкой, то ли там не было матерых волков, то ли его сторону принимала волчица.

С апреля начали поиски логова. Сокол, если был дома, исправно шел километра три где-то рядом, а потом исчезал. И в марте, и в апреле попытки Малыша пойти следом в степь обречались трепкой для последнего. Более того, Малыш открыто выражал свою неприязнь, когда Сокол приходил домой. В мае Сокол уходить в степь прекратил. Логово нашли пастухи недалеко от дороги, щенков было семь, одного, предварительно подвернув ему лапку, оставили, остальных забрали. Один попал к хозяину, у которого жили собаки, он был еще слеп, грязно-бурого цвета, все, конечно, было волчье, за исключением кончиков лап и белого пятна на груди.

Зверь присутствовал в нем постоянно, уже в месячном возрасте он прятался в темные углы и рычал на чужих, смотрел прямо, не мигая, не отводя взгляда.

Перепало от Таймаза, так его окрестили, курам, которые оказались слишком доверчивыми. А в остальном он был щенком, играл, ласкался, деревенские собаки трогать его не пытались.

К осени Таймаз вырос в красивого рослого зверя и в ноябре — декабре не уступал в резвости собакам, удачными были и его участия в охоте, правда, недостатком было то, что если заяц попадал первому ему, то оказывался съеденным, а у лисы испорчена шкура.

“Эксперимент” по превращению волка, пусть и гибридного, в охотничьего пса продолжался до конца июля очередного года; после того, как от зубов Таймаза пал еще один баран, нервы у хозяина не выдержали. Причем последних волк зарезал, уже будучи на цепи. А месяцем раньше можно было видеть такое: Таймаз лежит на навозной куче, положив голову на лапы, глазами сопровождает проходящих мимо овец, а из угла рта свисает нитка слюны.

Подруга Сокола с хромым щенком несколько раз попадалась на глаза пастухам, и, по всей вероятности, жила где-то в округе. Зимой мы ждали с интересом и беспокойством, возобновится ли дружба между собакой и волком?

Ноябрь, декабрь и часть января Сокол в паре с Малышом исправно выполнял свои обязанности на охоте. Пришел февраль и вместе с ним время гона. В один из вечеров, в середине месяца, недалеко от села подали голос волчица, пес ответил полувоем. На ночь собаки были закрыты в сарае, Утром довольно крепкая дверь оказалась прогрызенной. Сокол снова ушел, а табунчики рассказывали, что в группе волков, напавших на лошадей, видели крупного пегого пса, который гонял пастушьих собак. В руки Сокол вновь не давался, глаза отводил в сторону, и даже становилось неприятно от его настороженного взгляда. Прикончить его не поднималась рука, на охоте к нему претензии не было. Оставалось ждать, мысленно просил его не попадаться пастухам, которые грозились пристрелить.

Зазеленели сопки, потянуло пряным запахом от кустов таволги, набрала цвет карагана, появилось потомство видно и у подруги Сокола, в степь он больше не ходил.

Вновь занялись поиском логова. Оно было найдено 31 мая, в семи километрах от села. Волею случая искавший логово охотник-казах Опан (у него жили и живут собаки) был один, пришел без топора и лопаты и достать волчат из норы рукой не удалось.

В прошедшую зиму волков в округе видели, были их следы и у села, но Сокол в степь не уходил. Скорее всего волчица была убита.

Остается добавить, что Сокол и Малыш живы, в июне им исполнилось 6 лет. Рабочие качества Сокола поставлены под сомнение, в драке была прокушена лапа, хотя бегают он все еще прилично.

Наш адрес:

101990, Москва, Милотинский переулок, д. 18А, 13 офис

Тел. 8 (495) 628-25-57

Николай Аполлонович Байков
(1872—1958)

З веробой, Следопыт, Скиталец, Пенсне, Заамурец — за всеми этими псевдонимами стоял один человек — Николай Аполлонович Байков — офицер, путешественник, охотник и писатель. До революции его, как потомка древнего дворянского рода, ждала блестящая карьера, однако призвание свое он видел лишь на писательском поприще.

Николай Аполлонович Байков родился 29 ноября 1872 г. в Киеве, в семье потомственного дворянина. С самого детства мать заметила в Николае большой интерес к Природе. Родители всячески поощряли это увлечение и даже устроили небольшой зверинец на Киевском хуторе. Когда Байкову исполнилось 11 лет, он поступил в Киевский кадетский корпус, где отучился пять лет. Отец надеялся сделать из Николая настоящего охотника — в 12 лет он подарил ему духовое ружье, затем двустолковую тульского завода — так начиналась охотничья карьера Байкова. В 1890 г. умирает мать Николая и он с отцом переезжает в Санкт-Петербург, где сдает на аттестат зрелости и готовится поступить в Санкт-Петербургский университет на факультет естествознания. Летом 1887 г. родственник Николая, полковник генерального штаба В.И. Томкев, зайдя к Байковым, сказал: «Знаешь, Коля, сюда на короткое время приехал Пржевальский. Если хочешь, я могу тебя с ним познакомить». Для пятнадцатилетнего Коли Пржевальский был не просто великим путешественником и ученым, но и мумиром, олицетворяющим высшую нравственную силу. Накануне встречи Николай страшно волновался, почти не спал, да и во время самой встречи никак не мог прийти в себя. Заметив это, Пржевальский, желая под-

Великий Ван

К 140-летию со дня рождения Н.А. Байкова

Л. МАМОНОВ

бодрить его, сказал: «Здравствуй, кадет! Я слышал о тебе от моего друга Владимира, и мне любопытно с тобой познакомиться. Ну, садись. Давай побеседуем. Да ты не стесняйся и называй меня не «Превосходительством», а по имени и отчеству. Я вижу, что ты меня стесняешься. Я не кусаюсь и не съем тебя! Говори смело и смотри на меня как на своего товарища. Излагай мысли прямо, без обиняков. Мужчина, в особенности военный, должен быть смелым, решительным и правдивым. Я слышал о твоём увлечении Природой, охотой и путешествиями. Это хорошо. Одобрять тебя и сочувствую. В твои годы я уже бродил с ружьем по лесам и болотам и теперь, на старости лет, как видишь, не бросил этого дела. Скоро опять отправлюсь в Центральную Азию и хочу пробраться в Тибет с другой стороны, наименее доступной для караванов. Вот если бы ты был постарше и окончил корпус, я взял бы тебя с собой. Из тебя может выйти толк». Неожиданно Николай Михайлович спросил: «Что это за книжка у тебя в руках?» Байков молча протянул ему книгу «Путешествие по Уссурийскому краю». Пржевальский улыбнулся: «Да, давно это было, — сказал он, перелистывая страницы. — Двадцать лет тому назад. С тех пор я там не был. Если ты так любишь природу и охоту, советую тебе потом отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота. Тайга — что твои силваасы Бразилии! Степи — пампасы Аргентины. Такой Природы нет даже у нас на Кавказе и в Туркестане. Жаль, что мне не удалось побывать там вторично. Ты интересуешься узнать, убивал ли я тигров? К сожалению, нет. Это сделаешь за меня ты, когда будешь в тайге». С этими словами он написал что-то на книге и, возвращая ее Николаю, сказал: «Возьми эту книгу и дополни ее до полноты. Она будет тебе полезна в будущем!» Вскоре Пржевальский засобирился и ушел, а Николай с волнением прочитал надпись на книге: «Моему юному другу Николаю Байкову на память от старого лесного бродяги. Н.Пржевальский». Этот день встречи с великим русским путешественником стал для Байкова своеобразной точкой отсчета во всей его судьбе. Больше им встретиться не довелось, так как через год Н.М. Пржевальского не стало. Спустя многие годы в одном из интервью Н.А. Байков сказал: «Слова Пржевальского, его книга с дарственной надписью определили мою судьбу. Только вместо Уссурийского края я вступил на

землю Маньчжурии. Я начал работать, храня в сердце завет великого путешественника, преданного науке и Родине».

В 1892 г. умирает отец Николая. В эту пору «благие намерения поступить в университет рассеялись, как дым в лесных просторах Литвы», — вспоминает Байков. Он отправляется на военную службу. 1 сентября 1892 г. его зачисляют в 17-й Новотроцкий резервный батальон, а в 1894 — переводят в 16-й Мингрельский гренадерский полк в Тифлисе. Одновременно Байков поступает в Тифлисское военное училище и, закончив его, получает чин подпоручика. В эти годы счастливый случай свел Н.А. Байкова еще с одним великим человеком — Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Об этом дне Николай Аполлонович будет вспоминать не один раз, ведь именно тогда он узнал о постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Мысль о Дальнем Востоке и службе на КВЖД теперь преследовала Байкова неотступно. В 1898 г. Николай переводится в 108-й Саратовский полк. Здесь он знакомится с Евгенией Леонидовной Стоговой и в 1900 г. становится мужем, а вскоре и отцом. В этом же году Байков подает рапорт о переводе его на службу в охранную стражу КВЖД. Не без протекции, но все же Н.А. Байков добивается своего. 8 декабря 1901 г. командиру 108-го пехотного Саратовского полка поступил приказ: «Поручик Байков переводится высочайшим приказом от 26 ноября с.г. в Отдельный корпус пограничной стражи в Заамурский округ сего корпуса, вследствие чего штаб корпуса по приказанию командира корпуса просит Ваше Высокоблагородие предложить упомянутому офицеру отправиться по месту его назначения». Спустя месяц Байков с женой и маленькой дочкой выехал сибирским экспрессом к месту нового назначения, а именно на станцию Пограничной, что находится у самого предела Южно-Уссурийского края. Здесь он вступил в должность заведующего оружием 3-й бригады. Так началась его служба в Заамурском округе Пограничной стражи, всех служащих которого называли заамурцами. В их обязанность входила охрана самой КВЖД и так называемой полосы отчуждения — широкой полосы по обе стороны железнодорожной линии, где действовали русские законы. На протяжении двух тысяч км заамурцы не за страх, а за совесть несли свою тяжелую и опасную службу. Постоянные стычки с хундузами; охота на диких зверей; исследовательская рабо-

та — все это наполняло жизнь Байкова новыми впечатлениями, событиями и приключениями, о которых он мечтал еще мальчишкой. Однако то, что являлось для него воплощением мечты, было неприемлемо для молодой городской женщины — его жены. Брак их распался. Вскоре Байков получает назначение на должность заместителя адъютанта бригады, ему стали доверять особые поручения. С 1906 г. Николай Байков начинает работу в топографическом отряде генерального штаба, который занимается съемкой и составлением двухверстовой карты Северной Маньчжурии. Однако, исправно занимаясь своими служебными обязанностями, Байков никогда не забывал о главном деле своей жизни. Все свободное от службы время он проводит делая сборы и наблюдения для Императорской Академии наук. Много пишет, в основном натуралистические заметки, наблюдения над тайгой. К 1914 г. Николай Байков опубликовал 13 очерков, которые пронизаны любовью и уважением к Природе, мальчишеским восхищением перед ней и отеческой заботой. В эти же годы он познакомился с исследователем Дальнего Востока — Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. Их пути поначалу во многом удивительно схожи. Рожденные в одном и том же году, они почти в одно и то же время оказываются на Дальнем Востоке, имея одну и ту же цель — изучение неизвестного края. Однако один из них стал известным, признанным гражданином своей страны, второй же доживал свой век в безвестности на чужбине.

Трепетное отношение к Природе всегда сочеталось в Байкове с азартом охотника. Для него охота была священным ритуалом. О своих охотничьих успехах Николай Аполлонович неизменно рассказывал с гордостью. В 1937 г., в одном из писем к бывшему министру колчаковского правительства И.И. Серебренникову, он пишет: «как охотник-натуралист я вел всегда точный учет своих трофеев и количества добытых зверей и птиц. Охотился я во многих

странах старого света, как-то: Россия, Африка, Азия и Малайские острова. В России охотился в Польше, Литве, Малороссии, Полесье, на Кавказе, в Архангельской губернии. В Европе только в Галиции и в Карпатах. В Африке — в Египте, Судане, Абиссинии, Восточной Африке (Танганьика). В Азии; в Индокитае; на Яве, Цейлоне, в Индии, в Гималаях и в Маньчжурии. Но я никогда не был промышленником в полном смысле слова и работал не только для себя, но и для Императорского Музея Академии наук. Мои трофеи и сборы имеются в музеях Санкт-Петербурга, Тифлиса и немного в Харбине. Если описать все мои путешествия, охоты и приключения, то получится объемистый том, а то и два тома».

В 1910 г. Байкова назначают командиром 6-й роты Заамурского пехотного полка. Вскоре его подчиненные стали отличными охотниками, ходившими в одиночку не только на медведей, но и на тигров, которых в то далекое время водилось с избытком в горных лесах Восточной Маньчжурии. Слава роты Байкова прошла по всей Маньчжурии и получила название «Тигровой». Сам командир, охотясь на тигров, прекрасно изучил их повадки и образ жизни. Байков, по разным сведениям, добыл двух или трех тигров, но совершенно точно, что один из убитых им тигров был Великим Ваном. Этот огромный зверь, выделяющийся среди прочих своей силой и хитростью, несколько лет нагонял страх на местных жителей, убивал всех, кто пытался его преследовать. Лишь Байкову удалось выследить и уничтожить людоеда.

В 1914 г. ротмистр Н.А. Байков вышел в отставку, поскольку служба не давала полной свободы для научно-исследовательской деятельности. Казалось бы, созданы все условия для научной работы. Но мечте не суждено было сбыться. Вместо желанной тайги он попадает на фронт первой мировой войны. Около трех лет Байков проводит в действующей армии на австро-венгерском фронте в Галиции, где

храбро бьется «За Веру, Царя и Отечество». Несмотря на ранение, контузию, он вновь и вновь возвращается на поле боя. К окончанию войны он уже полковник, кавалер ордена Святого Владимира III степени с мечами и бантом.

Революцию 1917 г. Н.А. Байков, по разным сведениям, не принял. Он уезжает в Киев, где знакомится с Верой Ивановной Круминг, которая на всю жизнь становится его надежной спутницей. Вскоре берега Днепра заняла добровольче-ская армия под командованием А.И. Деникина, который, испытывая острую нехватку в опытных офицерах, предложил Байкову желанное для многих звание генерал-майора, но тот отказался. Однако, как бы там ни было, Байков в 1920 г. вместе с белой гвардией покидает страну и оказывается в Египте. Спустя год Байкова с семьей, как и других русских беженцев, перевезли в лагерь на берегу Средиземного моря. Он находился недалеко от Александрии, и назывался Сиди-Башр. В этом лагере Байковы пробыли около года. Пришли известия о том, что во Владивостоке создано временное правительство Меркулова, и семья Байкова выезжает на Дальний Восток. Когда они, наконец-то, в 1922 г. попадают во Владивосток, белое восстание было уже подавлено и Байков с семьей оказывается в Маньчжурии, в Харбине. По словам Вс. Иванова, Харбин тех лет «был красивый и богатый город-гибрид, — оригинальный и сильный, созданный общими трудами народов Китая и России». Однако этот радужный для русских город не очень приветливо встретил Байкова с семьей: жили в долг, перебивались случайными заработками. Вскоре они переезжают на станцию Яблоня, где Байков устраивается на работу в лесопромышленное предприятие В.Ф. Ковальского простым сторожем. Чуть позже он получает там же место десятника. Однако, после соглашения 1924 г. между Китаем и СССР о паритетном управлении КВЖД, он вынужден уво-

Книга Байкова «Великий Ван»

литься, так как по условиям этого соглашения «русским служащим было предложено или брать советские паспорта, или переходить в китайское гражданство, или же, наконец, уволиться с дороги». Байков выбирает третье, и они возвращаются в Харбин. О своих неприятностях он пишет в письме к В.К.Арсеньеву: «... В настоящее время, лишившись места, я не имею и тех грошей, которые зарабатывал для семьи тяжелым трудом. В профсоюз меня не принимают, т.к. я не пролетарского происхождения, надо сперва зарегистрироваться и принять подданство СССР, что стоит значительных денег, которых у меня, к сожалению, нет. Словом, я попал в заколдованный круг, выйти из которого трудно». Однако в 1925 г. Н.А. Байков все же получил паспорт и поступил на службу в земельный отдел КВЖД на должность старшего смотрителя лесных концессий.

В Харбине еще в 1923 г. были созданы Общество изучения Маньчжурского Края (ОИМК) и музей при нем, в деятельности которого Байков принимал самое активное участие. ОИМК избирает его пожизненным членом и дает задание написать несколько научно-популярных очерков. В результате чего вышли в свет: «Маньчжур-ский тигр» (1925), «Изюбрь и изюбредовство» (1925), «Корень жизни (женьшень)» (1926), «Медведи Дальнего Востока» (1928). С 1928 г. Н.А. Байков преподает биологию в Железнодорожной гимназии, а с 1930 г. становится штатным преподавателем естествознания в 4-м отделе Департамента народного просвещения в Маньчжурии. Однако в 1934 г. его увольняют за «антикоммунистическую работу в школах и за отказ в лонгации советского паспорта, просроченного с 1932 года».

Как раз в это время Маньчжурию занимают японцы и начинают переговоры о передаче им железной дороги, что и состоялось в 1935 г. Многие русские

вернулись в СССР, однако для Байкова этот путь был закрыт. Офицер белой армии, убежденный монархист, считавший Октябрьскую революцию стихийным бедствием — он ненавидел советскую власть. Однако ненависть эта соседствовала со страстной любовью к Родине. Байков очень переживал за поражения русских во время Великой Отечественной войны, но был уверен, что Россия победит. Отношения его с японцами тоже были весьма неоднозначными.

Когда-то он воевал с ними в русско-японской войне, а теперь они избавили его от опеки и цензуры СССР. Япония всячески поддерживала Байкова, как писателя Великой Восточной Азии, поскольку была занята продвижением идеи «паназиатизма», в противовес «европеизму».

На период с 1935 по 1945 г. приходится расцвет художественного творчества Байкова. Он активно печатается в Хабринских газетах и журналах «Вести Азии», «Нива», «Юность», «Природа и охота», «Вестник Маньчжурии», «Охотник и пушник Сибири». Всего за десять лет он опубликовал около 200 статей. В 1936 г. выходит в свет повесть Н.А. Байкова «Великий Ван», в которой перед глазами читателей проходит вся жизнь тигра, от рождения до смерти. Причем тигра не простого, а Великого Вана, так как «на широком лбу его и затылке обозначены были иероглифы «Дэ» и «Ван», то есть «Великий Князь». Эта повесть принесла Байкову большую известность и была переведена на многие языки Восточной Азии. До сих пор повесть «Великий Ван» переиздается в Корее и Японии. Вслед за этой повестью Байков выпускает несколько сборников, по одному в год: «По белу свету» (1937), «Тайга шумит» (1938), «У костра» (1939), «Сказочная быль» (1940). Все они, за исключением «По белу свету», посвящены теме тайги. Тайга для Н.А. Байкова сакральна: «Мас-

сивные высоченные столбы колоссальных кедров поднимаются вверх и теряются в густой, непроницаемой для Солнца хвое. Здесь царит вечный полумрак, как в храме». И действительно, Природа для Байкова именно храм. Он активно выступает в защиту Природы и своими художественными произведениями, статьями пытается образумить людей.

После окончания второй мировой войны Советские войска вошли в Харбин. Перед эмигрантами стояла дилемма: или вернуться в СССР, или вновь бежать, теперь уже из Маньчжурии. Несмотря на широкую известность Н.А. Байкова едва не арестовали. Книги его были изъяты и уничтожены, самому ему предложили вернуться на Родину, но он отказался. О тех временах Байков вспоминал: «После войны я почти не выходил из дому: был стар, и голодно и холодно было. Заработка дочери едва хватало на неделю. Что можно продать, продали за бесценок. Мои книги в библиотеке КВЖД сожгли как сочинения писателя-эмигранта. Жена ежедневно простаивала в очередях за продуктами и углем, но часто возвращалась с пустыми руками. Сейчас кажется даже странным, что я остался жив».

В 1955 г., благодаря содействию Международного Союза церквей, Байковы получили, наконец, разрешение выехать в Парагвай. «Пришло время, — вспоминал позднее Н.А. Байков, — расстаться с мылом Харбином, Маньчжурией, ставшей нашей второй родиной, где я провел полвека своей жизни». Однако Байковы отправились не в Парагвай, как планировалось, а в Австралию, где они прожили полтора года. Переживания последних лет, разлука с любимой тайгой не прошли бесследно. 6 марта 1958 г. Николай Аполлонович умер.

На австралийском кладбище «Даттон-Парк» на сером камне одной неприглядной могилы еще можно разобрать: «Полковник Николай Аполлонович Байков. 1872—1958».

ФОТОКОНКУРС
Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
проводит очередной фотоконкурс под девизом
«Охота и природа»
Подробная информация о фотоконкурсе — в № 1 за 2012 г.

Подписывайтесь
на журнал «Охота и охотничье хозяйство»!
Наши индексы: 70673 — на полгода, 72376 — на год
По каталогу Агентства «Роспечать»

Каждая собака, как и человек, имеет индивидуальный характер, свой нрав, свой стиль охоты и свое отношение к добыче. Наша лайка Дези (в переводе с английского «маргаритка») отличается спокойным взвешенным характером с некоторой практической ленцой. В минуты привала на охоте предпочитает как следует отдохнуть, а лучше поспать. Хорошо работает по глухарю, но глухари, тетерева и даже куропатки не вызывают у нее такого восторга как рябчики.

Е. САМСОНОВ,
См. 2-ю стр. обложки

У охотников, которые держат собак, как правило, остаются о них самые лучшие воспоминания. Об одной такой гончей выжловке я хочу рассказать.

Родился и вырос я в деревне. Сколько себя помню, во дворе нашего дома всегда жили собаки, в основном дворовые. Охотничьих не было, так как в нашей семье охотой никто не увлекался. Но как только я купил себе ружье, сразу же завел охотничью собаку. Купил я ее у местного охотника. Это была русская гончая по кличке Пройда. Прожила она у меня 5 лет, и

Пишет Вам, дорогая редакция всеми любимого журнала, выпускник факультета охотоведения КСХИ 1974 года. В данный момент я — биолог-охотовед на пенсии. За плечами работа охотоведом ГОИ в Башкирии — Белорецкий район; охотоведом Кингисеппского опытно-показательного охотхозяйства Ленинградского военного округа. Охотой занимаюсь всю жизнь.

Последние годы меня застали в центре Западной Сибири на реке Пяко-Пур в городе Губкинском. Работал в европейской зоне, мечтал

в самом расцвете сил погибла от рук браконьера — запуталась в мотке проволоки.

На областной выставке охотничьих собак я познакомился с заводчиком русских гончих Брынцевым Леонидом Сергеевичем, договорился о покупке щенка. И вот, отстав более сотни километров, я оказался в его доме. Леонид Сергеевич показал всех своих собак, все свои ружья и книги, одну книгу подарил. Я тогда еще отметил, что он настоящий русский охотник, хороший рассказчик и прекрасный собеседник. И через 10 лет, когда мы снова с ним встретились, он нисколько не изменился.

Приобрел я у него выжловку и с легкой душой и хорошим настроением отправился домой. Назвал ее Плаксой. Росла она шустрой и очень подвижной. Единственный ее недостаток был в том, что очень уж любила она свободу. Сажал я ее в вольер, но она могла по трое суток лаять, выть, грызть сетку вольера. При попытке привязать ее, пыталась снимать ошейник, грызла цепь и будку. Даже соседи приходили жаловаться, просили, чтобы я ее хотя бы в сарае запирали. Посадил я ее в сарай, но утром стелю оказалось разбито, а Плакса бегала по улице.

Зато на охоте была по-

попасть за Урал в Сибирь. Живу здесь уже 23 года. Охотился в основном на соболя и белку с западносибирскими лайками.

Много чего произошло за эти годы, но то, что случилось в этом году, ничем, как искушением, назвать не могу. Перед Новым годом у меня под квартирой, а я живу на первом этаже 2-этажного жилого дома (деревянная «Тура»), поселилась самочка соболя. Лес рядом — вот она и пристроилась. Все в доме ее подкармливают, берегут и любят. Живет «соседка» уже более пяти месяцев.

слушной. Прибегала на охотничий рог, на мой голос и на выстрел. До полутора лет она еще не гоняла, хотя я показывал ей заячьи лежки. И даже когда она сама подняла зайца, никак на него не отреагировала. Но в конце сезона Плакса догнала подстреленного мной зайца, замяла его и села рядом. Я подошел к ней, погладил, положил добычу в рюкзак, и мы пошли дальше. Вскоре подняли еще одного зайца. Собака сначала погнала его на «зрячего», затем, когда он скрылся из виду, погнала по следу. Она гоняла так, будто делала это не в первый раз.

Прожила она чуть более 13 лет в последний год сильно изменилась, постарела, плохо слышала, почти пропал голос. А голос у нее был красивый, музыкальный. Добыл я из-под нее несколько десятков зайцев, немного поменьше лисиц. Дома хранится большой серебряный жетон областной выставки и фотографии семи ее щенков.

Когда она умерла, я даже сказать ничего не мог жене, только через какое-то время рассказал о случившемся. «Жалко Плаксу?» — просто спросила жена. Я промолчал. А что ответишь? Такой гончей у меня больше не будет!

Н. КОЧЕРГИН
Курская обл.

Дома здесь стоят на сваях, закрытых цоколем, вот она и устроила под тепловым узлом своё жилище. И нашла же у кого жить, из всего города пришла именно ко мне — охотнику с огромным стажем. А я уже лет пять соболей не брал, только белок и то рядом с городом: возраст, внуки, лайка старенькая... И вот такой чудесный подарок. Почти каждый вечер и утро с огромным интересом наблюдаю за соболем у себя под окном. За всю свою жизнь охотника не видал так близко жизнь этого удивительно зверька. Посылаю Вам

Здравствуй, уважаемый и любимый журнал! Ваше издание выписываю несколько лет, есть и подшивки за прошлые годы. Охотиться начал с раннего детства, так как родился и вырос на лесозаготовительном участке п. Ангуй. За последние годы зверя и птицы стало значительно меньше из-за пожаров и сплошной валки леса, а также слишком много развелось охотников-хапуг.

Хочется сказать любителям машин в лесах и карабинов, что главное в охоте на току — это процесс, а не добыча. Оставляйте побольше петухов на токах, чтобы каждый новый год вы ждали весны и с замиранием сердца слушали эту древнюю песню.

Д. БАЛТУРКИН
г. Тулун, Иркутская обл.

фотографии.

Еще хочется сказать Вам в упрек, что за все годы в моем любимом журнале я не встречал описание природы и охоты наших мест. Сибирская река Пур образуется из слияния двух рек: Пяко-Пур и Винга-Пур. Впадает в Обскую Губу на севере. Кругом бескрайняя тундра и только по руслу этих рек роскошная тайга.

В дальнейшем собираюсь написать Вам небольшой очерк о нашей северной природе и чудесной охоте.

С уважением, В. ШТЫРЛЯЕВ
Биолог-охотовед

Медвежья роспись

Автор статьи рядом с можжевельным кустом, встречающимся редко и спорадически

Н. ДЕБКОВ, аспирант Томского государственного университета

Как известно, многие хищные звери по границам своего охотничьего участка оставляют метки, в основном визуального и запахового характера. Зверь как бы уведомляет о занятости территории. Медведь не только не является исключением, более того он, как правило, подновляет свои метки каждый год. Территориальные метки медведей принято называть по их внешнему виду — задирами, которые выглядят чаще всего в виде продольных царапин на

стволах растущих деревьев. Это характерно для таежной зоны.

Наблюдения получены при сборе исследовательского материала в рамках темы по сохранению подроста на сплошных вырубках южной тайги Томской области. Полигоном исследования был выбран Калтайский заказник, где на протяжении полувека охраняются типичные представители тайги в условиях антропогенного прессинга.

Полевой период охватил 2 года — 2010 и 2011. За этот период было обнаружено 5 меток и 1 берлога. Также остались незабываемые впечатления от встречи с медведицей и ее двумя малышами, с лончаком-нянкой и тремя медвежатами, с волком, лосем и другими обитателями лесов размером поменьше. Но самые яркие воспоминания отпечатались в памяти от встречи лоб в лоб с мишкой 16 апреля 2011 г. Следы выхода из берлоги я видел буквально за 3—5 дней до встречи со зверем, и еще подумал: не дай бог встретить косолапого. Спасли меня, несмотря на наличие ИЖ-27 с двумя пулями в стволах, только выдержка и хладнокровие. Зверь бросался, демонстративно отбегал и резко тормозил, но в конце концов уступил. К слову сказать, в этот день была ветровальная погода (очень много повалило и поломало леса). Временами моросил дождичек, вдобавок ветер, как назло, был от зверя. Этот медведь в дальнейшем (на протяжении всего лета и осени) систематически безобразничал на пробных площадях, как бы в отместку за свое поражение.

1
Задир на пихте (d 26—28 см) в смешанном, преимущественно пихтовом, лесу, 2010 г., свежих отметин в 2011 г. не обнаружено

2
Задир на пихте в смешанном лесу (d 24—26 см). Видны старые отметины и свежие, 2011 г.

3
Задир на пихте в смешанном, преимущественно еловом, лесу (d 28—30 см) 2010 г.

4
Задир на пихте в смешанном, преимущественно еловом, лесу (d 28—30 см) 2011 г.

Но вернемся к меткам. На фото 2 и 5 видно, что медведь подрос за год на 10 см, что позволяет сделать вывод о его относительной молодости (среднего возраста или приближающегося к этому возрасту). Напротив, фото 7 показывает, что задир 2010 г. был сделан выше предыдущих, а вот отметины 2011 г. ниже прошлогодних на 10 см (фото 8). Вероятно, участок перешел к другому медведю, более молодому. Хотя, возможно, что медведь не старался поразить противника ввиду его отсутствия. А вот задиры на деревьях (фото 3 и 4) сделаны одним и тем же зверем. Фото 4 было сделано 9 мая 2011, в этот день шел временами густой снег. В этом районе я был в середине первой декады мая и свежих отметин не было, следовательно, они появились в пару — тройку дней после этого. Вот другой случай: заходя на дальнюю пробную площадку, я проходил мимо задира, запечатленного на фото 5, а когда через 8—10 час возвращался, картина изменилась, что видно на фото 6.

В целом, несмотря на породный состав древостоя, который существенно различался, все метки нанесены исключительно на пихтах

(фото 1). Обусловлено это скорее всего свойствами этого дерева. В частности, из хвойных пород — основных лесообразователей тайги, пихта является самой гладко- и тонкокорой, не имеет смолы в стволе

(смола в небольших количествах локализована только в коре). Последнее обеспечивает отсутствие эффекта заплывания места поранения и тем самым позволяет сохранить как внешний вид, так и запах зверя. При

этом толщина дерева тоже имеет определенный диапазон — от 20 до 30 см. По нашим наблюдениям основная масса задиров сделана в первой половине лета, чаще всего сразу после выхода медведя из берлоги.

5

Задир на пихте в смешанном, преимущественно сосновом, лесу (d 22–24 см) 2010 г.

6

Задир на пихте в смешанном, преимущественно сосновом, лесу (d 22–24 см) 2011 г.

7

Задир на пихтах в смешанном, преимущественно еловом, лесу (d 22–26 см) 2010 г.

8

Задир на пихтах в смешанном, преимущественно еловом, лесу (d 22–26 см) 2011 г.

О чутье и его влиятельные на другие элементы работы гончих

А. СТРУЧКОВ, эксперт-кинолог,
г. Урень Нижегородской области

Более пятидесяти лет держу смычок русских гончих, регулярно провожу нагонку и охочусь. За эти годы накопил опыт, которым хочу поделиться с гончатниками, особенно с начинающими. Несколько общих соображений по оценке работы:

Экспертиза гончих в поле по праву считается одной из самых сложных. Дело в том, что гончая работает вне поля зрения, поэтому даже очень опытным экспертам приходится прилагать немалые умственные и физические усилия для оценки работы гончей, в том числе и чутья. Следует различать истинный гон и просто гон. Истинный гон — это когда гончая преследует идущего зверя, пытаясь его догнать. При этом гончая отдает голос, полученный ею от предков, с максимальной силой, чувством, фигурностью и доносивостью. Просто гон — когда гончая идет по уже остывшему следу, когда зверь уже далеко оторвался от преследования, имел время и возможность запутать след, сделать двойки и скидки, и залег. В этой ситуации собака часто теряет запах, отходит от линии следа, а вновь натекая на след, начинает неуверенно продвигаться вперед. Через некоторое время снова теряет след. Дойдя до скола, долго разыскивает затаившегося зверя. При этом отдача голоса слабая, неуверенная, без азарта.

Эксперт, как правило, четко различает истинный гон и просто гон, а по скорости подъема зверя и выправления скола может составить мнение о чутье. Гончих по работе распределяю на работающих на отлично, на очень хорошо и на удовлетворительно. Работающих хуже обсуждать нет смысла.

Для отличной работы необходимо не только хорошее чутье, нужна природная паратость, сообразительность, хорошая физическая подготовка, опыт практической работы. Обычно гончая достигает пика формы примерно к трехлетнему возрасту и способна показать пристальный, яркий гон даже при неблагоприятных погодных условиях. На испытаниях и состязаниях такая собака оценивается очень высоко, получает дипломы первой и второй степени. На практической охоте радуется владельцу и его товарищей стабиль-

ной, яркой работой. По итогам нескольких работ в разных погодных условиях чутье в среднем можно оценить в 8—9 баллов. Гончая, работающая на «очень хорошо», по всем показателям уступает процентов на двадцать. Силу чутья можно оцелить в 6—7 баллов. При оценке «удовлетворительно» все показатели примерно на треть ниже оптимальных, чутье ниже 6 баллов. На испытаниях работа оценивается на диплом III степени. Такие гончие пригодны для практической охоты при средних погодных условиях.

В сложных погодных условиях — сухо, морозно, жарко, сильный ветер, листопад, выявляется истинное положение вещей. Гончая, оцененная на «отлично», уверенно работает, а с оценкой «удовлетворительно» оказывается бесполезной. В качестве примера такой разницы могу привести случай из своей жизни. Представьте себе обстановку — зима, мороз примерно 18 градусов, уже навалило рыхлого снега около 40 см. С нами были р/г Шугай и р/г Шельма. Обоим по три осени, находясь в самом расцвете сил. Вышли на вырубку и увидели как из-под небольшого мостика широкими скачками улетывает крупный беляк. Подзываем собак. Первой появилась Шельма. Ставим на след, но вместо гона получаем только вялое помахивание хвостом. Через пару минут подбежал Шугай, который тут же уверенно прихватил след, бросился за зверем, изредка отдавая голос, а через двести метров ярко погнался по зрячему. Заяц повернул к нам и был успешно добыт.

Известную роль играет и наследственность. Некоторые гончие предпочитают гонять лисицу и пренебрегают зайцем и наоборот. Часто такая склонность передается потомкам. Эта «специализация» иногда приводит к ошибкам — при оценке работы по нелюбимому зверю эксперт может неверно оценить силу чутья.

Чутье тесно и непосредственно связано со всеми качествами собаки, на силу чутья влияют и общее состояние организма, тип нервной деятельности, паратость, возраст, особенности содержания, питания, нагонки, наследственность и личные предпочтения (на-

выки, мастерство). Проявление чутья зависит от особенностей зверя, погоды и времени года, предшествовавшей работы, даже от настроения хозяина.

Формирование следа

Здесь уместно напомнить как формируется запах следа зверя. Конечно, в первую очередь от лап зверя, от отпечатков на земле. От кожи и желез кожи на земле остаются пахучие молекулы. Обычно гончатники, особенно молодые, рассуждая о запахе дальше этого не идут. На самом деле нужно учитывать и запах дыхания зверя. Запах выдыхаемого воздуха несомненно есть, но его быстрее уносит ветер. Запах шерсти, запах от анального отверстия может оставаться на траве, на ветвях, и чем гуще заросли, чем быстрее зверь проскакивает через чащу, тем больше шерсти оставляет по пути. Возможно, меняется и запах места, по которому проскочил зверь. Если пройти по луже — поднимается муть и легко увидеть мутный след в чистой воде, то же самое происходит с запахом трав и листьев. Потревоженные, сломанные растения пахнут иначе, намного сильнее, чем нетронутые. В итоге — чем быстрее и дольше бежит зверь, тем

сильнее его запах, тем четче след, тем легче его гнать. После сорока минут приличного гона обычно начинается более яркая работа. Причина в том, что зверь прогрелся, стал выделять больше запаха и собаке легче чутья след, это дает шанс ближе держаться к зверю, не теряя его направления, продуктивно продвигаться вперед. В качестве примера хочу привести случай из собственной практики, который меня поразило и заставил крепко задуматься. Как-то в конце лета поехали мы на нагонку. Взяли русского гончего Шугая (тогда ему шла четвертая осень) и русскую пегую (трех осеней). На рассвете пустили собак в поиск. Сами встали на узкой просеке. Вдруг, примерно метрах в трехстах от нас, Шугай взревел по зрячему. Через несколько секунд мимо нас пролетел взрослый беяк. Метров через сорок развернулся и, не добегая до нас около десяти шагов, скинул. Мы замерли. Тут же появился Шугай. На огромной скорости, с сильным, ярким породным голосом, не добегая до скидки метра за два, без малейшей задержки срезал угол и умчался за зверем. Это яркий и наглядный пример работы гончей с хорошим чутьём, против которого бессильны все уловки зверя.

Теория обоняния

Важно понимать и физиологические механизмы обоняния. Струя воздуха при дыхании быстро проносится по носовым ходам. Но сами носовые ходы не являются гладкими трубками. На их стенках много фигурных выступов, которые называются хоанами. Вокруг них воздух задерживается, образует завихрения, эти выступы увеличивают площадь слизистой выстилки носовой полости. Площадь выстилки носа гончей в десятки раз больше, чем носа человека. Но дело не только в площади. Чувствительность слизистой у гончей тоже гораздо выше. В слизистой очень много нервных окончаний, улавливающих запах. В этих обонятельных рецепторах образуются нервные импульсы, которые по обонятельным нервам передаются в мозг, в специализированные обонятельные центры, где информация принимается и обрабатывается. Доказано, что каждый элемент этой цепочки и весь обонятельный аппарат в целом у собаки устроен мощнее и эффективнее, чем у человека. В итоге обоняние гончих, по оценке биологов, в тысячи раз сильнее, чем у человека.

Чутьё и паратость

Хорошее чутьё позволяет быстро и уверенно преследовать зверя, так как собака не отклоняется от линии следа. Чутьё, согласованное с природной паратостью, часто называют «чутьём по ногам». На практике гончая часто идет не буквально по следу, не непосредственно в струе запаха, в шлейфе зверя, а с подветренной стороны иногда

отклоняясь до десяти метров в сторону. При этом, если чутьё среднее, а гончая очень азартная, то на поворотах она будет отлетать от следа, теряя запах. Гон будет прерывистым, с частыми перемолчками, сколами. Охота с такой собакой малоинтересна и не очень добычлива.

Чутьё и нагонка, тренировка

Нужно помнить, что обоняние — сложная физиологическая система, и, как любая другая система, может быть усилена тренировкой. Регулярные упражнения повышают способность к эффективной работе. Если углубиться в процессы, происходящие в мозге, то, по мнению физиологов (в первую очередь нужно вспомнить работы академика И.П. Павлова), после прихода сигнала в соответствующем чувствительном центре мозга формируется очаг возбуждения, который, в свою очередь, вызывает ответное возбуждение в двигательном центре, приводящем к соответствующей поведенческой реакции. Однако центры не изолированы друг от друга и возбуждение захватывает соседние области. Это приводит к рассеиванию энергии, снижению скорости и точности обработки информации. Чем чаще используется цепочка рецептор—чувствительный центр—двигательный центр—мышца, тем меньше возбуждаются окружающие центры зоны, тем быстрее и эффективнее проходит нервный импульс, тренированные нервные центры посылают более мощный и концентрированный сигнал, они способны к более длительной и координированной работе. В итоге тренировок работа выполняется быстрее и качественнее, с меньшими затратами психической и физической энергии.

Принято считать, что при тренировках, например при беге, увеличивается сила и выносливость мышц. Но это одностороннее представление. Тренируются не только мышцы, отвечающие непосредственно за бег, но и дыхательные мышцы. Кроме того, работа мышц приводит к бурному выделению разнообразных продуктов обмена (наиболее известна молочная кислота), изменяется работа сосудов, печени, почек. Таким образом, тренировка перестраивает все системы организма. Из этого можно сделать два очень важных вывода: 1) чутьё можно тренировать; 2) можно повысить эффективность использования чутья, повышая силу и выносливость гончей. Другими словами, только правильными регулярными тренировками можно проявить природное чутьё гончей, её паратость и работоспособность, в полной мере раскрыть природный потенциал.

Чутьё и верность отдачи

По этому аспекту работы накопилось огромное количество высказываний опытных экспертов и охотников-практиков, однако мнения противоречивы, остаётся немало загадок и вопросов.

Некоторые считают, что из-за слабого чутья собака не может взять след и долго неуверенно отдает голос на жировке или на сколах. Другие связывают низкую верность отдачи со слабым типом нервной системы. Третьи убеждены, что неверная отдача голоса вызвана нагонкой по снегу, ранней (до года) или ночной нагонкой. Я лично встречал несколько гончих, которых начали нагонивать с пятимесячного возраста. Просто брали с собой "в лес по грибы" или на ночную рыбалку, где они начинали поганивать, накапливая мастерство. Верность отдачи была в пределах нормы. Встречал порядочное количество таких, которые начали нагонку в возрасте старше года, сначала горячились, отдавали голос на жировке, затем, со второй осени до старости, верность отдачи у них была нормальной. Ещё знаю несколько случаев, когда в первую осень отмечалась неплохая верность отдачи, а с пятой, чаще с шестой, осени прогрессировало ухудшение до полного пустозвона.

Считаю категорически неверным мнение о том, что гончая врет из-за слабого чутья. Встречались собаки, которые достаточно ярко отдавали голос на жировке, но показывали правильную отдачу голоса на сколах, проносах, поворотах. Знал собак с противоположной ситуацией — активно молча ищет зверя, а после подъёма на сколах, проносах гонит в пяту с таким азартом, словно по зрячему. По моему мнению, верность отдачи скорее зависит от типа нервной деятельности и от наследственности. Примером может послужить ч. Рыдай 1519, имевший несколько дипломов, в том числе и диплом 1 степени. Сменил трех владельцев из-за плохой верности отдачи. Многие его потомки имели хорошее чутьё, сильные голоса, получали дипломы, но при тщательной проверке оказались слабоголосыми.

Чутьё и возраст

У собак, особенно после 6 лет, появляются признаки старения, особенно заметные, если собака болела, плохо питалась, жила в плохих условиях, не получала регулярной физической нагрузки. При старении ухудшается работа всех органов, в том числе обоняния, хотя некоторое время это не очень заметно, так как гончая компенсирует снижение чутья за счет накопленного мастерства.

Сохранение чутья

Для успешной практической работы очень важны условия поездки к месту охоты. Необходимо принять все меры для сбережения чутья и общего психического состояния собаки непосредственно перед работой. Эксперт Всесоюзной категории Р.И. Шиян рассказывал мне о подмеченной закономерности: если в лес добирались на автомобиле (около часа по шоссе с интенсивным движением), то в течение пер-

вого часа гончие не гоняют, хотя и мечают места жировки. Потом начинают работать. Если столько же времени добираться электричкой, то собаки нормально работают практически сразу после выпуска. Я решил проверить эту мысль и попросил своих товарищей по охоте не курить в салоне автомобиля, в любую погоду добираться до леса с приоткрытыми окнами и убедился, что собаки стали лучше работать. Ещё более наглядное подтверждение получил на испытаниях. Участвовали три одиночки трехлетки. В тот день приехали к месту испытаний вовремя, сразу запустили одну выжловку, но она не смогла показать работу более 16 минут вялого гона. Вторая долго не могла поднять зайца, после того, как подняла, гоняла вяло, с частыми перемолчками, сколами, тоже осталась без диплома. Третьей была моя Заря. Она быстро помкнула, показала яркий гон с полной отдачей красивого голоса. Два эксперта, стажер и другие участники более 7 раз перевидели зайца. Получила оценку за мастерство 19, голос 7-3-4 балла, общий балл — 81. Очень был удивлен владелец второй гончей. Он с ней раньше много и успешно охотился. На мой взгляд, ответ прост: собака сидела в закрытой кабине грузовика ещё задолго до отбытия, непосредственно во время поездки и ещё почти час после приезда до начала испытаний. Бензин, запах гари и выхлопных газов, запахи от обивки кабины снизили обоняние. Свою собаку я вез в легковом автомобиле с приоткрытыми окнами, сразу после приезда вывел из машины и привязал в стороне от людей и автомобилей. До момента выпуска был с ней рядом. Собака была спокойна, резкие неприятные запахи её не раздражали. В итоге показала отличную работу. Теперь, убе-

дившись на собственном опыте, могу дать совет — перед охотой или испытаниями сберегите чутьё своей собаки, после прибытия в лес устройте её вдали от автомобилей и других раздражителей, желательнее быть с ней рядом, дать возможность успокоиться, отдохнуть. К сожалению, не все владельцы понимают важность соблюдения этих простых условий. Не раз наблюдал как охотники во время испытаний непрерывно курят, употребляют алкоголь, надолго оставляют свою гончую, чтобы послушать других собак. В результате оставленный без присмотра питомец беспокоится, рвется с привязи, истощено голосит. Кончается тем, что к моменту выпуска устает и не может работать, не дотягивает даже до диплома III степени. Владелец решает, что у собаки нет чутья и расстается с ней. Знал несколько таких случаев, причем у другого владельца эти же собаки начинают работать и получают дипломы II степени. Причина была не в гончей, а в плохом содержании и неправильной подготовке к испытаниям.

Остается ещё немало непонятого, неизученного в этом вопросе. На практике не раз сталкивался с загадочными ситуациями — иногда, при неплохих погодных условиях, собака не работает, а, порою, та же самая собака успешно гоняет в самую неблагоприятную погоду.

Вопрос о возможности заметного улучшения природного чутья остается открытым, но мы бесспорно можем сохранить и защитить чутьё своей собаки. Для этого нужно соблюдать несколько довольно простых правил.

1. С самого раннего возраста, буквально с момента рождения, заботиться о здоровье своей собаки. Обязательно своевременно проводить все необ-

ходимые прививки.

2. Обеспечить своевременное полноценное сбалансированное рациональное питание, не допускать ожирения или истощения.

3. Регулярные прогулки, тренировки круглый год, даже в межсезонье, нагонка перед охотой или испытаниями до трех раз в неделю.

4. Полноценный и своевременный отдых между выходами, а во время охоты в середине дня давать хотя бы час на отдых, во время перерыва желательнее немного подкормить.

5. Категорически нельзя давать собаке горячей пищи. Даже если собака не схватит горячего, а только понюхает, то получит ожог слизистой носа. У кинологов это называется «заварит» чутьё. После ожога слизистая заживает и восстанавливается более 2 недель в зависимости от силы ожога. Но даже после одного случая чутьё будет снижено навсегда. Повторные ожоги могут привести к стойкой потере обоняния. Даже на коже ожоги оставляют неизгладимые следы (рубцы, пятна), а ведь слизистая оболочка носа гораздо более чувствительна и уязвима.

6. Содержать на чистом воздухе, в зимнее время в теплой будке с толстым слоем соломы или стружек.

Надеюсь, мой опыт, мои советы помогут сохранить и укрепить чутьё вашей гончей, правильно подготовиться к работе.

Не стоит забывать и об элементарных правилах искусственного отбора — к разведению допускать только собак с хорошим чутьём, брать щенков только от породных родителей. Хотя и не без оговорок, но у породистой гончей чутьё лучше, чем у беспородной собаки.

В заключение хочу пожелать всем гончатникам доброй охоты.

О доверии к работе своей собаки

В. СЕЛЯНИН

Как-то поздней осенью в середине 90-х годов прошлого столетия мне в компании с Валерием Александровичем Н. и ещё одним охотником довелось охотиться по фазанам в урочище Бел-Такыр. Тогда оно ещё не было выжжено местными пастухами. Взять там зайчика и фазана за день охоты было довольно просто. Уже выпал небольшой снежок. Урочище из-за этого имело пятнистый, пёстрый вид, так как снег лежал маленькими островками и только в отдельных местах сплошным покровом. По свежим следам было видно, что впереди идут трое охотников. Мой спаниель Хантер был отправлен в поиск, несмотря на эти нерадостные обстоятельства. Вдруг из-за этого имело притормозил и потянул влево и за спину нам, идущим в линию. Машинально я остановился и начал поворачиваться, чтобы отправить его снова в поиск и оторвать от копания в старых набродках, как мне показалось в тот момент. Шёл я в кожаных кроссовках карагандинской обувной фабрики. Несколько пар этой недорогой и прочной, лёгкой, удобной для охоты и тренировок в беге обуви я закупил впрок ещё в советское время. Травка, вперемешку с колючками, еле достигала высоты щиколотки. Всё кругом было видно как на ладони. Никакой дичи рядом не было. И в этот момент, тогда еще молодой, Ханька поднял курицу метрах в пяти от меня. Вскинуть ружьё и прицелиться было недолгим делом. Звучи хлопков крыльев только добавили бодрости и скорости в движениях. А поскольку стрелять пришлось с поворотом влево, то и не трудным. Умение фазанки замаскироваться, пропустить «через себя» группу «бессобашных» охотников вызвала у нас большое удивление, если не сказать изумление. Когда мы догнали группу опережавших нас охотников, то они выразили сожаление об отсутствии у них собаки.

В другой сезон мне с Васильичем и Вовкой И., молодым майором, любителем-автомобилистом и начинающим охотником, довелось охотиться в окрестностях Хор-Хута по берегу Сыр-Дарьи. Лёд на реке местами встал, кое-где вдоль берега были промоины. Берег был глинистый, почти голый. Однако Хантер сумел найти и поднять из-под невысокого правого берега петуха. Поскольку собаки было не видно, взлет петуха оказался неожиданным, и только вторым выстрелом мне удалось перебить ему крыло и спустить на землю с высоты, которую он начал набирать. Фазан упал на открытом месте, и как нам троим показалось, прямо в куст чингиля. Метрах в двадцати пяти

начинался небольшой тугай. А между кустом и тугаем был кустик травы. Я с уверенностью послал Хантера в куст за добычей командой «Подай». Однако, обнюхав чингиль, пёс потянул в сторону тугая. Я снова направил его в куст чингиля, и так повторилось три раза. Я горячился всё больше и больше. Но тут вмешался Васильич. Он предложил довериться Хантеру и не дергать его, раз уж всё равно дичь не найдена. Посланный за подранком пёс снова повернул в сторону тугая, и как по нитке ткнулся в кустик травы. Оттуда донеслось хлопанье крыльев, шуршанье травы и довольный Хантер с «улыбкой на морде», если так можно говорить про собаку, подал живого подранка. Этот кустик находился от нас метрах в десяти, не меньше. Поощрение в виде кусочка печени, данное Хантеру за столь настойчивую и удачную работу, собака выплюнула. Моему псу, как всякой кровной породной собаке, высшим поощрением было сама охота, добыча дичи, возможность поддержать её в пасти. На привале же все лакомство проглатывалось мгновенно.

В другой раз где-то в середине ноября, ещё до снега, на «Волге» с Васильичем и нашим общим знакомым, владельцем «Волги», Александром З. мы поехали на фазана. С нами был и Хантер. Мы сменили за день несколько мест, но фазаны были уже настеганы выстрелами других охотников и поднимались далеко. Стрельбы толковой не было. Это огорчало и вынуждало нас проверять все новые и новые места. Под вечер, недалеко от Акжара, мы нашли две полоски тугаёв, идущих параллельно реке. Прочёсывание массива кустов, ближайшего к реке, положительного результата не дало. Фазаны поднимались и сразу скрывались за высоченными кустами. Их полёт сопровождался нашими торопливыми, а потому и безрезультатными, выстрелами. Переход ко второму массиву оживил наши надежды на удачу. Хантер заработал азартно по следу, активно побежал вдоль колючих зарослей, затем свернул в них и стал продираться нам навстречу. Я почему-то принял это за собачью блажь, и вместе со всеми стал понукать собаку продолжить преследование фазана по горячему следу. Взлёт фазана мне навстречу с 5-ти метрового расстояния был для всех нас полным неожиданным. Выстрелы были сделаны впопыхах, с близкого расстояния по встречной птице, и, конечно, были промахами. Масла в огонь подлил Александр, заявивший, что «пёс лучше нас знает свое дело. Выложил нам петуха на заходе солнца на блю-

дечке с голубой каёмочкой, а мы позорно пропуделяли». Свою мысль он развивал минут пять, после чего в молчании и в полутьме мы поплелись к машине. Это была классическая работа спаниеля по фазану с заходом. Я же, владелец собаки и как я считаю, главный виновник наших промахов, этого не понял. В тот день единственной добычей был первый фазан, взятый утром Александром в результате нашей небольшой облавы в одном из многочисленных овражков, прочесанных нами у реки и полей.

Еще раньше при охоте по руслу заросших арыков мне не раз приходилось наблюдать работу «с заходом» моего спаниеля Буря. Бур имел несколько полевых дипломов за работу по вольному фазану и отличный экстерьер. Устав преследовать фазана по колючкам, он выскакивал к арыку, вдоль которого обычно шла старая дорога. Пробежав по ней несколько десятков метров в известном ему направлении, Бур забежал в гущу зарослей сверху и выставлял на встречный выстрел обычно матёрого петуха... Однако он имел в своей работе особенность следующего рода. Стоило Буре отозвать от дичи, как повторно искать именно эту птицу он мог отказаться. Эта особенность проявилась у него на первых полевых испытаниях, когда я отозвал Буря с потяжки по требованию эксперта Сергея Георгиевича и стоила нам полевого диплома. Шедший за нами с русской гончей Сильвой Валерий Александрович Н. поднял фазанов на этом месте после нас, а Бур пошел работать дальше, очевидно рассудив, что «раз вам не нужны эти фазаны, то они и мне не очень то нужны». Больше я его со следа не отзывал, и эксперты тоже на последующих испытаниях прекратили подобные эксперименты. Сказывалось к тому же невысокая численность вольной птицы и ограниченность времени испытаний.

Приведенные мною примеры свидетельствуют о больших способностях у фазанов незаметно передвигаться, умело затаиваться на совершенно открытых, казалось бы, местах. А также показывают, насколько сообразительной и заслуживающей доверия может быть охотничья собака, без которой трофеи, о которых я рассказывал, были бы не взяты или утеряны. Отсутствие же контакта с собакой, понимания её действий или заторможенное понимание событий на охоте всегда дают повод для сожаления. Нужно быть понимающим охотником, внимательным к собаке.

Баллистика дробового выстрела

Алексей БЛЮМ

В этой статье пойдет речь не только непосредственно о процессе выстрела, но и о влиянии элементов конструкции ствола на характер выстрела и его качество.

По характеру выстрела огнестрельное оружие делят на две вполне самостоятельные группы — гладкоствольное и нарезное. Читатели наверняка знают, что их отличие состоит в конструкции канала ствола. Гладкоствольное предназначено для стрельбы дробью, картечью и пулей, стабилизация которой в полете достигается формой и конструкцией самой пули. В нарезном оружии правильный полет пули и достаточно высокую точность стрельбы обеспечивает конструкция ствола, а точнее, нарезы в канале ствола, которые придают пуле вращательное движение. Но нельзя рассматривать характеристики патронов отдельно от ствола, из которого производится выстрел, так как они связаны друг с другом теснейшим образом. Все процессы, происходящие при выстреле в канале ствола, изучает и рассчитывает внутренняя баллистика, а все, что происходит со снарядом, не зависимо от того, дробь это или пуля, во время полета вне ствола, изучает и рассчитывает внешняя баллистика.

Внутренняя баллистика в гладком стволе

Схематично процесс выстрела складывается из следующих элементов. Патрон находится в патроннике. Стрелок нажимает на спусковой крючок. Удар бойка по капсюлю приводит к взрыву капсюльного состава; образовавшийся огневой факел зажигает пороховой заряд, во время горения которого (именно горения, а не взрыва) образуется большое количество газов. При сгорании черного (дымного) пороха объем образовавшихся газов в 300 раз превышает объем самого пороха, а в случае использования бездымного пороха это соотношение составляет 900:1. То есть, можно принять, что по мощности бездымный порох примерно в 3 раза превосходит дымный, и именно поэтому все инструкции при снаряжении патронов в домашних условиях требуют заряды бездымного пороха отвешивать на весах с точностью до 0,01 г. Но вернемся к выстрелу. Газы, находясь в гильзе в замкнутом пространстве, запертые пыжами, дробью или пулей (все это принято называть снарядом) и завальцовкой краев гильзы, если разговор идет о гладкоствольном ружье, или только пулей, если о нарезном, по мере сгорания пороха увеличивают свой объем и тем самым повышают давление в гильзе и соответственно в патроннике оружия. В конце концов оно вырастает до та-

кой величины, что преодолевает сопротивление снаряда, выталкивает его и из гильзы, и в конечном итоге из ствола. Снаряд начинает выдвигаться из гильзы при давлении, которое носит название «давление форсирования», однако оно еще не является максимальным, а становится им чуть позже. По мере движения снаряда по каналу ствола, не смотря на продолжающееся горение пороха, давление падает, так как быстро увеличивается так называемое «запальное пространство», и к моменту вылета снаряда из ствола нормальное давление пороховых газов уменьшается примерно в 10—12 раз против максимального. Это давление называется «дульным».

Для того, чтобы иметь возможность не просто контролировать, но и влиять на качество выстрела, недостаточно этот процесс представлять себе только схематически. В основе хорошего, качественного выстрела лежит характер взаимодействия элементов, из которых состоит патрон, с элементами канала ствола. Если начать рассматривать ствол с той стороны, с которой происходит заряжание, то необходимо сказать, что она носит название «казенной части», у нее есть казенный срез и разного рода пазы и выступы, одни из которых обеспечивают запираение ствола, а другие предназначены для размещения приспособлений для экстракции (выдвижения из патронников) стреляных гильз или заряженных патронов. Та часть ствола, куда помещается патрон, называется патронником.

Длина патронника не имеет отношения к конструкции ружья, но до известной степени может характеризовать его. Патронники бывают длиной 51, 60, 65, 70, 76 и 89 мм и она зависит от назначения ружья. Самые короткие — 51 мм делают в ружьях калибра .410; 60—65 мм делали у ружей, предназначенных для охоты с подручными собаками; 70 мм под патроны универсального назначения; 76 мм для патронов (магнум) со свинцовой дробью, хотя первоначально они предназначались для патронов со стальной дробью. Патронники длиной 89 мм делают для патронов со стальной дробью, потому что такой снаряд имеет заметно больший объем, чем та же масса свинцовой. Правда, надо сказать, что в США некоторые фирмы выпускают тяжелые магазинки для стрельбы гусей на перелетах с патронниками 89 мм и используют в них патроны со свинцовой дробью.

Конструкторы первых «казнозарядных» ружей, т.е. заряжающихся не с дульной части (их называют «шомпольными»), а с казенной, понимали, что для получения дробового выстрела с хорошим результатом очень важно как

можно меньше подвергать столбик дроби, находящийся в патроне, различным перестройкам. Что будет лучше, если дробовой снаряд перейдет из гильзы в канал ствола без изменения своей формы. А для этого диаметр канала ствола и внутренний диаметр гильзы должны быть практически одинаковыми. Однако добиться этого совсем не просто: мало того, что диаметры каналов стволов даже у ружей одного калибра могут различаться один от другого чуть ли не на миллиметр (диаметр канала ствола 12 калибра в США может иметь 18,93 мм, а во Франции 18,1 мм), но и внутренние диаметры гильз, в зависимости от производителя, тоже заметно варьируют. Наверное, всем понятно, что диаметр патронника делают больше диаметра канала ствола на величину несколько меньшую двойной толщины стенок гильзы. Но, для того чтобы избежать крутого уступа при переходе от патронника к каналу ствола, этот переход делают полугим, и называется он «пульный» или «снарядный» вход. Иногда его еще называют «переходным конусом». Нормальная длина этого перехода находится в пределах 1,5—6 мм. Дальше идет собственно канал ствола. Диаметр канала ствола меряется на расстоянии 150 мм от казенного среза. Заканчивается ствол «дульным срезом».

Первоначально стволы гладкоствольных ружей изготавливали так, что на всем протяжении от снарядного входа и до конца они имели форму цилиндра, их и называли цилиндрическими. Такие стволы на стандартном расстоянии 35 метров давали равномерную, но широкую дробовую осыпь. Для того, чтобы уменьшить рассеивание дроби, и тем самым увеличить дальность выстрела, были придуманы «чоки», они представляют собой сужение канала ствола в дульной части на небольшом расстоянии от дульного среза. Чоки могут иметь разную форму, но задача у них одна, уменьшить диаметр столбика дроби, чтобы уменьшить разлет дроби и повысить кучность дробовой осыпи.

Теперь разберем процесс выстрела применительно к дробовому снаряду, только напомним элементы, из которых состоит снаряженный дробовой патрон. Сначала рассмотрим классический вариант снаряжения. На порох кладется картонный пыж, толщиной не менее 2,5 мм, затем два войлочных пыжа — один более толстый осаленный, это основной, и дополнительный, он тоньше основного; иногда, но не всегда, на последний пыж под дробь кладется картонная прокладка. Общая высота пыжей должна быть не меньше внутреннего диаметра гильзы. Затем насыпается дробь, которая сверху закрывают картонной прокладкой, и пос-

ледная операция — это завальцовка краев гильзы. Чрезвычайно важным элементом являются пыжи. У них две основных задачи. Первая — это смягчить воздействие высокого давления на свинцовую дробь, то есть исключить, или, по крайней мере, значительно уменьшить вероятность деформации дробин в момент появления наиболее высокого давления в гильзе. И второе. Исключить прорыв пороховых газов в дробь. Первая задача выполняется, благодаря упругому материалу пыжей, а выполнение второй должна обеспечивать высота пыжей. С первой задачей все понятно, материал пыжей или их конструкция (в случае использования пластмассовых контейнеров) обеспечивают достаточную упругость. Пока дробь еще не покинула гильзу, от газов ее защищает весь комплект пыжей: плотная картонная прокладка и войлочные. Узким местом в этом процессе остается выход пыжей из гильзы и вхождение их в канал ствола через снарядный вход. Все должно происходить следующим образом. Под действием пороховых газов пыжи выталкиваются в канал ствола дробь и входят туда за ней сами. Причем, прежде чем они все покинут гильзу, они должны войти в канал ствола не менее, чем на две трети своей высоты, тогда газы, не смотря на созданное ими высокое давление, не смогут вернуться в дробь, обходя пыжи по стенке ствола. Особое значение в рассматриваемом процессе имеет длина снарядного входа и соответствие длинны гильзы длине патронника, и эта позиция отстаивалась в литературе об охотничьем оружии. Считалось, что если гильза коротка, и не на 1 мм, а на 5—6, то вполне возможен прорыв газов в дробовой снаряд, что приведет к ослаблению выстрела, так как часть газов уже не будет работать на придание снаряду скорости, и именно по этой причине стрельба патронами с длиной гильзы 70 мм из ствола с патронником 76 мм показывает худшие результаты, чем с гильзой, соответствующей длине патронника. Однако последние исследования в Ижевске показали, что практически уловить разницу в изменении характеристик выстрела, в зависимости от длины патронника, очень трудно. При лабораторных исследованиях показано уменьшение кучности на 3—6%, что, на мой взгляд, невозможно заметить при стрельбе на охоте. Ошибка в определении дистанции до цели в меньшую сторону на 4—5 метров даёт тоже уменьшение кучности. Тем не менее, если все же приходится стрелять из ружья с патронником 76 мм патронами, собранными на 70 миллиметровой гильзе, то при их домашнем снаряжении надо постараться положить дополнительный пыж или использовать высокие пластмассовые контейнеры. Но чего нельзя делать ни в коем случае, это в оружии с коротким патронником, например, 70 мм, пользоваться патронами с гильзой, превышающей этот размер. Во время выстрела края такой гильзы будут заходить в канал ствола, сужая его, что сильно

повысит давление в патроннике, а это, в свою очередь, может привести к раздутию или разрыву ствола. К тому же пыж, пройдя через сузившийся на величину двух стенок гильзы пульный вход, сильно уменьшится в диаметре и позволит пороховым газам почти беспрепятственно, они обтекут его по стенкам, ворваться в дробь. А к чему это приводит уже известно.

Далее, дробь вместе с пыжами движется по каналу ствола, набирая скорость, которая к моменту вылета достигает максимального значения. Но вслед за ней с большой скоростью и достаточно высоким давлением (оно носит название «дульного») вылетают из ствола и пороховые газы. Они врываються в дробовой сноп и нарушают его плотность, что в результате увеличивает разброс дроби. Поэтому разработчики порохов стараются получить такой порох, который при правильной длине ствола дает нормальное же давление в патроннике и невысокое при выходе из ствола.

Если дробь засыпана в гильзу без пластмассового контейнера, то после вылета из гильзы крайние дробины, в результате истирания о стенки ствола, теряют свою форму. В случае, когда ствол имеет чок (чоковое сужение), то дробовому столбику перед вылетом предстоит перестройка, но каждая перестройка ведет к деформации дробин, в данном случае и о стенки чока, и друг о друга. Поэтому, хотя чок и повышает кучность боя, но количество дробин, долетающих до цели, уменьшается, так как потерявшие форму, теряют скорость и далеко отклоняются от основной траектории полета снаряда. Пластмассовые пыжи-контейнеры защищают крайние дробины от истирания о стенки ствола, поэтому в дробовом снопе сохраняется больше дробин с правильной шаровой формой оттого и кучность увеличивается.

Внутренняя баллистика оперирует двумя основными числовыми показателями — величиной давления пороховых газов и начальной скоростью снаряда. Наверное, не нужно объяснять, насколько важны эти характеристики патрона. В зависимости от величины максималь-

ного давления и дальнейшего распределения его в момент выстрела по каналу ствола рассчитываются прочностные характеристики не только ствола, но и всего ружья в целом. Начальная скорость снаряда тоже имеет чрезвычайно важное значение, так как именно она является основным показателем, который определяет дистанцию убойного выстрела. В гладкоствольном оружии при применении патронов «магнум» максимальное давление, а оно бывает и измеряется в патроннике, может достигать 1200 кгс/см². Максимальное давление в стандартных патронах не превышает 800 кгс/см², в среднем же оно находится в пределах 450—600 кгс/см². От величины давления зависит не только скорость дроби или пули, но и сила отдачи. Часть давления пороховых газов работает на выталкивание снаряда из ствола, а часть давит на донце гильзы, а через него на колодку или затвор ружья и в конечном итоге ударяет в плечо стрелка. Нормальное дульное давление примерно в 10 раз меньше максимального для стандартного патрона, т. е. составляет примерно 40—60 кгс/см².

И опытным путем, и расчетами установлено, что для того, чтобы наносить глубокие проникающие раны различным представителям охотничьей фауны, дробь должна иметь скорость в момент попадания в дичь не менее 180 м/с. А чтобы сохранить такую скорость на предельной дистанции нормального дробового выстрела (35—37 м), начальная скорость среднего номера дробин должна быть не менее 360 м/с. У некоторых типов патронов она может достигать 420 м/с. Однако следует сказать, что, если двигаясь по каналу ствола, дробь на каком то отрезке имеет скорость выше 350 м/с, то начинается процесс «свинцевания», т. е. крайние дробины нагреваются от трения о стенки ствола, начинают размягчаться (даже оплавляться), и оставляют частицы свинца на стенках. Свинцевание заметно ухудшает качество выстрела. Именно поэтому в патронах с высокими показателями скорости используют пластиковые контейнеры, которые отделяют дробь от стенок канала ствола, тем самым исключая деформацию дробин от контакта со стенками.

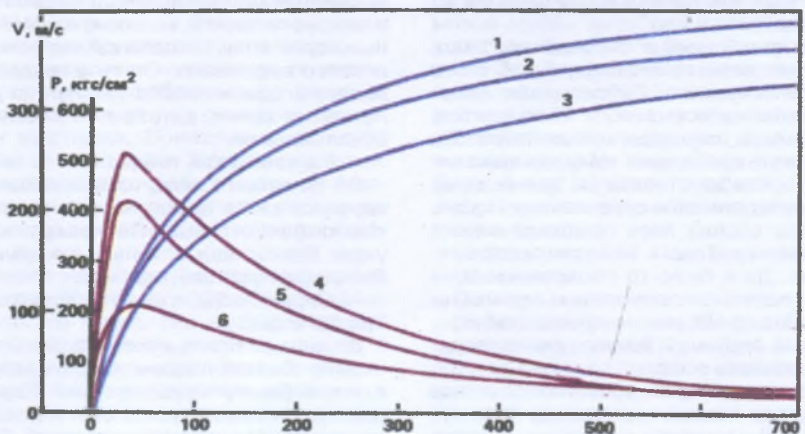

График давления и скорости

Ломыга

Очнулся в крошечной мгле. Даже усомнился сначала: открыты ли глаза? И свой, заросший грубой шерстью лоб, долго узнать не мог. Потом понял, наконец, что голова, как у ребёнка, затянута в ушанку. Но откуда ей взяться? В городской жизни круглый год обходился без головного убора. А тут на ощупь обнаружил на себе ещё полушубок, унты... Да — к чёрту! Снится, наверное. Но в висках, словно набитых колкой минватой, вызванивал знакомый болезненный будильник. Его ни с чем не спутаешь. Гола два уже эта резкая височная боль играла подъём. Вот и сейчас глубинное мозговое эхо начало шарашаться от одной лобной доли к другой.

Он раскачивался из стороны в сторону на кажих-то шкурах. Поднялся и ударился макушкой. И тут пальцы вспомнили струганное бревно, служившее опорой для жердяного потолочного настила, присыпанного сверху землёй и лиственной трухой. Да, он узнавал мездряной запах грубо выделанных медвежьих и лосиных шкур. И кислыватый дух пропитанного печным дымом мёрзлого сруба. Протяни руку и наткнёшься на обмазанную глиной каменку. Точно, вот она, остаётся... Открыл певшую знакомым скрипом шершавую чугунную дверцу. Дунул. И синий уголёк из-под взметнувшейся золы дал слабый отсвет.

Кто топил, он не помнил. Но это было безразлично. В последнее время вообще скорее забывал, чем вспоминал. Непроходимое головное болезненное эхо набивало на череп стягивающий обруч, за пределы которого мысли не выходили. И уже не интересовало, как оказался в родовой охотничьей избушке за сотни таёжных километров от города?

Когда-то, ещё в отрочестве, отец, потомственный охотник, брал его с собой на пушнину. Забрасывались вертолётom на всю зиму... И помнится, нравилась ему девственная тайга. Он дорожил подбитыми камусом лыжами. Дедовская двустволка на плече делала его мужчиной в собственных глазах. А пара верных лаек помогала ничего не бояться. Только вот клички запоминать не хватало. Да и было-то таких зимовок — две: после десятилетки и музыкальной школы. Потом — группа лабухов, ночные клубы... И дальше мысли теряли ровность полёта.

На заиндевелой бревенчатой стене нашарил маленькое оконце. Сдвинул занавеску и ничего не увидел. Значит, зимовьё замечено под крышу. Путаясь

в войлоке, толкнул низкую дверь. Она поддалась немного, но снег снаружи придерживал её. Видать, недавно метель прошлась. А сейчас тихо. И только утренняя хмарь дохнула в проём ступой таёжной хмарью.

— Э-эй!..

Он ещё вяло свистнул. Но никто не отозвался. И как угораздило здесь оказаться? Зачем? Думать не хотелось. Наугад нашёл спички. Свечу. Всё — на старых местах. И петли с капканами на стене. И дощатый стол в углу, где жарял в юности патроны и готовил обед, пока батя самолёвы проверял.

Из туго набитого рюкзака торчал обшарпанный ружейный чехол. Точно в таком хранилась его ижевка шестнадцатого калибра. Она и есть, видимо. Но ему лень было развязывать лямки. Сил хватало только насовать сучья в каменку. Лучин наколоть не смог. Пальцы сводило судорогой. Мешком повалился на топчан и словно ухнул в чёрную вату.

Серая окровавленная псина с лаем разметала снежный завал у двери. Смышлёно потянула зубами край прибитой дерюжины и влетела в избушку. Поташила с топчана скрючившегося человека. Он слабо отмахивался. Вопил что-то. Потянулся к зачехлённому ружью. И тут собака перестала его терзать. Выскочила с радостным лаем наружу. То вспригивала, то припадала мордой к передним лапам. И завитой в кольцо хвост возбуждённо подрагивала.

Парень дрожащими руками собрал двустволку. И сунув в дверную проёмину, нервно выпалил сразу из двух стволов. Его било нутряной дрожью. На мертвенно-сером лице висли синюшно-жёлтые мешковины подглазий. Расплывшиеся зрачки, похожие на давленные черничины, лишали взгляд осмысленного выражения. Он тупо глядел на валявшегося в ногах пса. Тот, скуля, лежал на спине в позе покорности и сучил лапами.

— Ты чей?.. Как тебя?..

Он со стоном опустил на корточки, мучительно вглядываясь в искривлённые собачьи глаза. Пёс закрутился ужом. Взвизгивал, вляивал и, казалось бы, сказал уже всё, что мог.

— Серый?.. Ты, что ли?.. Кучумка?.. Так бы и сразу...

Довольная псина вскочила, завывлясь. Лизала ладони, лицо. А разорванные брыли кровенились. Парень растёр красные густки снега в пальцах и, кажется, начал прозревать. Лайка помогала ему, как умела, демонст-

ративно носясь своим следом от зимовья к лесу, туда-сюда.

Человек сунул лицо в сугроб. Шатаясь, поднялся. Отфыркался. И заступив руку под стреху, вытянул оттуда широкие камусные лыжи.

— Я же, Кучум, ничего не знаю... Зачем меня сюда?.. Я подохну без дозы...

Натыкался на деревья, путался в кустах. Унты выскальзывали из лыжных креплений. Валился с ног. Но, обдавая горевший лоб снегом, упорно тащился по крепям за своим четвероногим поводырём.

— Ба-атё-ёк! — орал на крутом подъёме из оврага.

А в ответ набегал раздосадованный серый и тянул за рукав.

Место побоища открылось неожиданно. У чёрного берложьего лаза в истоптанном багровом сугробе серый вылизывал оковеневшую руку хозяина, не смея приблизиться к изуродованному лицу. А сын не мог осознать случившееся до конца: он едва справлялся с ломкой. И мельтешил, суется. Разрывался между физической болью и горем. Зверь, который драл его изнутри, был не менее опасным, чем шатун. Парень бессмысленно топтался кругом. Отчищал зачем-то снег с отцовых лыж. Выдернул из карабина давший осечку патрон и, хныча, мял его в ладони. Продул ствол. Отсалютовал выстрелом. И содрал с головы шапку. Колени его подкосились. Пополз, выгребая снеговую могилу. Хотя знал, что занятие это бессмысленное: он не оставит отца на съеденье зверью, но всё равно продолжал тупо грести. Видимо, движение отвлекало от необходимости думать. А думать было страшнее, чем двигаться. Но вскоре он устал. Отдышался и поднял испуганные глаза на зиявший зев медвежьего логова.

В потревоженную берлогу медведь не вернётся. Это он слышал когда-то от отца. И теперь, сотрясаемый ужасом и болевыми приступами, тащил труп к амбразуре логова. Когда снимал с задубевшего ремня фамильный нож в ножнах, ткнулся в ледяную грудь и завыл. Но тупые иглы, всаженные в суставы, и выкрученные, как стиранные бельё, жилы не давали сосредоточиться на трагедии. Он всё ещё не давал себе полного отчёта в произошедшем. Сознание рвалось на куски, мелькая разрозненными, лишёнными логической связи заветками. С механическим упорством работа он двигался на карачках к лазу. И ему казалось, что за его пятками волочились тяжеленные

железные прессы, раз за разом сдавливавшие их. Впрочем, так было всегда во время ломки. Но сегодня он впервые почувствовал, что боль не может быть полновластной хозяйкой его тела. Да, она невыносима. Но, чёрт бы её побрал, он должен... Да, его жилы вытянулись уже в рыболовную лесу и режут собственную плоть, но он не бросит... Видимо, давно позабытое чувство долга, которое прежде всего убивает наркотик в человеке, тут началось в нём воскресать. И в чудовищной сцепке сын с отцом перевалились через валёжину и рухнули в тёмную вонючую земляную пасть. Серый метался с лаем по краю, словно понимая, что творится что-то неладное.

А боль сжирала последние слабые позывы к осмыслению обстановки. На смрадном дне логова наркоман сам ощутил себя зверем, давным-давно попавшим в капкан. Виляя в отчаянных судорогах, словно жаждал ухватить хищники, отгрызая себе лапу, но обретая свободу. И если бы ему было дано, он, кажется, мог бы перегрызть позвоночник этой твари, выведавшей его изнутри. Злость!.. Ненависть!.. Это что-то новое в хронике его сумасшествия. Раньше было только малодушие и размазывание слюней по щекам. Прости!.. Слово бы мёртвый отец давал ему силы сражаться с бесом самоуничтожения. И как в башку могла прийти эта пошлая и подлая мыслишка — бросить родного человека посреди тайги? Он должен вынести его. Как выносят своих с поля боя. И гневно разметав гнилые сучья трущобы, расширив устье, он стал выбираться обратно, таща за собой негнущееся тело.

И, вроде, не было проку в этой отчаянной возне. И стопы жёг адский огонь. Суставы то и дело попадали между молотом и наковальней. Позвоночник ломало через колено. Но логика всё же была — это логика наступления на свою боль. Он сгрызал себе губы, но не выпускал из рук отца, поклявшись сделать всё по-человечески. Погрузил труп на связанные лыжи и, впрягшись, пошёл. Но тут же обвился вокруг ствола. Пополз по снегу за забытым карабином, двустоволкой. Захлестнул их за спину. Он должен был посекундно что-то делать, чтобы отжать из своего тела боль, как грязную воду из тряпки.

А набухшие вены просили иглу. Сознание вновь застлало страх. И он крутился на лыжне в беспамятной жажде укола. Вколоть в себя красивый сон и забыться. Как просто: впустить в кровь белого шипящего гада и он придушит боль и жуткий крик нервов сменится сладким пением. И будет тепло, даже если... замёрзнешь. И, наверное, он давно бы уже зарылся в сугробе, если бы не тело отца на лыжах, толкавшее его сзади, как только он останавливался.

— Сейчас... встану. Да встаю я, ну... Карабкался из оврага и всё не мог объяснить себе: как оказался в этой глухомани? И главное, зачем он здесь? Ведь только вчера, кажется, ещё жил

в городе. И весь смысл существования сводился к тому, чтобы попасть в вену. И тогда он мог петь. И не видел зрителей, и не слышал аплодисментов. И жил только короткой восторженной жизнью концерта. А когда она обрывалась, он оставался один на один с ломкой и жизненной необходимостью воскрешать себя очередной дозой. Или он умирал, когда пел?.. Всё было так сложно, и до нелепости просто, что не выпутаться.

А вот теперь здесь, в лесу, возможность «кайфа» напрочь исключалась. И, видимо, в этом и состоит разгадка батиного плана спасения. Батя, батя... Разве он мог знать, каким катком пресует кости нарастающая ломотина. У неё — медвежья хватка и силища. Вот и сейчас она долбит по позвонкам тяжёлым зазубренным зубилом. И от каждого удара ноги подкашиваются и их уже нельзя переставлять, а можно только волочить, как перебитые.

А бездыханный груз режет лямкой плечо. А серый возит шершавым языком по щекам, когда падаешь. Пёс милосердия, тоже мне... А тайга — суровая лечебница. А главврач в ней — батя... Это в его характере — сходу, сразу. «Нас не закатать!..» Узнаю родительский почерк. Взял, наверное, штурмом наркопритон... Дал на лапу вертолётчику... У него с роду так — с разбегу. Когда плавать учил, с лодки кинул — и перепонки между пальцев сами выросли. Вот и лечение назначил... без консилиума.

Накатывавший прибором ужас потери снова отогнал ломоту. Он наплевал сквозь стиснутые зубы на стянутые сухожилия, на заклинившие суставы и потянул катафалк дальше. А зубовый скрежет, кажется, крошил эмаль. Сосуды знойно сохли по игле. Мозг не контролировал отданный волей приказ. И звёзды уже сыпанули с морозных высей колкие лучи, а он всё ещё корчился в заметённой овражине.

Но вот серый навострил уши в сторону ближней крепи и, пятясь, глухо зарычал. Прижался к парню боком. Дрожал: собачьи силы тоже не бесконечны.

— Кучумка, держись!

Болезный, раскачиваясь от судорог, с колен шумнул из батиного «Лося» в чашинник. Хрустнуло там и стихло.

К исходу ночи жутковатая похоронная процессия добралась до зимовья. Раскопал сугроб под окошком. Лапником выстелил. Привалил к пазастой стене остьёлое тело. Жердями прикрыл. Засыпал. Шатко ушёл в избушку. А серый потоптался-покрутился рядышком с холодным хозяином и свернулся клубком тут же.

Через неприкрытую второпях дверь стужа вытянула из избушки последнее тепло. Но топить сил не было. Их хватить только на то, чтобы зарыться в шкуры и уронить веки. Сколько-то промаялся без сна: картинки пережитого кошмара сменяли в голове одна другую. В висках саднило. Но когда по пяткам начали бить железной колотуш-

кой, он наперекор боли сполз на пол, забил печь хворостом. Настрогал наследным охотничьим ножом лучин на растопку. Жадный огонёк запыргал по сучкам. Вскоре потянуло изрядно подзабытым духом смолёвых дровец, а это, странное дело, всегда приятно человеческому сердцу. И даже сейчас, в путях наркотической ломки, он сумел почувствовать радостное оживление каменухи. Она словно бы подсказывала: думай о хорошем. «Мысль определяет реальность», — слышал где-то.

Сползал за снежком, набрал вчерашней метельки. А когда заскворчал на загнетке бывалый котелок, заметил на столе исписанный карандашом мятый газетный обрывок.

«Генаха, мы с Кучумкой на берлогу сбегаем. Мяса надо припаси. Зимовать здесь будем. Пока ты от заразы своей не очухаешься. Тайга выходит. Не бойся. А в марте вертолёт дождёмся, я деньги вперёд отдал. Вернусь, поговорим. Бумагу марая так, на всякий случай. Сам знаешь: на ломы идти — чистую рубаху надевай».

Ломка доканала. Догадка: «Из-за меня отец погиб», — выбила последнюю подпорку. Противно стало тут ныть и корчиться от собственной дури. В припадке отчаянья он сунул ствол карабина в рот. Но только сухим щелчком отозвался пустой патронник: сам же всю обойму в чашинник забил. И тут серый зашёлся прощальным воем за стеной. И мелькнула спасительная мысль: отца сначала похорони, сволочь, а потом о себе думай. Впустил собаку. Достал из мешка припасы: мука, соль, сахар, крупа, хлеб. Обычный охотничий набор: остальное — в лесу. Пожевали на пару мёрзлой ржанники.

— Вот и осиротели, брат, — обнял серого, давясь спазмами.

Вывалился в дверь. Стошнило на снег. Извращённая наркотой натура требовала впрыснуть силы через вену.

— Тварь! Тварь!..

Разбил кулак о стену. И снова отгрыз краюху, мучительно заглотив. Дрожащими руками сыпанул в булькающий котелок крупы, да — мимо половины. Собирал по зёрнышку, сцепив зубы. И только чтоб чем-то себя отвлечь от скорбного гнёта и изнурительной ломовой осады, разобрал и стал чистить карабин. Едва попал под шомполом в дуло. Разлил ружейное масло. Но зато ствол залоснился воронёной сталью, как при отце. И свечу в углу затеплил. ...Вспомнилось, как раньше отца с охоты поджидал. Не давал плите остыть. Держал еду наготове, чтобы в самый раз угодил намерзшийся лесовик к горяченькому.

— Хозяева дома? — вваливался тот с клубами пара.

Сын стаскивал с оснеженных плеч перевязанные ремнями трофеи. Одежду вешал над печкой сушиться. И щедро, с краями, разливал в миски дымящийся сохатинный навар.

— Ага, вот сейчас в самый раз посыл... Ага, Генаха, молоток!.. Вдвоём то мы... ага... А то один-то убегаешь-

ся по тайге, наскоро холодный кусок кинешь в рот... Нет, с тобой не пропадёшь. Нас это... не закатать в портянку, Генаха, помяни моё слово.

А Генаха уже и лайкам наваливал с верхом. И трепал загривки. И чертил пальцем меж бровей: особая лаечная награда, персонально — для хороших промысловых собак. Батина тоже под- сказка: «Любят они это»...

Он потянулся ко лбу Кучума, но рука бессильно упала. Пальцы сводило. Корёжило. Самое время — дозу клянуть. Но лес — лекарь смурной: не забалуешь.

А снегодуйная тайга нависала над зимовьём, прилепившимся к угору, плавно переходившему в берег ледяного озера. Дальше и кругом развевалась взлохмаченная хвойная грива. Над ней медной надренной бляхой отсвечивало холодком ослышнее солнце.

Парень тащился к озеру, волоча за собой ржавую пещню. Потом пришлось возвращаться за топором. Он то и дело встряхивал головой, пытаясь придать ходу мыслей нужное направление. И уже врубаясь в лёд, понял, что живёт сейчас только памятью прошлых зимовок. Интуитивно следовал тому, что преподавал когда-то отец. А отцу — дед. А деду — прадед... И на этой связке он выбирался из пропасти, куда рухнул его сложенный дух...

Несколько раз восстанавливал дыхание, но всё-таки переребил тесный проливчик озера Штанского. Оно потому и Штанское, что от округлого плёса расходится двумя узкими штанинами. В одну-то как раз и надо опустить плетёный из ивняка перемёт. А взмокшую спину будто к холодному железу прислонили. Упал от удара по колёным суставам, как подкосило. Легче, кажется, подохнуть разом. Сунуться в прорубь... Но ведь решено: сначала надо похоронить. А чтоб долбить мёрзлую землю, жрать надо нормально. «Понял, солист хренов? Это тебе не в ноты попадать. Тут мужиком надо быть, сучёнок.. Загубил отца... Подъём, гад!» И он вскарабкался на берег. Пожевал подгоревшей каши. Глотнул холодного чая. И вновь забрезжила отгадка.

С чердака стащил рассохшуюся вершу. Цела. Только мотню подлатал: где прутьями забрал, где дратвой стянул. И принялся за перемёт. На морозе ивняк ломался, и надо было его оттаивать в избушке, прежде чем плести. С грехом пополам связал. Щелястая оплётка ободрала не привычные к такой работе пальцы. Да и подмёрзшую прорубь снова пришлось «освежать». Так что мозолей от пещни нахватался.

— Нас не закатать, Кучумарь. Ага...

Повторя батины присказки, он гнал себя к озеру. Отволоч перемёт к месту. Проломил заново свежий ледовый нарост. И уже под луной насторожил вершу. А надо было ещё лапника на- таскать, чтобы прикрыть парившую прорубь. И он скатывался с береговой кручи в обнимку с ёлками, слабее от усталости и голода. И в какой-то мо-

мент так легко и покойно вдруг стало на снежной перине, что ресницы сами собой сомкнулись и... смёрзлись.

И сам бы он уже не проснулся. Очу- хался от сплюнявых и колючих чмоканий. Луна в дымчатом морозном обруче ка- тилась прямо в глаза. А пес нахально совал ему под нос тёплого ещё коса- ча.

— Кучумка!.. Ну, молоток... Живём!

И в прошлые зимовки его родители, Лобан с Лаской, натаскивали в избуш- ку наловленных под снегом тетерево. Теперь вот их сын-кормилец угостил. Широко разинув пасть, тот отплёвывался от пера. И вдруг потянул носом в сторону зимовья. Шерсть на загривке взбугрилась. И упёршись всеми четырьмя лапами, словно кто-то невиди- мый тянул его вперёд, пёс загремел грозным лаем. Морда его ещё не за- жила. И потому он уважительно отно- сился к запаху своего обидчика.

А Генка шарился в поисках топора. Ведь нарушил-таки завет лесовой жиз- ни: ни шагу без ружья. А если шатун доберётся до баги?... Отступать было некуда. И где хромым скоком, где на четвереньках, он с истощенным воплем повёл Кучума в «психическую» атаку. Выручая и бодря друг дружку, взяли высотку. Могильный снеговой холмик был не тронут. Но для острастки буро- го разбойника парень всё же жажнул из двустволки. Думать о предстоявшей встрече с хозяином тайги не хотелось. Сил хватало на решение проблем толь- ко по мере их поступления. Так что, вернувшись в избушку, рухнул на топ- чан. А серый, успокоившись, смотался к озеру за тетеревом. Отгрыз шею, лапки, крылья, то, что ему полагалось, и тоже прикорнул у скорбного холми- ка... в почётном карауле.

Утром Генка проснулся от острого приступа голода. Такого с тех пор, как оказался на наркотическом поддосе, с ним не случалось. И собачий трофей многообещающе булькал на раскалён- ной докрасна загнетке. Повар поминут- но тыкал ножом всплывшую грудку — готова ли. Наконец, не выдержал, ото- рвал ножку и впился в неё зубами. Губы словно расплавились от горячей пупыр- чатой кожи, но иссохшая глотка жадно проталкивала варёную дичатину. Да- ваясь и обжигаясь, он умял всего коса- ча. Серый ещё дохрумливал косточки, а его напарник опять свалился под мощным накатом сна. Он шумно выды- хал и рывками всасывал в себя воздух. Распластанный навзничь, недвижно покоился в одном положении. И вдруг с хрустом свернулся в немыслимую спираль.

Резкая глубинная волна судорог сшибла его с топчана. Жалящие метал- лические иглы нещадно прошивали плоть. Раскалённые свёрла буровили суставные сумки. Глаза под страшным вулканическим давлением лезли из орбит. Тело плющило с головы до пят. В нём жил, наверное, самый безжало- стный людоед, и он никому не соби- рался уступить свою жертву.

Что сейчас могло перешибить эту

пытку? Только — инстинкт самосохра- нения. Только — страх. Появись в эту минуту шатун, он бы заставил нарко- мана защищаться. Смертельная опас- ность могла бы стать спасением от убивавшей боли. Но медведь где-то далеко, в потаённом отъёме, скапли- вал голодную злость... А именно, сию минуту требовалось противоядие от скручивавшей ломоты. И в позе моля- щегося мусульманина парень выполз на снег, волоча за собой топор.

Кучума забавлял вид человека, пе- редвигавшегося на четвереньках. Он ставил ему передние лапы на спину, играя в «паровозик». Рычал какие-то собачьи глупости на ухо и явно не ве- рил в то, что двуногий дал слабину.

И, на самом деле, тот не собирался сдаваться. Стальное лезвие неловко ткнулось в иссохшую могучую сосну. Не сразу стук возобновился. Но постепенно звенящие удары стали выравнивать- ся по силе и настырности. Раскачива- ясь на коленях, хлипкий дровосек на- хлестывал по неохватному комлю. Щеп- ку за щепкой теряла опору умирающая на корню медностволая вековуха. Когда выдохался, топ повисал на всаженом тополе, боясь упасть. Не в силах от- менить наркотическую казнь, он отби-

вался от боли отчаянной рубкой. В конце концов это была всего лишь боль, которая — ничто... перед сверхзадачей — исполнить сыновний долг!

Крона вздрагивала всё реже. Удары слабели. И вот мёртвые иголки осыпали измождённое лицо. Он лежал на снегу и видел в безоблачной выси серебряный крестик самолёта. Тот впрыскивал в синюю вену неба белую инверсионную струю. Она набухла, ширилась, растворялась и пропадала, сносимая ветром. А лайнер бежал от неё всё дальше в воздушной прорве. И никто из сидевших в нём не чувствовал молящего взгляда с земли. И сейчас не осталось на этом свете никого, кто бы думал о Генке. А себе он уже признался, что всё кончено: помрёт здесь. Но надо успеть предать земле отца. И он перевёл взгляд на сосну.

А была она не простая, эта сосна — батина соседка по таёжному раздolu. Помнится, прежде чем затеряться на лесных путях, он всегда подходил к ней. Охлопывал тяжёлой ладохой и обязательно наборматовывал что-то сердечное. А когда возвращался, измотанный следовой погоней, оттаивал взглядом на её рвущейся ввысь ракетоподобной кроне: «Здорово, хозяйка!» А сейчас она что-то немо кричит растопыренными шишками, разинутыми, как клювики птенцов. Может, с батиной душой переговаривается. ...Свалил её Генка, чтобы выдолбить справную домовину. Ухнула она тяжко, дохнув облаком искристой взвеси. И успокоилась.

На перемёте рубщик разжился окушками, да щукой с чебаком. Доброй ущицы отвели они с Кучумкой. И вроде как наладилась житуха на первый случай. И не хотелось думать о том, долго ли продлится помилование от наркотической дыбы. Впервые за долгое время он силился понять, как добровольно отдал себя «игле»? Требовал от себя отчёта. И это было странно. Его воля, раньше всецело подчинённая «дури», теперь восставала над ней и искала крайнего. Слово кто-то брал еще за грудки и встраивал. Как? Как?.. Он не помнил. ...В суматошном городе орал бессвязные слова пустых клубных песенок ночи напролёт. Днём отсыпался. А вечером микрофон снова вытягивал из него голос. И знакомые аккорды заставляли талдычить прокишшие от многократных повторов бездарные тексты. Надоевшая ритмическая основа не отпускала. И он, как раб на галерах, грёб по волнам ночной работы без смысла и цели. Яркая с виду жизнь оказалась глупой и саморазрушительной. И вот к ней больше нет возврата. И надо жить другой жизнью.

А вертолёт прилетит в марте, как писал отец. Сейчас конец января. Надо бы отмечать дни, чтобы не сбиться. На верхушке поваленной сосны сделал пять засечек — начал календарь своей «автономки». И весь шестой день ушёл на то, чтобы отрубить разлапистый комель. Заготовка пары двухметровых брёвен отняла весь последующий день.

И ещё больше недели выдалбливал из них глубокие корыта. Палил костёр на береговой круче. Сдвигал головни в огнедышащую кучу. Оттаивал промёрзшую землю. И пешней высекал отцу последнее пристанище. Измотанный в конце, он не давал гаснуть огню в трескучие морозы. Спал урывками. Сгибал ломку в бараний рог и упорно вгрызался в берег всё глубже и глубже. На семнадцатой засечке под вечер уже подтянул домовину к готовой могиле. И ушёл спать.

А с утра нахлестывал сильный ветер, грозивший метелью. И надо было успеть проверить вершу, пока не замело. Затопив печку, парень спустился к озеру. Лёд крепко схватил прорубь. Пришлось пролезть, прежде чем добрался до перемёта. Ловушка оказалась пустой: большая рыбина проломилась в мотне дыру. Пока резал тонкий тальник и заплетал брешь, подкралась ломка. Сколько прокорчился в снегу, не знал. Но выхода из приступа, бросившего на лёд, услышал частый треск, с каким обычно большой огонь грызёт сухую древесину.

Ветер завихрился и рвал в клочья летучий дым. Низкую крышу избушки вылизывали жадные языки пламени. Серый орал благим матом. Парень карабкался на взгорок. Кровля обрушилась как раз в тот момент, когда он по плавившемуся насту оттаскивал тело отца. Пытался бросать снег, но огонь всё больше распаялся со злобным воем. Рванули патроны поодиночке и очередями. Потом мощно качнул воздух пороховой припас. Сквозивший выгоревшими пазами сруб раскатился.

Бессилие и безучастность к собственной судьбе накрыли парня. Всё, что он ещё хотел и мог сделать — это похоронить родителя. Закоченевшими пальцами ломал еловые веточки и выстилал ими последний путь. Ему было наплевать, что его ждёт, его — когда-то уронившего себя на самое дно существования. Но отец он должен проводить по-людски. И захлёбываясь от порывистого ветра, выдыхаясь от слабости, он опустил по слегам нижнюю часть домовины. Бережно, как только мог, уложил покойника. И долго не получало выбрать наверх из-за треноживших судорог и глубинных, разрывающих нутро, редких, но протяжных взрывов.

— Отец! Я прикончу в себе эту заразу... — Вдруг вырвалось из него помимо его воли. — Вот увидишь... Клянусь тебе! Клянусь, батя!.. Клянусь...

Он повторял и повторял это, словно кто-то тянул его за язык. Опустив крышку, сыпал и сыпал мерзлые комья земли. Они уже перестали стучать о полую древесину и мягко шуршали, отбеленные снежной осыпью. Обстукал лопатой холмик. Укрепил берёзовый крест. Стянул ушанку и рухнул на колени в свете догоравшего родового зимовья. Обескураженный серый, поскуливая, вылизывал ему солёное ступое лицо.

Погорелец, обвитый метельной сту-

жей, до исхода ночи согревался теплом головёшек. Поддерживал огонь. Оглядывал в который уже раз свой немудрящий скраб: топор да пешня. Вон, ещё лыжи, воткнутые в снег, сохранились. И карабин за спиной с пятью патронами в обойме.

Как рассвело, завалил угли золой, лапником плотно укрыл. Встал на лыжи и двинул с Кучумом на луговину. Там когда-то брали с батеи тетеревов на сугробных ночлежках. Птицы в морозный метельный день наскоро нахватывают берёзовых серёжек и густой стайей прямо с лёту западают под снежно-пуховой полог. Между кочек норуют забиться, чтоб ещё и пожулить травки склонуть в тревожные побудки. Гуляет снеговой поверху, а им — благодать. Только, чтоб лисы или волка рядом не было, а то зачуют, — несдобровать.

Ага, вон Кучум носом заводил. Генача затвором — клац. И прямо в ногах взорвалась пара краснобровых. Бах!.. Вах!.. Опрометь. Горячка. Первая охота за столько лет... Куда там!... А тут опять белый выхлоп справа, неудобный для стрелка. Отпусти хотя бы! И... ещё один необдуманный азартный и пустой выстрел. «Вперёд головы не стреляй», то есть — думай, когда стреляешь, учил батя. Забыл. Хорошо, хоть лайка постаралась: замаяла-таки в горбатом кочкарнике тетёрку. А охотник шаг ступил и — опять, как на растяжке, веерно взметнулся покров. Но карабин на этот раз рассудительно промолчал: стрелок после трясучки из Геначи никакой да и пулей в лёд без сноровки — пустые хлопоты. И к тому же матёрые птицы — большие мастера взлетать «не только». Вот и осталось на всё про всё только два заряда. Отвоевался.

— Перестрелял ты меня, серый. Молоток!..

И по подметённому лыжне покати́ли домой. Хотя какой там теперь дом. Охотничья избушка выпала из пейзажа, только в сознании ещё рисовалась. И не привычно пустынным выглядело сейчас обжитое некогда место. Обжитое прадедами, дедом, отцом... И вот на непутёвом внуке и сыне обитался охотничий род. Так, что ли? Генка ещё не знал ответа на этот вопрос... По дороге сушняку наломал для оживления огонька: спичек-то нету. Только разгрёб горячую золу до красноты, дунул, — пламя и взялось разом.

А пожарище метелица уже приукрасила, забелила. И не сразу он отыскал заржавелую скобу в почерневшей полове. Отвортил. А там, в низком подполе с незапамятных времён хранящая — всякая всячина. И бочковатый тульский самовар в медной зелени. И гвозди четырёхгранные с грибовкой шляпкой, как у опёнка. Легкий плотницкий топор с лезвием-жалом, запелёна́тый в пропитанный жиром тряпицу — фамильный инструмент, которым, видимо, сгоревшую избушку ставили. Промасленная двуручная пила. Долото. Даже рубанок. И наждачный камень целёхонек. Коса с отбойником, и та припасена. К ручке алюминиевой фляги с

керосином был привязан вышитый замысловатым узором старинный кисет. В нём оказалось кресало с кремнем.

— Живём, Кучумик!

А следующая находка — наконецники для самострелов и рогатина ввергли его в полный восторг, на какой он только мог быть способен с трясущимися поджилками и холодной испариной по всему измученному телу. Он оглаживал пса, единственное близкое существо, и думал о том, что далёкие не возвратные, но родные люди снова о нём позаботились. И надо принимать в наследство их природную надёжность и твёрдое стояние на этой лесной, но отчей земле. ... «Городов в природе не существует — это больные наросты...» Тоже из батиных думок, припомнилось к чему-то...

Серый понимающе лизнул промеж бровей и продолжал деловито копать под развороченным полом, разнохивая мышиные наброды. Парня покатывало в ознобе. И на озеро за водой не пошёл. Нагрёб снежку в котелок и подвесил над костром. Содрал с тетерева кожу прямо с пером и, выпотрошив, бросил варить. «Ужин не нужен, был бы обед». Тут пёс скребанул когтями по стеклу. Откопали объёмистую бутылку, под горлышко заполненную крупной солью. Она слежалась, закаменела. Наскрёб ножом со щепоть — посолить варево.

А сухой кашель начал поддавливать грудь, когда из остатков брёвен и лапника соорудил балаган с очагом посередке. Провозился дотемна. И только потом, укрывшись тряпьем и огарками шкур, сел подышать над парящим отваром хвоя. Кучум подъехал из котелка и в одно ухо слушал бессвязное бормотание хозяина, не понимал, но баранкой хвоста одобрительно помахивал. А парню мерещился в метельных прогалах силуэт шатуна. Бродячий скалозуб то кустом прикидывался, то выворотнем, то под завесой позёмки крался... Видно, жар давал о себе знать. И когда уж совсем взбрендило, скинул тряпье. Лязгнул затвором. Но серый лишь недоумённо высунул морду из пушистого кренделя хвоста и сново улёгся. Ложная тревога.

Но чувство беспокойства не покидало. Ветер крутил и мог запросто отвести запах зверя от собачьего носа. Надо встать, отойти от огня и дать глазам обвыкнуться с темнотой. Но пятки прошиливали иглы. Внутренний ломыга не снимал осаду, словно бы теперь заодно с бурым мстителем. Но встать воли не хватало и он перевёл взгляд на безмятёжного западника и доверился ему. И это доверие он тоже получил по наследству, потому как в его роду всегда полагались в трудную минуту на местную западно-сибирскую лайку. А вознаграждена она была человеческой дружбой по причине беззачетного служения. И никогда её не баловали таёжники, не жалели. Из дальних и опасных лесных походов возвращались самые выносливые, приёмыстые да смышлёные. Веками настаивалась лаечная по-

рода. И не на много меньше звериной пролита собачьей крови в не стихающей лесной брани. И, как помнит Генаха, всегда лаек его тропинкинский род вольно держал, без цепи и муштры. Командами да всякой дрессурой не мучил, истонное предназначение не сбивал, чтобы думали и поступали по природе своей — по инстинкту. Так то верней. И был бы отец живой, он бы в который раз с видным удовольствием перебрал про памяти своих жизненных спутников: Белко, Черныш, Мурза, Леда, Туман... Ласку с Лобаном Генка и сам застал. Но как полегли они? В схватке ли с косолапым? От разящего копыта сохатого? То ли зачумились?.. Кто знает, тот уж не поведаст. Одно ясно: Кучум — их кровный потомок и он не подведёт. С тем и заснул под горелым шкурём.

Дальний лай поднял его. Спеша к берегу, Генка соображал, что лай не атакующий, — сторожевой. Провожает кого-то. И точно, сверху открылся вид на белое озёрное полотно, по которому в рассветной проседи удалялся медведь. Пёс на хвосте у него не сидел: осторожничал, держал дистанцию после пропущенного удара лапой.

А вот от верши, брошенной у проруби «по пожарной тревоге», остались ножки да рожки. Косматый пришелец изгрыз пропахшие рыбой прутья. И теперь надо было снова думать о выживании.

Пока Кучум отконвоировал бурого на другой берег, охотник успел насторожить петли на заячьих тропах. И, дождавшись лайку, встал на горячий лосиный след. Припоминая здешние звериные переходы, что открывал для себя ещё с отцом, он прикинул, что сохатый мог устроиться на днёвку в завалённой пади неподалёку. Взяв Кучума на привязь (а ошейника тот сроду не знал, как и положено у зверовщиков), Генаха двинулся в обход отъёма — резать. Камусные лыжи скользили ходко и, главное, бесшумно. От пустого живота и слабости пошатывало. «Голод мутит, а доля страшит». Вперёд! Родовой азарт добытчика разогнал большую кровушку по надорванным жилам. Откашливался в шапку, чтобы не подшуметь. На ходу мял в ладошке хвою и задыхивал прямо из кулака. Мороз, упавший после ночной метели, хватал за пальцы, царапал щёки и пощеченячи прикусывал мочки ушей. Стоп... Круг замкнулся. И нигде охотник «выходного» следа не пересёк. Сердце запрыгало пойманым окушком. Кровь прилила к вискам и как бы смысла героиновых дятлов, что нет-нет да по старой памяти простукивали черепа поверх надбровных дуг.

А лайка уже тянула в сторону завалов, плотно заросших молодым ельником. Там он... Но затвор? Как же не догадался передёрнуть его загода, тетерея? А сейчас громыхнуть металлом было бы глупо. Рисковать нельзя. Такие подарки лес повторяет редко. Взять лося означало выжить. Будут силы — срубит новое зимовейко. А так, кто его знает...

За глухой крепью привязал пса. Пригрозил, чтобы скулежом не выдал. Скинул полушубок и запеленал в него карабин. Просунул руки в рукава, дослал в патронник один из двух оставшихся патронов. Но как же предательски дрожали пальцы, а позывы кашля зудили горло.

Но возвратившись на исходную, он был полон решимости. Знал, что неожиданно поднятые со своих лёжек звери обычно уходят старым следом. И если молодой пёс сразу не поставит лося, надо успеть перехватить его на отходе. Отпущенный кобель скрылся на махах. Бросив лыжи, охотник широкими шагами вспахал снеговую глыбу и запал под еловыми ветками. Глобой клич Кучума не заставил долго ждать. Пока он гремел, была надежда, что лось стоит, и можно было под шумок сократить расстояние. Всё... Теперь — отдышаться. Студёный воздух на вдохе глубоко в грудь запуская свою гогистую лапу, рвал воспалённые бронхи наружу. Парень мял кадлык, захватывал шею в ладонь, только чтобы удержаться от давящего «кхы!».

А серый, умница, звенел вовсю, понимая своим природным умом, что от него требуется. Держал эту душную тёмную гору мышц, выплывая у её подножья безобидной нагловатой зверушкой. Молниеносный удар копытом едва не раскроил ему череп. Но откуда знать дремучему великану, что в затылочной части этого самого черепка выступает, как гребень воинского шлема, бугристая кость. А под ней — неутомимый мозжечок — властелин стремительных лаечных увёрток, бросков и выпадов, на которые больше не способна ни одна собачья порода в мире.

— Вууф! Вууф!..

В губастую морду зверя жарко лает Кучум, заступая дорогу. Кровью оплаченный бойцовский опыт остроухих пращуров выверяет каждое его движение. Обложной лай не затихает ни на секунду. Ну, давай, охотничек, где ж ты? А Генка стелется от дерева к дереву. И вот уже с полуприседа под низовыми сучьями разглядел белёсые подштаники лося. Задом стоит. Развернуть бы его, а, Кучумка? Лопаткой чтоб... И заплясала смышлёная лаечка. И повело сохатого... И тут бы стрелять... Но, не успев приложиться, незадачливый стрелок сунулся в снег с разрывом оглушительного кашля.

А когда поднял мокрое лицо, кашлять можно было уже, сколько влезет: лось сорвался, уводя за собой собаку. Несчастный добытчик ползёл обратным следом, подбирая рукавицы, шапку, полушубок. Сунул заскорузлые унты в стоявшие колом ремни креплений. Носки лыж толкали перед собой холмики свежеевпавшей пороши. То белычи, то соболиные дорожки попадались на глаза. Вот лиса протянула ровнёхонько канву, словно швейная машинка. А вон — крестовые походы рябчиков. А следок гонной февральской кунички смахивает на подделанную

роспись беляка. И тут, как тут — жировка зайца под сломанной ветром осинной. Кстати, не от того ли — «осина», что она — «лосиное» лакомство?

Как ни отвлекал себя от досадной неудачи, но мысли всё равно выходили на «разбор полётов». Почему не стрелял сразу? Да потому, что отец всегда наставлял: «Не бей лося в вугон, не бей в штык, только — в лопатку, а то зацепишь, и будет подранок мотаться по тайге, кровавая лёжки. После выстрела зверь должен лежать, иначе и ствол марать не стоит». Так что — всё по инструкции. И нечего сопли на кулак мотать. Если сохатый остановится, то версты через две—три. Хотя бычина матёрый, — может и совсем уйти. След покажет. Стой... Вроде, лаает? Сняв шапку, долго вслушивался. Но только синица тенькала, сбегая вниз головой по еловому стволу. Пробился в угор. А с гривы с ветерком скатился. И едва не проскочил свежие борозды от копыт. Широкая иноходь лося говорила о том, что вставать он не думает. Но и разудалый намёт Кучума давал понять, что «врагу не сдаётся наш гордый варяг». Воодушевлённый вязкостью друга, Генка продолжил скрад. Но лыжи стали чаще путаться в кустах. Подошвы унт соскальзывали со смерзшихся надолбов. Кашель бил под дых. Да ещё истончившееся крепление обрвалось. Починка много времени не заняла. Но участвовавший кашель-предатель доконал. Назад? А там в лучшем случае ждала мучная похлёбка с золой. После пожара удалось нагрести немного. Крупа сгорела до черноты. А вот муку, лежавшую плотным слоем, пламя лишь облизало. Интересно,

почему же тогда наркотики горят? Да врут, наверное. А на самом деле сгорают они в человеческой крови. ... Но сегодня что-то не жжёт и не ломает. И значит, праздник уже состоялся, несмотря ни на что. Ощувив прилив сил, он снова толкнул лыжи вперёд.

— «Лес, верни мне собачку-то», — вспомнил он отцову присказку, которую произносил тот в таких случаях на полном серьёзе с мольбой в голосе и обязательно — глядя на просвет в кронах.

И Генка на просвет глянул. А когда опустил взгляд по стволу, разглядел кряжистую берёзу с мощным чаговым наростом. Сколол ножом про запас. «Лес без подарка не отпустит, обязательно гостинцем одарит». Тут и наткнулся на припорошенные медвежьи наброды. Старый знакомец обтоптал всё вокруг развороченного гнилого пня. В корнях диким медком полакомился. Да и Генке по знакомству оставил. Ножом-то сподручно подземные соты выковыривать.

Парень сосал сладкие пилюли, и больное горло обволакивала согревающая истомы. Как раз и Кучум подошел. Крутанулся у ног, обдав жаром погоны. И тут же подозрительно обнюхал мишкины вмятины.

— Здорово, серый!.. Не грусти, братишка, это я виноват.

И почесал работяге меж бровей — изысканная ласка. Потом рассовал соты по рукавицам и, откашливаясь, зашаркал лыжами.

Угли под горкой золы опять выжили. Когтистые огоньки быстро вскарабкались по плетёным ветвям лесенкам.

Пламя под ветром облизывало шипевший котелок то с одной, то с другой стороны. Мучная подзолистая похлёбка впечатления не произвела. Зато медовый чай со свежей чаговой заваркой согрел душу, а берёзовый дух напомнил о весне.

На радостях, что жить можно, Генка завалил и ошкурил первую ель. Ей суждено было лечь в основание новой охотничьей избушки. Мороз за работой не трогал, а в перекуры брал ухватисто. Особенно — за взмокшую спину. Но на это горемыка не только чихал и кашлял, но и размашисто сморкался на обе стороны. Постоянное нервное напряжение — то по поводу крепнущего мороза, то из-за предстоявшей голодовки, то боязнь ломки, то гнетущее ожидание топтыгина, — всё это на время отжимало из сердца горечь утраты. Но часто и неотвратимо тянуло его к заиндевелому кресту. Он вставал над могилой. И такой комиче застревал в горле, что не протолкнуть.

— Прости, батя... Я всё сделаю, как ты хотел, только прости меня...

Ничего важнее этой мучительной присяги он в своей жизни не произносил. И хотя тяжко отдавалось в душе молчание заметённого холмика, но сил сражаться почему-то прибавлялось. И весь следующий день, закусив случайной зайчатиной, он пластался над новым срубом. К вечеру полвенца уже белело на месте пожара. Срубил «в лапу» с грехом пополам: навыка-то никакого. А маяты много. Свали. Сучья отруби. Кору мёрзлую обдери. Потом — волоком, хорошо, что ещё — под горку. А саму «лапу» — вырубить... Пилой двуручной надпили сделать надо? Надо. Топором сколоть да подогнать... Ага. Потогонная работёнка. Кожа на некогда музыкальных ручках стала гладкая да твёрдая, как струганная доска. А когда пазы выбирал, то так ухайдакивался, что едва духом не падал.... Вот потому в день — полвенца пока. Но «лиха беда начало».

А завернул такой холодина, что день с ночью перепутал. Спал урывками, пока балаган и полушубок тепло держали. А дальше топором грелся, истинно плотничьим, дедовским. Вызванивал им и под звёздным небом: то луна точному удару помогала, то костерок

подсвечивал. До того намастачился, что за сутки венец поднимать стал. Да ещё на болоте мох успевал надёрживать. И хотя задубелый он, однако, под тяжестью брёвен верную осадку и плотность в пазах давал. Так старая расстрескавшаяся печь-каменушка, невольная виновница пожара, обрела новые стены. Пошатнувшаяся кладка требовала заботы и глиняной замазки. Но это успеется: и без того силёнки по сусекам приходилось скрести. От хронического недосыпа, первобытного бдения у огня и каторжной рубки начало пошатывать. Но остановиться означало — замёрзнуть. Пальцы не держали: всё чаще откапывал в снегу выскользнувшее из рукавиц топориче. Видать, вся энергия от скудной пищи уходила на обогрев нутра. Желудок работал, как котельная. А кровеносно-сосудистая система служила — отопительной. И нельзя было ни одной жиле не дать перемерзнуть. Жался к костру. Но время полусту не терял. Новую мережу плёл. Из можжевеловых побегов добрый колчан стрел навостругивал, оперил тетеревиными маховыми. Наконечники от дедовых самострелов громоздкими оказались, так он их терпеливо на наждачном камне стачивал и заячьей жилой крепил по месту. Лук из можжевельника вышел неказистый, но упругий. Правда, строенную дратвенную нить после десятка выстрелов рвал безжалостно. Да и стрелы сперва летели, куда хотели, но мало-помалу стали отыскивать мишень. «Беда бедой, а еда едой...»

Но вот напасть: в глазах какая-то рябь замельтешила. Боковое зрение пропадать стало: то есть, то нет его, словно пухом веки облепило. Кормёжка сплеховала: витаминов — ноль, да и хлебушек уже снился не раз. Чтобы глаза поправить, догадался черничные стебли, как косуля, из-под снега выкапывать. Отваривал и так грыз. Ломка скручивала реже, однако, совсем не забывала. Но тут лес назначил ему ещё одно и, может быть, последнее сильнодействующее лекарство: таёжный лымыга пожаловал.

И когда в прорези прицела расплылась медвежья башка, сердце упало.

Промах?.. Конечно, промах. Остаётся — подпустить поближе. А отошавший от бродячей зимней житухи зверь, несмотря на то, что вязнет в сугробах, прёт и прёт на рожон. Лезет медленно, но верно, не обращая внимания на пса, прихватывающего его.

Тот зачужал шатуна с опозданием из-за неблагоприятного ветра... И вот теперь тщетно пытается исправить ошибку. А лобастый людоед рвётся к сруб, одержимый запахом человечины.

— Кучум! Чу его, чу!..

Лайка ловчит и делает жёсткую хватку по гачам. Бурый приседает. И тут своё заключительное слово говорит отцовский карабин. Эх,.. Левую переднюю, как отсекло, она болтается от самой грудины. Медведь вгорячах хватает зубами ушибленное место. А пес, воодушевлённый запахом крови, делает отчаянный бросок на загривок, но от сильного удара отлетает прочь и зарывается в снег.

Что-то дикое нечленораздельное, как в рукопашной — солдат, выкрикивает охотник, отвлекая зверя на себя. Лишь бы увести от раненой собаки. Как ни ослаблен шатун, но в его движениях нет опрометчивости, и он выбрал цель — человека. Но наследная охотничья вековечная память подсказывает Генaxe, как с ним справиться. «Главное, не кажи рогатину, прикинься беззащитным». И парень разворачивается спиной к лымыге и делает вид, что убегает. Прикрывает собой сверкающее полусаженное лезвие, насаженное на крепкую кручёную и жилистую берёзину. Он держит испытанное дедовское оружие наперевес — тупым концом

к налётчику — в любой момент готовый к разящему развороту. И надо почувствовать этот «момент», который может стоить жизни. «Ага... Спины ему показывай... Вот... Только голову поверни... Не выдай, Генaxa!» Ему даже почудилось, что он не один, будто это не он, а какой-то матерый медвежатник по приближающемуся хриплому дыху отсчитывает сейчас решающие мгновения...

А голодный убийца, размахивая отстреленной лапой и развевая всклокоченной шерстью, мощно толкается задними, чуя близкую поживу. Последние метры берёт в пару осадистых скачков и, вздыбившись, кидается подмять жертву.

И вот тут-то... Иван, Денис, Фёдор, Софрон,.. словом, весь мужской род лесовиков Тропининых руками возмужалого отпрыска — Генaxa — вонзает заточенное остриё под перебитую лапу. Удар точен! Но ревушую громадину не удержать: сминая кусты, как траву, она валится на охотника. Душный берложий запах накрывает с головой.

«Батя!..» — мелькнула мысль об отце, принявшем лютую смерть, погибшем,.. но воскресшем сейчас в своём наследнике. И неожиданно сын увидел лицо матери, ушедшей из жизни, когда он был ещё беспомощным четырёхлеткой. А теперь она улыбалась ему. И как они были с ней похожи! «Мамкин портрет...» А нож, острённый отцом, колот и колот тушу по костную рукоять. Парень бил и бил,.. пока не понял, что победа за ним. И теперь уже ничто в жизни не могло его сломать.

Гловарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Зверь — 1) (зоол.) позвоночное животное класса млекопитающих; 2) хищное животное; 3) травоядное или хищное животное; в составе термина «охотничьи звери» неоднозначно, поскольку подвергается значительному воздействию своего первого (научного) и второго, общеязыкового (и в некоторой степени наивного), значения: «хищное животное класса млекопитающих» (словари Ефремовой, Ушакова, Ожегова и т. д.), которое сформировалось под воздействием устойчивой ассоциации «зверь» «жестокий, свирепый, изверг, чуждая, неизвестная сущность, смерть» (Она у меня хорошая, заботливая, не зверь какой-то; это не мать, а зверь; не звезда без души — зверь (Национальный корпус русского языка); смотреть зверем, будить в ком-либо зверя (БТС), также зверский, звереть); однако недостаточность воздействия данной ассоциации для полного формирования устойчивой семы подтверждается нетавтологичностью сочетаний типа «лютые звери», «лютый волк» (БТС), где «лютый» «свирепый, кровожадный», либо «причиняющий невыносимые страдания» (БТС); слово «зверь» имеет общиндоевропейское происхождение (ср. латинское «ferus»), в славянских языках изначально нейтрально, к примеру, в «Повести временных лет»: «Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяша зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне...»; в качестве причины возникновения негативного компонента его значения можно предположить воздействие христианского концепта апокалиптического зверя с одновременным ослаблением роли охоты в жизни славянских племен, отдалением человека от леса и соответствующим усилением отчужденности; компонент «хищный» в сфере охотничьего языка имеет еще более слабое воздействие, однако не сходит на нет: см. выше «зверовая собака», у В. И. Даля зверь копытчатый, зверь лапистый, лось (лось), зверина (медвежатина), звери (волки), у А. А. Черкасова (Вост. Сиб.) именование «зверь» возможно для медведя (черный зверь), изюбра, волка, сохатого, но в то же время существуют факты, где подчеркивается то, что зверь именно хищник: **зверогон** (красногон) (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»), **красный зверь** (лиса или волк); **звероватость** и т. д.; это связано, с одной стороны, с сохранением в сфере охотничьего языка значительной доли элементов архаичной картины мира в сочетании с необходимостью подбора общего обозначения для хищных и нехищных животных, вызванной тем, что подобная катего-

ризация в целом свойственна мышлению человека, а с другой — с воздействием изменившегося общеязыкового значения; возможны также сочетания: **зверь проходной, натеклый, местовой, гонный, шумовой, подсадной, красный**.

Зверь подсадной — ((устар.) **садочный**) животное, пойманное и содержащееся для **притравки** собак. (Охотничьи общества и коллективы для **притравки норных собак** устраивают специальные **притравочные станции**, при которых содержат **подсадных зверей** — лисиц, енотовидных собак и барсуков... **В искусственных норах** производится не только **притравка собак**, но и испытания их по **подсадному зверю** (В. Г. Гусев «Легавые собаки и охотничьи терьеры»).).

Зеркало (салфетка) — белое пятно у хвоста косули, оленя и т. д. (Летом она имеет повсюду кирпично-красную лоснящуюся короткую шерсть. Зимой же шерсть на ней длинная, серая, с слабым красновато-желтым оттенком; в это время зад ее (зеркало) совершенно белый, как снег (А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»).).

Зеркальце — 1) яркая, чаще белая или синеватая полоса на крыле птицы (утки, тетерева и т. д.); 2) белое подхвостье косача; 3) **зеркало**.

Злоба, злобность — качество гончей, борзой или норной собаки, заключающееся в стремлении во что бы то ни стало добраться до зверя; у некоторых пород — один из критериев оценки ее работы. (Гончие были у меня тогда самые заурядные: набирал я их из псовых охот; все это были английские **ублюдки, невязкие, не чутыстые, злые, но не злобные, гнавшие всегда вразброд, не выдерживавшие и одного круга...** (Н. П. Кишенский «Ружейная охота с гончими»).); **злоба к зверю, злобная, незлобная, злоба мертвая** — способность собаки **делать мертвую хватку и не отпускать зверя до его удушения или прибытия охотника**. Свойственна борзым, норным и некоторым другим породам (И. А. Касаткин «Словарь охотника-природолюбца»); 2) **свойство собаки, замирающей в мертвой хватке по зверю, оторвать которую можно, лишь разжав ее челюсти** (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»); **на злобе** в тот момент, когда норная собака еще не потеряла азарта и злобы к зверю, что простиमुлирует ее охотничий инстинкт. (Первая **притравка** должна продолжаться 5–7 минут. Заканчивают ее на самом интересном для собаки месте — нападении. Новичку не дают «доработать». В дальнейшем все **притравки** должны строиться на «недоработанности» собаки. Их заканчивают в момент атаки, или когда норная соби-

рается напасть. Такое окончание работы носит название «**снять на злобе**» (М. А. Муромцева «Работа по еноту»).).

Зоркость — важное качество борзой собаки. (Это не только отличное зрение, но умение мгновенно заметить зверя, где бы он ни вскочил, и способность не потерять его на скачке в бурьянах, оврагах и т. п. (В. И. Казанский «Охота с борзой»).).

Игра — 1) совокупность действий глухаря или тетерева на **току**, белой куропатки, журавлей, дупелей и т. д. 2) форма поведения молодняка млекопитающих, связанная с общением особей своего или (реже) др. вида (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»).).

Идти (ходить) — 1) (вост. сиб.) охотиться на какого-либо зверя. (Но не думайте, чтобы всякая промышленная собака сибирской породы ходила за всяким зверем (А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»).); 2) перемещаться (о четвероногой дичи). (Я помню, как на вологодских испытаниях в течение трех дней подряд **беляки ходили**, как по нитке, краешком одной вырубки, переходя из одних мелочей в другие (Н. П. Пахомов «Как охотиться с гончими»).); **ходить под гончими** (о звере) подвергаться преследованию гончих собак; **уйти, сойти со слуха** — (о гончей) уйти так далеко, что охотник больше не может ее слышать; **идти верхом, верхами**, однако некоторые сочетания возможны только с одним из этих глаголов; **идти в отбой** — отделяться от выводка (о молодых тетеревах); **идти верхом, верхами**; глаголы «ходить» и «идти» представляют собой разнокоренную семантическую пару, что позволяет объединить из в одну словарную статью.

Изюбр, изюбрь (изюбры, изюбри) — подвид благородного оленя; О. А. Егоров со ссылкой на Российский государственный исторический архив в составе зверинца Анны Иоановны упоминает 9 **изюбрей**, которые противопоставляются немецкому оленю (О. А. Егоров «Очерк истории Русской псовой охоты (XV—XVIII вв.)»), что подтверждает противопоставление подвида благородного оленя (За пределами Красноярского края, в горно-таежных угодьях, обитают близкие к маралам их сородичи — изюбри. Они меньше размером, светлее окрасом, и рога у них развиты соответственно слабее. Если взрослые быки-маралы достигают веса до 300 кг, то изюбри весом 200 кг встречаются редко («Настольная книга охотника-спортсмена»); происхождение названия неясно, предполагаемое М. Фасмером родство с «зубр» видится маловероятным.

Начало см. в № 1—10

Продолжение следует

Мои друзья – охотники и браконьеры

С. СУЩАНСКИЙ

Шматочек

Был у меня знакомый милиционер, гаишник. Звали его Анатолий, а фамилия... Фамилия у него была — Шматочек. Ну, что поделата — фамилию не выбирают, её родители дают. Да и что такое шматок в переводе с украинского языка? Кусок. Шматочек — значит кусочек.

Когда общаешься с человеком просто так, без всяких дел, он вроде бы и ничего. Можно терпеть. Так и я достаточно спокойно относился к Толяну, правда, особо с ним не контактируя. Как представителя силовых структур Шматочка избрали (или назначили?) депутатом местного Совета. А меня, как Первое Лицо станции, изредка приглашали на их заседаниях присутствовать. Ну, и сидели рядом.

Прошло время, и Шматочка за какие-то прегрешения из ментов попросили. Причем попросили не просто так. Собралось собрание офицеров, на котором и констатировали: Шматочка из органов, значит...

Подёргался Шматочек, подёргался — куда бывшему менту податься, если кроме этого ничему не обучен, а к другому виду деятельности не привык? Пошёл в сельскохозяйственное объединение водителем — крутил же баранку гаишного узика! Новая работа, очевидно, ему пришлась не по душе, о чём он не преминул сообщить мне во время нашей встречи. Я посочувствовал, и зачистил мой дружок ко мне в кабинет. Курить он не курил, но любил поговорить и говорил очень сладко: о том, каким он был замечательным гаишником, какой он хороший водитель и как его, Шматочка, все в куче и каждый в отдельности недооценивают.

А тут у меня образовалась вакансия водителя. Я к управляющему сельхозорганизацией, мол, так и так, вот хочу взять Шматочка к себе. В приятельской дружбе с управляющим я не состоял, но общались по сенокосным вопросам, то по уборке турнепса (всегда почему-то из-под снега)... Так вот, он мне и говорит: «Хочешь иметь головную боль на долгое время, прими май!»

Но не послушал я доброго совета многого человека, сунул голову в петлю. Первые вопросы возникли, когда я стал изучать трудовую книжку Анатолия Шматочка. Безусловно, она заслуживает отдельного пристального рассмотрения. То, что Шматочек до поступления в ГАИ был летуном, это самое незначительное его прегрешение. Но его дважды выгоняли с работы за нарушения трудовой дисциплины! Как

же с такой трудовой его взяли в милиционеры?

Случилось так, что после ареста Ивана Долларова осталась у меня левая обойма патронов к карабину. Выкидывать не стал, но и отправлять её Фунтику в зону — тоже не резон. Так и прикипела. А гильзы у патронов приметные — латунные, жёлтого цвета. И лежала она до поры до времени, пока Шматочек вдруг не попросил у меня винторез: дай, мол, схожу за олешкой. Я был в добром расположении духа: ну на, сходи. И даю эту самую долларовскую обойму.

Уж не знаю, каким охотником являлся Шматочек на самом деле, но один случай, свидетелем которого был я сам, поразил меня до глубины души.

Собрались мы как-то по весне на перелёт. Двинули на двух автомобилях: станционном бортовом ГАЗ-66 и гаишном узике Шматочка. В узике, как и положено, начальство расположилось, а мы, набрав матрасов и спальных мешков, — в кузове «шестьдесят шестого». На место прибыли уже в сумерках. Но май, ночи короткие и светлые. Я куда-то пополз, по лужам и озерам. Туда сунулся — шуганули какие-то охотники. В другую сторону — опять не слава Богу, территория уже забита. Ползал, вилял, петлял, вдруг гляжу: ути в луже плещутся! Я навскидку: бах! бах! А с другой стороны лужи ответные выстрелы — по мне. Только и слышал свист дробы над головой. И матюги восьмизатяжные. Я, оказывается, обстрелял подсадных уток! Короче, задом — и к машинам. Забрался в кузов, зарылся в спальник. Сна нет, лежу — в небо гляжу. Над головой утки летят, вперемежку с гусями, то одиночки, то косяками. Но никакого желания браться за оружие. А Шматочек в соседнем спальнике похрапывает. То ли канонада спорадическая, то ли первые лучи солнца, то ли я громко шебуршал — проснулся дружок. А тут как раз стая гусей. Шматочек свою двустволку схватил и, не вылезая из спальника, дуплетом — в стаю. И один гусь-гуменник грохнулся в кузов нашего грузовика! Шматочек стал героем дня, и некоторое время рассказ о нём передавался охотниками из уст в уста, обрастая невероятными подробностями.

Вот этот фантастический случай я и вспомнил, когда снабдил оружием и боеприпасами станционного водителя.

Шматочек укывлял. Я зарылся в бумажки: станция большая, многопрофильная. Разных отчётов — море! Через некоторое время выхожу на крыльцо подышать свежим морозным воздухом. Гляжу: лежит моя обойма у крыльца на снегу. Недоумённо поднял её и положил в карман. Спустя неделю воз-

вращает наш охотник карабин.

— А патроны?

— Какие патроны? Патронов ты мне не давал! Я со своими ходил!

Какие-то не очень светлые мысли мельком влетели в мою голову, но я отогнал их.

Дальше — больше. Приходит.

— Слушай, — говорит, — я тут спиток составил на запчасти к автомобилю.

Читаю. Среди прочего — «каропка пиридач». Глаза округлились, и я еле сдерживаю смех.

— Слушай, Толян, у тебя ведь техника за плечами?

Техникум он закончил заочно, работая гаишником.

— Ну, да.

— Так «коробка», вроде через букву «б» пишется, а «передач»...

Договорить я не успел:

— Да што ты к моим словам цепляешься? Ишь, грамотный сильно! Смотри, как бы я твою грамоту из тебя не выбил.

Надо сказать, что в юности Шматочек занимался боксом и достиг определённых результатов. Я как-то наблюдал из окна кабинета его мастерство. На дороге к Толяну подошли два мужика — что-то требовали, доказывали и махали крылышками. Два молниеносных удара — и оба лежат на дороге, как налим в пыли...

Но грамоту из меня уже не выбьешь, какие способы ни применяй. Тут уж ничего не поделаешь. Но забил Шматочек гвоздик в работу. Мне ехать в банк — станционную зарплату получать. А автомобиль разобран. И посередине кучи деталей — Шматочек собственной персоной.

— И когда же это будет готово?

— А никогда!

Ладушки, еду в банк на попутке. Но начинаю давить Толяна рублём: сначала — долой премии, затем — доплаты за слесаря, электрика, сантехника. От зарплаты остались такие крохи, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Не то, что на житьё, на кружку пива не хватит. Мутота эта длилась довольно долго, наверное, месяца четыре, то затахая, то разгораясь с новой силой.

Расставались мы со Шматочком скверно до неприличия. За время пребывания в водителех я выдал ему кучу различной спецодежды, Шматочек ничего не сдал. Естественно, бухгалтерия вычла стоимость спецухи из расчета. Толян приперся махать кулаками. До мордобоя дело не дошло, но гадостей наговорили друг другу много.

Но история с моим дружком на этом не закончилась.

Однажды двинул мой разлюбленный Шматочек с поселковым охотником Паш-

кой Ильюшенко в тайгу за лосями. А надо сказать, что к тому времени, о котором идёт речь, оружия на Колыме развелось, как грибы. В продаже появились и СКСы, и «Сайги» различных калибров, в том числе и под автоматный патрон 7,62 мм, и прочие гладкоствольные и нарезные стреляющие аппараты: хоть с оптическим прицелом, хоть с прибором ночного видения. Охотникам разрешалось иметь до пяти единиц оружия! И стационарный кавалерийский карабин стал почти антикварной редкостью.

Так вот, двинули, значит, мужички на охоту. Часть пути проходил по реке, потому шли вверх по течению на дюральке под «Вихрём». Ну, а дальше... Дальше всё запутано и непонятно. Вернулись они на следующий день и без добычи. Более того, у Толяна оказался простреленный локоть правой руки. Он сразу же сунулся в медпункт, а оттуда его на «скорой» — в районную больницу. А из показаний напарника следовало, что в лодке лежало заряженное оружие — СКС и двустволка. Толян неосторожно дернулся, СКС спусковым крюч-

ком зацепил за какую-то железку. Выстрел — и пуля перебила сустав.

По посёлку поползли разные слухи. Охотники, не понаслышке знакомые с оружием различных систем, никак не могли взять в толк: каким таким способом можно себе прострелить локоть?

Но и пострадавший в устных показаниях, и его напарник Пашка — в письменных стояли на своём. Мол, несчастный случай — и точка. Странно, что следователь, который пытался распутать эту историю, ничего криминального не заподозрил и уголовное дело не возбудил. И только по истечении времени какая-то правда о тех событиях всё-таки всплыла.

...Когда шли под мотором вверх по реке, на одном берегу увидели лося. Причалили и разбежались, толком не сговорившись о действиях. Шматочкин товарищ, услышав вдалеке треск сучьев и увидев чью-то мелькнувшую тень, пальнул в ту сторону из СКСа — в белый свет, как в копеечку. Только вместе с копеечкой оказался не лось, а мой дружок — Шматочек. Пуля попала в локоть правой руки, раздробив сустав. Естественно, кровь, матюки — всё как положено. Ильюшенко не просто струхнул — от испуга обмочил штаны и портянки. Первыми его словами были: «Не выдавай меня! Не говори никому! Я тебе всё оплачу — и лекарства, и лечение! Умоляю — прости!»

Скорее всего Шматочек подписал «секретный протокол» — принял условия этой устной договорённости. Властям он так и не признался, что же произошло на самом деле.

Но рана оказалась очень серьёзной, и рука начала сохнуть. В стране разгоралась инфляция, рубли, как и в двадцатые годы, стали считать миллионами, весь народ резко превратился в миллионеров. Шматочку денег на лечение не хватало катастрофически, а напарничек отказался покрывать медицинские расходы. Думаю, Толян сто раз пожалел, что подписал этот самый «секретный протокол». Ещё бы, напарник остался вроде как ни при чём, а Шматочек в расцвете сил стал калекой. Конечно, какие-то мелкие дела учился делать левой рукой, но в целом плотно уселся супруге на шею.

Ну, а я? После случившегося простил Шматочка за всю ту напряженку, которая была у меня благодаря его стараниям. Переезжая в Магадан, я даже попросил фотографию — на память...

Вадим

Моим соседом по барaku оказался Вадим, парень лет на пять—шесть старше меня и имевший определённый опыт жизни на Колыме. Как и я, Вадим носил очки, а я, в свою очередь, завел себе бороду — как у Вадима. Правда, он ухаживал за своей бородой, подстригал ее регулярно, холил и лелеял. У меня же она росла — как ей вздумается. Тем не менее, когда наши бороды по длине сравнялись, малознакомые люди нас порой путали.

Во всех отношениях Вадим был человеком необычным. Во-первых, не имея специального образования, он досконально постиг все тонкости выполняемой работы и натаскивал свежеспеченных инженеров и техников, изредка прибывавших на станцию. Во-вторых, руки у Вадима росли из нужного места. До Колымы он где-то работал слесарем, знал и любил слесарный и столярный инструмент, а потому всю мебель в своей квартире и множество всяких приспособлений сделал своими руками. Вообще самопальная мебель не редкость в таежных посёлках, но почти всегда она выглядит топорно. У Вадима мебель получалась не хуже заводской.

Кроме всего прочего, Вадим прекрасен фотографировал и фактически был штатным стационарным фотографом.

Можно до бесконечности перечислять все достоинства моего дружка, но самым главным его увлечением было изготовление охотничьих ножей, а тайной любовью — огнестрельное оружие. Официально у Вадима имелось охотничье ружьё ТОЗ-34 и висело оно по правилам тех времен — на стене над кроватью. Рядом — шикарные лосиные рога, а на них — набитый патронташ.

Вадим был чрезвычайно начитан. В его комнате видное место занимал самодельный книжный шкаф. Но книги из своей достаточно обширной библиотеки читать давал не каждому и крайне неохотно. На дверце шкафа висело красноречивое объявление: «Не шарь по полкам жадным взглядом! Здесь не даются книги на дом».

Бывать в гостях у Вадима было интересно: велись какие-то умные — и не очень — разговоры, беседы, можно было разглядывать изготовленные им охотничьи ножи, листать книги и журналы. Изредка и не всем Вадим показывал свои ружья, среди которых были интересные экземпляры: «Зауэр», один ствол которого 16 калибра, а второй — нарезной, под хитрый немецкий патрон; берданка Тульского Его Императорского Величества Александра III оружейного завода тысяча восемьсот затертого года; пистолет, передельный из обрезанной мелкашки. Малокалиберная винтовка и охотничий карабин калибра 8,2 мм особого интереса не представляли, поскольку эти винтовки были достаточно распространёнными.

На станции все знали о Вадимовых пристрастиях, но ни в одну голову не приходила мысль кому-нибудь или куда-нибудь капнуть, наступать. Тем более, что Шеф наш был на дружеской ноге с главным территориальным ментом и водил его в квартиру Вадима на экскурсии.

Но время идет, власть меняется. И появление участкового милиционера и ещё какого-то чина в штатском была для Вадима, и для всех нас, полной неожиданностью. Дели приезжих были ясны, задачи определены: менты составили протокол и изъяли у Вадима все оружие — подчистую, включая и его официально зарегистрированную тулку. Не нашёлся только самодельный пис-

толет: то ли Вадим предусмотрительно занёс его куда подальше, то ли отдал кому-то. Но, думаю, впоследствии это спасло Вадима от более сурового наказания. Ну, а следы пистолета с того времени затерялись. Главное, что всё оружие, хотя и исправное, Вадим никогда не использовал. Это были экспонаты его коллекции!

Но, кроме конфискованного оружия, вышла непонятная заморочка с патронами к охотничьему карабину, и вроде как Боярский, ставший к тому времени Первым Лицом на станции, потворствовал своим бездействием Вадиму в хищении (!) патронов.

Состоялся суд. Вадиму определили три года «химии». Частное определение суда по делу в отношении Боярского ушло в контору, руководство которой погрозило пальчиком, мол, если еще что-нибудь подобное произойдет, в Первых Лицах Боярскому не ходить! Боярский струхнул — и взял под козырёк. А на Вадима затаил злобу. Дело дошло до того, что когда Вадима досрочно, через полтора года, освободили и попросил Боярского оформить документы на въезд в Магаданскую область, тот отказался. По инстанциям бегал я и документы Вадиму отсылал тоже я.

С «химии» Вадим вернулся не то чтобы постаревшим, но каким-то осунувшимся. С расспросами про тамошнюю жизнь я сильно не приставал, а Вадим особо не распространялся. Сказал только: «Ну, не мёд там, Серёжа...»

После возвращения сделал Вадим попытку вернуть себе свою двустволку ТОЗ-34, обращался в органы, однако получил отказ. Но в тайге без оружия — невозможно! Конечно, Вадим обзавелся какой-то «пукалкой», но не афишировал этого. Изредка просил меня прикупить то пороха, то капсюлей, то дробь.

Голова не давала рукам покоя, и Вадим стал собирать в тайге коряги, старые пни и капы — наросты на лиственных. Что-то потом строгал, пилил — и вдруг из ничего стали получаться разнообразные фигурки, вазы, замысловатые хитросплетения и узоры. Слава о таёжном кудеснике докатилась до райцентра. Потянулась вереница корреспондентов — и несколько раз в районке были заметки о Вадиме и его творчестве. Однажды даже выставку устроили. Но на выставке часть экспонатов похитили неизвестные злоумышленники, и Вадим впоследствии отклонял все предложения об организации экспозиций.

... Вадим уехал на материк через два года. Вдогонку ему написались стихи:

Мой друг покинул Колыму —
Решать семейные вопросы.
Ему отныне ни к чему
Морозы, снежные заносы,
Дождей сплошная пелена
И комаров звенящих тучи,
Тайга у самого окна
И сопок каменистых кручи.
Но вот который год подряд
Он наш посёлок вспоминает
И ностальгия расцветает,
И сердце просится назад.

Глухаринная охота

*«Вы егерей за кровожадность не
пинайте,
Вы охотников носите на руках...»
В. ВЫСОЦКИЙ*

У Орхара родился сын.

Читатель, не воспринимай написанное буквально. Так за глаза — Орхаром — звали моего дружка-товарища и соседа по бараку. За какие подвиги приклеилась к нему такая кличка — никто уже толком и не помнил. Когда я появился на Колыме, Орхара уже и звали Орхаром.

Итак, у Орхара родился сын, и он решил в ближайшую субботу обмыть, как, и положено, появление наследника, пригласив на торжество если не всех, то большинство своих коллег, друзей и знакомых.

Но суббота — святой для охотников день! Капканы расставить, проверить, поправить, а там глядишь — и дичинку какую-никакую подстрелить. А потому, с раннего утра, ещё по темноте, мы разбежались по распадкам. Сам виновник торжества остался готовить ствол.

Несколько коллективных выездов на природу отбили у меня всякое желание охотиться стадом, и уже года три я ходил по тайге, и зимой и летом — в одиночку. По-разному можно относиться к прогулкам в одиночестве, тут есть и свои плюсы, и свои минусы. Самое главное, ты сам себе командир, хочешь спать — ложись, а хочешь — песни пой. Вся встреченная дичь — твоя: удалось подстрелить — хорошо, нет — винить некого! Но с другой стороны, даже простая поломка лыж это уже проблема: пешком по сугробам далеко не уйдёшь! А не дай Бог... Нет, ни писать, ни даже думать об этом не хочется!

Стоял ноябрь и на Колыме уже трещали обычные для этого времени года морозы. Но денёк выдался пасмурный, шел небольшой снежок. Ветра не было — и это радовало. Я загрузил рюкзак капканами, приманкой, взял термос чая, чтобы не тратить время на разведение костра и кипячение воды, естественно — кое-что на перекус. Само собой — ружьё и запас патронов. В соседнем распадке за перевалом у меня стояла небольшая «избушка на куриных ножках», этакая собачья конура, разместиться в которой, да и то без особого комфорта, мог только один человек. Но была печурка и в случае чего всегда можно было отдохнуть, обогреться, просушиться и приготовить нехитрую снедь.

Когда я взлетел, несмотря на «гирьку» в рюкзаке, как на крыльях на перевал, уже рассвело. Не останавливаясь, ходом спустился, точнее, съехал вниз верхом на палке. Палка должна быть достаточно прочной, ибо служит тормозом и не даёт охотнику разогнаться до беспредельной скорости. Такой способ катания на лыжах по-колымски я перенял у своих дружков-охотников...

Две недели назад я уже начал сезон

зимней охоты, но прошлую субботу ломало — и вылазка в тайгу не состоялась. Время шло, и пока окончательно не разразилась зима, нужно было разнести капканы по путикам.

Лыжня, проложенная мною по руслу ручья, была видна отчётливо. И подогняемый азартом я нёсся к избушке.

Печь в избушке я разжигать не стал. Зажевал пару печенюшек с намазанным на них сливочным маслом и хлебнул чайку из термоса. Часть груза оставил в домике и налегке двинул вниз по ручью.

Я не отошёл от стоянки и ста метров, как вдруг из зарослей карликовой берёзки вылетел глухарь и уселся на ветке лиственницы метрах в пятнадцати ниже по ручью. От такой наглости я замер и даже лыжи не сбросил. Двустволка слетела с плеча автоматически, как бы сама собой. Сердце колотилось бешено, и я понял, если выстрелю немедленно, то скорее всего промажу. Несколькими раз глубоко вздохнул, держа глухаря на прицеле. Думал об одном: сорвётся с места глухарь или нет? Задержал дыхание, большим пальцем правой руки передвинул предохранитель и выстрелил из нижнего ствола. Глухарь перевернулся и головой вниз упал в сугроб. Звук выстрела спугнул второго глухаря, который взлетел чуть впереди меня и по диагонали пересек долину. Не целясь, на вскидку, вторым выстрелом из верхнего ствола сбиваю и этого. Замер, сердце уже готово выскочить из грудной клетки. Переломив ружьё, спешно перезарядил стволы. Рукавицы кинул на снег, но холода не почувствовал. Сбросив рюкзак, медленно ползу вперёд. И всё-таки третьего глухаря я прозевал: он взлетел откуда-то сзади и уместился на толстый сук лиственницы. Но шум крыльев заставил меня оглянуться — и глухарь, сидящий на ветке, сразу же попал в моё поле зрения. Я опять выстрелил из нижнего ствола — глухарь забил крыльями по снегу.

Да... Такой стрельбы у меня никогда не было ни до, ни после этого случая. Хотя вся охота заняла не более двух минут. А может быть и меньше: кто в таком азарте засекает время? Честно говоря, я не успел насладиться прелестью охоты: три выстрела — три глухаря! Я собрал дичь и сложил тушки на лыжне в кучу. Пробежался вниз ещё с полкилометра, но всё, охотничье счастье закончилось. Расставлять капканы уже не хотелось, но я всё-таки настропал десяток — чтобы был стимул на следующие выходы.

Уже стемнело, когда я появился в посёлке. Но едва я зажег свет в своей коморке, Орхар тут как тут. И пока я сбрасывал обледеневшие и мокрые манатки и сбивал сосульки с бороды и усов, он разглядывал трофеи при свете тусклой электрической лампочки. Да, три глухаря — это не хухры-мухры! Орхар стоял, оттопырив нижнюю губу — любимая поза, когда зависть

переполняла его и бурно выплёскивалась через край. Считая себя охотником номер один на Колыме и в её окрестностях, Орхар не переносил какие-то даже маломальские успехи других.

«Ладушки, Орхар, — подумал я. — У тебя сегодня праздник, пусть у тебя на столе будет кусок моего пирога!» Я ещё раз поздравил Орхара с рождением сына и презентовал ему одного глухаря. Да, ладно, по такому случаю не жалко!

Так сына мы обмыли. Естественно, он получил по наследству кличку — Орхаровец. Но вот до сих пор не могу придумать, как называть жену Орхара: Орхаркой? Орхаршей? Или Орхарицей?

Вордан

Случалось ли тебе, дорогой читатель, зацепившись за какую-нибудь фразу или даже слово, тянуть затем ниточку и разматывать клубок воспоминаний? Мысли скачут, вызывая самые невероятные ассоциации, спонтанно перекидываясь с одних событий на другие, абсолютно не связанные между собой...

Явился к нам в Контору клиент, представитель ООО «Ипотечная компания». Интересной внешности и невысокого росточка дедок, Божий одуванчик. Весь из себя седенький такой, борода лопатой — и тоже седея. Встречаю как обычно:

— Ваше имя, фамилия, отчество?

Дедок отвечает:

— Вордан я, Атанас Митрофанович. Вот и доверенность с круглой печатью.

Как будто мы требуем с квадратной. Но тут я служебные дела в сторону:

— А не родственник ли вы тому Вордану, который работал охотоведом на Колыме?

— Родственник, родственник. Двоюродный брат.

Разговорчивый попался клиент, словоохотливый. Начал излагать историю своего семейства: мол, с братом они из Красноярского края. У деда его было четыре сына — и все четверо погибли на войне. Но остались дети, причём как на подбор — одни пацаны, девок вообще не было. Жизнь закрутила, и Атанас со своим братом в начале семидесятых попал на Колыму. А вообще клан Ворданов по-прежнему проживает там же, в Красноярском крае.

Вот так дела! А ведь я довольно долго был знаком с братцем клиента, Ворданом-охотоведом. Увлекался по молодости любительской охотой — благо, возможность была: жил и работал в тайге. Сначала просто бродил по сопкам, прогуливался, свежим воздухом дышал, куропаток с зайцами стрелял. Потом во вкус вошёл — ежегодно заключал с Ворданом договора на соболя, белку и горностая и сдавал ему пушнину.

Ох, и хитрый был мужичок! Дурил всех подряд, особенно молодых и необстрелянных, таких, как я. Шкурки соболей принимал — это надо было не только видеть, но и слышать. Все «коты» у него — «четвёртый цвет, соломённый воротовой». Для непосвящённых — это самый низший разряд. А первый цвет — темный, даже чёрный, без седины и подпалин на груди. Чуть где на шкуре проплешина или слипшийся мех — сразу, без разговоров, срезал Вордан процент на брак. А уж прочую мелочёвку всегда по минимуму принимал. Но! Выдавал справки, которые на полке охотников отоваривали один к трём: на сто рублей справки можно было купить шмотья на триста! И охотничьи припасы привозил — капканы, порох, дробь. Первая моя покупка за охотничьи трофеи — самовар электрический. Вещица эта электрическая одно время очень большим спросом пользовалась. Позже и сапоги японские супруге справил. Ну и там полотенца-наволочки... Тоже был дефицит, мать его так! Куда не плюнь — всюду дефицит!

Из-за этих хитростей охотники не шибко жаловали Вордана. Как-то летал он на «вертушке» на отстрел волков. Жалобы были от пастухов-оленоводов, мол, волки житья не дают. Прямо подчистую олешек жрут, гады! Как же, жрут! Это приезжают в хозяйство комиссии разные или начальство какое — оленеводы тут же олешку дружке гостям на закусь. А как потом отчитываться? Вот на хищников и списывали. Волки тоже прилагали определённые усилия для уменьшения оленьего поголовья, но это такой мизер! Что бы кто ни говорил, основной волчий корм — это мыши. Впрочем, как и у соболей и прочих мелких хищников.

Кстати, недостатку оленеводческие хозяева списывали не только на волков, но и на различные природные катаклизмы. Было смешно читать случайно попавшие мне в руки документы о погиб-

ших в лавине олешках. Это ж надо, такую сказку придумать! Мол, в результате «тыры-пыры восемь дыры», лавиной накрыло стадо численностью в триста голов! Ну, не совсем же пастухи глупые — гнать олешек на верную погибель!

Так полетел Вордан с бригадой на «вертушке» волков стрелять. И настреляли — пять или шесть штук. Стрелком-то он был справным, что и говорить.

Вообще о волках небылиц много гуляет по свету. А ведь волк — зверь очень осторожный. Я больше чем двадцать лет в тайге обретался, но живого волка так и не видел — ни зимой, ни летом. Лосей стрелял, оленей, за соболюхой как-то наблюдал — устроила перебранку с моей собакой! Даже с рысью общался... А вот волков не видел. Правда, «однажды в студёную зимнюю пору» наскокил на след волчий. Шел по путику, капканы проверял. А в распадке том, в моих охотничьих угодьях, заимка была, зеки в сороковых годах лес валили. С тех пор много разного хлама бесхозного по тайге осталось валяться. Наверное, и по сей день валяется. И у самого путика — бочка железная двухсотка лежала, Бог весть, с каких времён. Ржавая, дырявая — со следами пулевых пробоин: каждый «оруженосец», оказавшийся рядом, считал своим долгом пальнуть в неё раз-другой... Тут же — лиственница поваленная, с дуплом. В этом дупле я всегда на «котов» капкан ставил — уловистое место! И вот гляжу — целочка волчьих следов тянется прямо к бочке. Потом зверь, видимо, унюхал что-то подозрительное и резко свернул в сторону сопок. Так о чём это я? Ах, да...

Прилетела бригада Вордана с удачной охоты, туши волчки свалили в сарайке — потом, мол, разберёмся и шкуры обдерём. А ночью сарайку и «труханули» неизвестные, как говорят, злоумышленники. Пометался Вордан, пометался — да и затих, проглотив пилюлю. Но и в милицию не обращался — чувствовал, что уже попался на крючок.

А спустя время слухи среди охотников пошли: взяли-таки Вордана за торговлю пушиной. Он шкурки качественные, которые у охотников-договорников принимал, толкал налево. А чтобы отчётность соблюсти, государство всякий хлам сдавал. Даже шивал шкурки: из нескольких бракованных делал одну «целую». Реализацию осуществлял крупными партиями. Вот с одной такой подготовленной к продаже партии его и взяли. Больше я с Ворданом не встречался и куда он потом делся — не ведаю. В район назначили нового охотоведа, но это уже другая история...

Атанас Митрофанович получил нужную бумагу и откланялся. А меня еще долго терзали воспоминания об охотоведе Вордане, разных случаях на охоте, которые произошли со мной лично или же коим я был сторонним свидетелем...

Рисунки Н. Крамской

Богородская игрушка

К 100-летию образования артели и первых учебных мастерских

Знаменитую резную игрушку знают во всем мире. Истоки Богородского промысла уходят в глубокую старину. Первое упоминание о Богородском было в духовной грамоте 1491 года московского боярина Андрея Михайловича Плещеева — владельца села. Уже с 17 в. мастера Богородского продавали деревянные игрушки у стен Лавры, которые расходились по рынкам Москвы, городам и губерниям Руси. В ту пору резали игрушки двух видов: «серые» и «чистые». «Серые» — грубо сделанные и недорогие игрушки (кузнецы, солдатики, барыни); «чистые» — игрушки с движением («курочки клюющие», «бодающиеся барашки», «чаепитие» и т.д.) делались тщательно и стоили дорого. Классическая форма построения богородской игрушки — треугольник. Такие известные произведения 19 в., как «скрипач», «пляшущий крестьянин» — яркие представители такого построения фигур. Фантазия, юмор, сказочная поэтизация персонажей делают богородское искусство резьбы ярким, впечатляющим, что роднит его с русской народной сказкой и лубком.

В это время Сергиев-Посад становится признанной «столицей игрушечного царства». Со второй половины 19 в. в Богородском сложился особенный, самобытный стиль, благодаря которому до нас дошли работы, поражающие четкостью силуэтов фигур, эффектной игрой светотени, создаваемой фактурной обработкой поверхности. Детали фигур делали подвижными, укрепляя их на пружинке, используя раздвижные планки и баланс. Появляются игрушки с узорной резьбой: птицы, звери, петушки, курочки, а также многофигурные скульптурные группы «Крестьянское хозяйство», «Гулянье». «Чаепитие», «Тройка» и др.

В 1912 г. богородские резчики, тесно сотрудничавшие с Московским Кустарным музеем торгово-промышленных изделий, выступили перед Земством с ходатайством об устройстве в Богородском артели и игрушечной мастерской. И осенью 1913 г. Андрей Яковлевич Пушкин с единомышленниками организовали «Кустарно-игрушечную артель в деревне Богородской». Вместе с артелью была открыта и Земская художественная школа, где учащимся преподавали рисование, лепку, резьбу, что должно было послужить залогом успешного развития промысла. Руководил школой выпускник Императорской академии художеств Константин Иоганович Лимпланд.

Перелом в искусстве Богородской резьбы начинается с середины 50-х годов и связан с появлением мастеров нового поколения. Это время подъема народных художественных промыслов. В 60-е годы 20 в. артель преобразовывается в Богородскую фабрику художественной резь-

бы. Промысел активно сотрудничает с Богородским художественно-промышленным училищем — единственным в стране, где сохраняются, развиваются и передаются молодежи традиции художественной резьбы по дереву.

В 2012 г. в выставочных залах Фонда народных художественных промыслов РФ состоялось открытие юбилейной выставки «Давайте поиграем в сказку!», посвященную 100-летию образования артели Богородской игрушки и первых учебных мастерских. Экспозиция выставки представляет все этапы появления, развития и расцвета Богородской артели. Восхищают тонкостью резьбы, творческой фантазией уникальные работы конца 19 — начала 20 в. Впервые гости выставки увидят удивительные игрушки («Бодающиеся барашки». «Ласточки», «Пара в повозке». «Чаепитие»), выполненные самим А.Я. Пушкиным для детей Николая II — цесаревича дома Романовых. Сохранились грамоты, пожалованные А.Я. Пушкину царствующими особами, в частности Ее Величеством Императрицей Александрой Федоровной.

Впервые экспозиция выставки богородских резчиков так широко представляет период 20—50-е годы — скульптурные работы, отражающие эпоху этих лет: фигурки революционеров, вождей мировой революции, красноармейцев, пограничников, матросов, чабанов, геологов. Столько фантазии, ювелирного мастерства, филигранной работы в изделиях практически всего периода существования артели, а позднее и фабрики! Одна из любимых тем творчества богородских мастеров — «Пушкиниана», представленная скульптурной композицией «Бал» (Макеев И.) по мотивам поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин», где все

фигурки приводятся в движение особым устройством, работы А.С. Паутова «Пушкин», «Натали» и др.

Богородские мастера всегда отвечали своими произведениями на важнейшие события в жизни страны. Впервые представлены работы к Олимпиаде-80, проходившей в Москве. Изделия этого промысла были выбраны в качестве сувенирной поддержки Олимпиады (Смирнов М.И., Орлов М.Н. и др.). Будущая Олимпиада «Сочи-2014» уже сейчас нашла свое отражение в творчестве резчиков («Бобслеист» Вайсера В.Ф. и др.). 90-е—2000-е годы представлены произведениями известных художников, ставших уже классиками Богородского искусства — Заслуженные художники России Паутов С.А., Дворников М.Я., Польский И.М., Варганов А.В., Ахматзиаев М.М., Брюханова Л.Ю. и др.

На выставке представлены работы богородских резчиков Андрея Кондратьева и Ярослава Аршинова, которые на основе техники богородской резьбы выработали свой собственный стиль. Их работы известны и широко экспонируются не только в России, но и за рубежом.

Экспозиция, охватывающая весь исторический период развития артели богородской игрушки и училища, проходившая в выставочных залах фонда народных художественных промыслов Российской Федерации, включала свыше 300 экспонатов поистине настоящих шедевров русских мастеров-резчиков, искусство которых уникально, самобытно и, безусловно, является национальным достоянием нашей страны.

Фото В. Ускова

АГАПИТОВ Г. Автоагрессия	1
Письма читателей	3
ТРАПЕЗНИКОВ П. На реке Онега	4
ГУРОВ В. Охота на тетеревов с чучелами	6
МУХАЧЕВ А. Заяц-беляк Таймыра	8
ПЕРОВСКИЙ М. Авенир Григорьевич Томилин	10
ДИГИЛЕВИЧ А. Праздник калужских охотников	12
БОНДАРЕВ А. Волки Западной Сибири: изменения в рационе	14
АСТАФЬЕВ Н. Юридическая консультация	17
МАРАКОВА Н. Командорский заповедник	18
КОСТРОМИН Н. Еще о волко-собачьих гибридах	20
МАМОНОВ Л. Великий Ван	22
Письма читателей	25
ДЕБКОВ Н. Медвежья роспись	26
СТРУЧКОВ А. О чутье и его влиянии на другие элементы работы гончих	28
СЕЛЯНИН В. О доверии к работе своей собаки	31
БЛЮМ А. Баллистика дробового выстрела	32
КОРНИЛОВ Л. Ломыга	34
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	41
СУЩАНСКИЙ С. Мои друзья — охотники и браконьеры	42
УСКОВ В. Богородская игрушка	46
ШИШКИН В. Перепела	48

На первой и четвертой страницах обложки:

Охота на кабана — одна из популярнейших охот в России

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:

Самсонова Алиса Михайловна со своим верным другом по охотничьему досугу Дези. Ямало-Ненецкий автономный округ

Фото Е. Самсонова

Фотоконкурс «Охота и природа 2012»

Главный редактор А.М. Блюм
Генеральный директор Т.А. Волжина

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, И.А. Домский,
А.А. Данилкин, А.М. Лаврова, В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов,
Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Зав. отделом писем И.И. Полосухина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Оператор компьютера Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 04.09. 2012 г. Подписано к печати 04.10.2012 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28 000 экз. Заказ 1654.
Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 г. Чехов, Московской области, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8(496)726-54-10, телефон: 8(495) 988-63-87
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

«Фить-пирю, фить-пирю» — двухчастный, повторяющийся минорный крик самца перепела, его знаменитый «бой» теперь нечасто можно услышать летом в средней полосе России. А ведь еще 40—50 лет назад эта похожая на «спать пора» попевка почти неумолчно звучала с мая по начало августа с ближайшего поля или луга. Экологически неграмотные методы ведения интенсивного сельского хозяйства, варварский перепромысел на местах скопления перепелов во время миграций — вот те основные причины, которые привели к снижению численности этого вида, ныне включенного в Приложение к Красной книге России. Самый мелкий из отечественных куриных (крупными считаются 150-граммовые самцы) перепел окрашен в основном в камуфляжные тона: буроватый, сероватый, рыжеватый. По верху головы три белые продольные полосы, по спине — две, образованные прилегающими продолговатыми светлыми настольными пятнами. Более мелкие такие пятна в меньшем порядке распределены по всему телу, перемежаясь на спине, хвосте и крыльях с тонким светлым поперечным рисунком, а также буровато-коричневыми метинами на пере.

У самца на светлом горле выделяется буровато-черное пятно, от низа которого рыжегато-коричневая полоска полушейником поднимается к щекам и, проходя под глазом, заканчивается в углу рта. У самки такое пятно отсутствует, полушейник на горле незамкнут, на груди буроватые продольные пестринки. У самца грудь более рыжая, пестрины не темные, а мелкие светлые. Клюв сероватый, лапы охристо-серые, радужина коричневая. С мест зимовок (Центр. Африка, Аравия, Индия) в районы гнездования перепела прилетают в конце апреля, в мае. Часть перепелов может оставаться на зимовку в Закавказье, Ср. Азии, Казахстане. Весной, распределившись по подходящим биотопам (различные луга, поля зерновых и кормовых культур, участки пойм и т. д.), самцы начинают токовать, драться с соперниками. Перепела в основном полигамы.

В кладке 5—20 яиц, у которых по светлому тону (белому, охристому, оливковому) разбросаны темные пятна. Насиживает самка 2,5—3 недели. Пуховики сверху буровато-рыжие, снизу светло-желтые, на голове две темные, продольные полосы, сливающиеся на спине в одну. Слетки — через 2,5 недели, а через месяц сеголетки способны к размножению. В питании преобладают растительные корма, но летом обычны и насекомые, особенно у птенцов. Несмотря на высокий воспроизводительный потенциал (крупная кладка, размножение сеголетков, наличие повторных кладок), перепела редко где достигают сейчас оптимальной численности (40—60 шт./кв. км).

От Забайкалья до Приморья, на Сахалине и Юж. Курилах у нас можно встретить очень похожего на обыкновенного — **немого или японского перепела**. Размерами, общим типом окраски, образом жизни эта птица настолько напоминает обыкновенного перепела, что еще недавно их объединяли в один вид. Надежное отличие — брачный крик самца, у немого перепела это жужжаще-урчащее «тчики-тча». Из других отличий упомянем более короткое крыло (менее 10,5 см); не так развитые поперечные светлые полосы на рулевых, кирпично-красную окраску горла, части шеи и щек у многих самцов (есть особи немого перепела, неотличимые по окраске горла от самца обыкновенного), более яркие темные пятна на кроющих бока перьях у самок. Поведение двух видов в зоне совместного обитания (Забайкалье), находки гибридов, наличие надежных отличий в окраске, детали размножения и размещения немого перепела в природе требуют дальнейшего изучения, и здесь большую помощь ученым могут оказать опытные охотники-натуралисты. Держится немой перепел, как и обыкновенный, довольно скрытно, взлетает неохотно, хотя и совершает регулярные миграции, зимуя в Юго-Вост. Азии. Японский перепел — прародитель многих пород домашних перепелов: яйценокских, мясных, декоративных. Точных данных о численности немого перепела нет. Вероятно, в ряде мест он уже не может считаться даже второстепенным объектом охоты и нуждается в охране.

В. ШИШКИН

Японский перепел, самец

Перепел, самец

Японский перепел, самец, типичный брачный наряд

Японский перепел, самец, вариант окраски

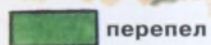

Японский перепел, самка

Перепел, самка

Перепел, самец

перепел

японский перепел

